

УРАЛЬСКИЙ
снегони́м

ISSN 0134 - 241X

4 (778) апрель, 2022

www.uralstalker.com

На крыле

СЛЕДОПЫТЫ В ПУТИ

ДОМОВИК, ХРАНИТЕЛЬ ДОМА

ПЛАВАЕТ И БЕГАЕТ

Апрель 2022

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Н.В. Дудко, Е.Ю. Базаров, Б.А. Долинго.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

На обложке –

1 стр.: На фото Михаил Бурков.

4 стр.: Бордер на плато Болванов.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2022 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №4 (778), 2022 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели,
оформить подписку на журнал
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»
вы можете через:

■ Почтовые отделения России:

■ Каталог Агентства «Почта России», индекс П6316

■ Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Аэлита
Журнал
в журнале

«Уральский следопыт.uralstalker.com» №4, 2022 г.
Подписки и печати 30.03.2022 г. Дата выхода 04.04.2022 г.
Цена свободная. Печать офсетная. Тираж 11000.
Отпечатано ООО «Периодика», 623751,
Свердловская область, г. Реж, ул. О.Кошевого, д.16.
Телефон: +7 (34364) 33-66-5.
Заказ №:

Встречный ветер

Живи активно

Н.ДУДКО
Слегка
под облака..... 3

Добрые попутчики

А.КАПРАЛОВ
Горячая пора
для уральских
лесов..... 11

Фотолетопись

В.БАЙДУКОВ
Гора Колпаки..... 12

Экология

И.КУЗНЕЦОВА
Озеро Куртугуз..... 14

Живи активно

Н.ДУДКО
Солнце, лыжи
и стрельба..... 18

Заповедные земли

С.САНАТИН
Пернатые кошки
ночи..... 24

Природа в ладонях

Н.ПЛОТНИКОВ
Водяной
воробей..... 28

Путешествие по Уралу

М.ФИРСОВ
В лыжный поход. Пешком..... 44

Река времени

Далекое-близкое

Е.СТУДЕННИКОВ
Каслинские
заимки..... 8

Традиции

В.МЕХОНОШИНА,
М.БЕЛАВИНА
Остров
коми-пермяцкого
мира..... 20

Тропой поиска

Ю.КОНОВАЛОВ
Казанские переведенцы..... 32

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ
Залив Иванова..... 38

Слегка под облака

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Даже после появления аэростатов и самолетов человек стремился к полету. Так и зародились сверхлёгкие летательные аппараты. Понятие «сверхлёгкая авиация» появилось в СССР в 1973 году, ее ввел один из основателей

движения в СССР Виктор Козьмин. А как сегодня обстоят дела в этом сегменте в России и на Среднем Урале, рассказывает кандидат в мастера спорта сверхлегкой авиации Михаил Бурков.

По-соседски с пернатыми

— Данный вид спорта имеет официальное название сла-планерный спорт. Это в основном безмоторные дельтапланы и парашланы. Смысл полёта: парить, как птица, и пролетать большие расстояния без использования мотора. Зачастую в прямом смысле летаешь с птицами.

Раньше дельтапланы были страшные, громоздкие и опасные. Сейчас это красивые, стремительные и безопасные летательные аппараты из современных лёгких и прочных материалов. Солнце греет землю, нагревает воздух, он поднимается вверх, и образуется поток, в него влетаешь и набираешь высоту. Летом вершины потоков можно увидеть — их венчают кучевые облака. Часто птицы показывают пилоту поток.

Но самое классное, это когда сам нашёл поток и птицы к тебе присоединяются. Представляете, здоровые стервятники вместе с тобой летают!

Сегодня средним маршрутом считается расстояние в 100 километров. Рекорд мира дальности полёта на безмоторном дельтаплане, поставленный в Техасе, — это 720 километров. Мы на Урале с коллегами самый длинный перелёт совершили на расстоянии 210 километров. Рекорд дальности полёта на Урале принадлежит пилоту из Челябинска — 350 км.

Гены и медики

Как я стал летать? На меня сильное влияние оказал мой дед, военный летчик. Он летал и в Великую Отечественную, и после войны, и на МиГ-19. Его

рассказы о службе, его военная форма. Но подвело зрение, и врачебную комиссию в военное летное училище я не прошел.

Но летать-то хотелось! Поэтому сначала занимался авиамоделизмом, прыгал с парашютом. Но все это было не то! И оказалось, что есть дельтапланы. В шутку говорят, что дельтапланизм — это сборище больных, кривых и косых, хотя, конечно, это не так! Привёл на занятия меня брат. И меня зацепило, увлекло.

Рожденный ползать

Обучение — это ад, конечно. Сначала ты долго тащишь дельтаплан в гору, затем летишь 30 секунд и повторяешь это много раз за день, и то, если с погодой повезло. Научить-

ся летать — это не сложнее, чем ездить на велосипеде. Но есть определенные психологические вещи, например, привычка жить в двухмерном пространстве. И, когда появляются координаты «вверх-вниз», мозг «закипает».

Я помню свои первые полеты: оказавшись в воздухе, я превращался в слабоумного, начинал, как говорится, тупить. Потом, да, происходит адаптация, чувствуешь себя, как рыба в воде.

Куда пойти учиться

У нас существуют два клуба дельтапланеристов. Первый — в котором я состою — это дельтаклуб «Заречный» Белоярской АЭС в Заречном (история которого началась в октябре 1976 года, когда трое выпускников Томского политехнического института решили построить дельтаплан). Командой «БАЭС-Росэнергоатом» выступаем на соревнованиях. Второй клуб находится в Екатеринбурге, это дельтаклуб «Ламинар», в котором я учился летать, там хорошо поставлено начальное обучение. Полёты — дело коллективное, в одиночку летать нельзя, да и не получится. Организовать полёты — дело хлопотное, поэтому хорошо и безопасно можно летать только в клубе, где много людей и все вместе делают общее дело.

Набор новичков происходит в октябре. Сначала теоретические занятия — чтобы летать безопасно, нужно много знать, о погодных условиях, например. Записаться можно в любой. А потом жизнь все рас-

ставляет на свои места. Нужно уйма времени, хорошее здоровье — дельтаплан приходится таскать, держать на ветру (площадь учебного аппарата порядка 16 кв. м). Это потом, когда ученик становится пилотом, он, да, может немного расслабиться.

Поэтому многие отсеиваются: кажется сначала, что всё просто, но, оказывается, нужно прикладывать много усилий, а результат — не быстрый. Начало в октябре, а первые полёты — это январь, февраль. И только самые упорные товарищи начинают летать самостоятельно где-то в майские праздники.

Каждому — своё

Можно летать для себя. Да, это кайф. Но лично мне интересны именно спортивные полеты. Из пришедших в клубы именно спортсменами становятся примерно один из тридцати. Это нормально — не все хотят достигать каких-то спортивных результатов.

В параплане этот процент немного больше — он более мобильный, простой, доступный. Дельтаплан — он тяжелее, он менее удобный при транспортировке. А параплан — собрал его в рюкзачок и пошёл. С парапланом лег-

Уральский следопыт, апрель 2022

че выбираться из разных неожиданных мест, где пришлось совершить посадку, не найдя очередного восходящего потока. Плюс парашюрист зимой может спокойно поехать полетать в теплые края — в Турцию, Индию. С дельтапланом такой «фокус» не проходит: масса, габариты, таможня...

Но вот мне полёт на дельтаплане нравится больше. Хотя — опять же — это личные предпочтения. Это как спор между сноубордистами и лыжниками. И то, и то классно — просто оно разное. И пусть каждый делает свой выбор.

Травмы решают всё

Это не экстремальный вид спорта. Здесь просто философия другая. Если ты летаешь и у тебя выделяется адреналин — тебе, значит, что-то нужно делать со своей головой или техникой пилотирования. Да, есть аэробатика, полеты типа ТрансАльп, но там летают единицы. Наша главная философия — это удовольствие от самого полета, от того, что ты паришь, как птица, преодолеваешь десятки и сотни километров, поднимаешься ввысь. У меня, например, самый высокий набор был 5800 метров — небо уже темно-синее, а земля не воспринималась как поверхность. Также очень важно удовлетворение спортивных амбиций, командный дух выступления на соревнованиях.

Травматичность, конечно, есть. Но вот когда вы учитесь на велосипеде кататься, какие бывают повреждения? Упал, разбил коленку. У нас первое, чему учат — это самостраховка:

что нужно сделать, чтобы минимизировать последствия. Навыки доводятся до автоматизма. Современные дельтапланы сделаны так, что они летят сами, им только мешать не надо: ученик не справляется с управлением, делает элемент самостраховки, и аппарат, освободившись от «балласта», дальше нормально летит. Ученик болтается, а потом берёт управление на себя.

Есть и другая «сторона медали». Я, например, сломал руку после 15 лет полетов. И, скорее, это связано с психикой и опытом: начинаешь о себе слишком хорошо думать, в воздухе чувствуешь себя как на земле. В общем, стоял на старте, был боковой ветер... И я даже не взлетел. Боялся, что дельтик сломается, а уже потом подумал о самостраховке. Травматизм — он из головы идёт!

И кстати, чем аппарат выше находится, тем это безопаснее. У пилота больше времени, чтобы предпринять те или иные действия. А на высоте одного-двух метров силу удара поглощает каркас — он хоть и из алюминиевого сплава, но очень прочный. На парапланах, конечно, немного другая картина.

А так, оттолкнулся, принял горизонтальное положение и летишь. Я даже грешным делом умудрялся задремать пару раз — хотя это грубое нарушение. Ехал на гору всю ночь, не выспался, ну вот в полёте можно и отдохнуть.

Содружество пилотов

Пилоты сверхмалой авиации — это, конечно, содружество. Проводятся соревнования как в России — чемпионаты страны, регионов — так и за рубежом. Люди со всей страны едут. Есть и слеты — и тех, кто имеет спортивные амби-

ции, и тех, кто летает для удовольствия.

У нас в стране есть несколько легендарных мест, куда народ толпами просто валит, например — на майские праздники, на Новый год... Кто посоревноваться, кто покайфовать, а кто просто в палатках пожить.

Вся сверхлёгкая авиация подчиняется общим правилам полётов. Всё воздушное пространство делится на зоны. Мы летаем в зонах уведомительного порядка. Есть свои нюансы: надо площадку регистрировать, есть запретные зоны. Находятся балбесы, которые в зоне аэропортов летают — у нас таких, сразу скажу, нет — не знаю, кем надо быть, чтобы такое исполнять.

Воздушные иномарки

В России большинство дельтапланов — украинского производства, фирмы при КБ Антонова.

Вторые по количеству модели — они из Австралии. Никаких проблем, всё доставляется даже быстрее, чем с Украины. К тому же, производители пытаются разные модели унифицировать, чтобы была возможность замены. И дилеры стараются держать склады ходовых запчастей. Если что-то надо, все знают, кому позвонить, у кого оперативно взять.

Есть и другие производители — итальянские, американские. Но многие их модели стоят каких-то немалых денег.

Переоценить возможности

Бывают, конечно, и забавные случаи. Вот представьте: Алтай, Чуйская долина. Плоская, как стол, огромная территория, ничего там нет. Я захожу на посадку на большее поле, там, наверное, «Боинг» можно посадить. Но, видимо, местные жители накануне проводили там какое-то мероприятие и посреди этого поля стоит туалет! Обычный, деревенский деревянный сортир. И никаких проблем приземлиться нет, вокруг огромное поле. Но столкновения с туалетом я чудом избежал.

Это еще один странный элемент человеческой психологии. Когда ты видишь препятствие, которое надо обогнуть, ты начинаешь на него смотреть, и оно тебя притягивает. И ты не ищешь пути обхода, а, наоборот, притягиваешься к этому объекту. Он манит своей чудовищной массой.

Более серьезные случаи, как правило, связаны с недооценкой, например, погодных условий, или переоценкой своих возможностей и навыков. Был случай: я летел, время к вечеру, подо мной перелески-

поля. Долетаю: лес, погода «кончается», и не факт, что его я перелечу, но в лесу какие-то полянки. И такая самоуверенность: ну чего, столько пролетел, да сяду я куда-нибудь. Обратно, правда, уже возвращаться поздно. В итоге сел, да, но...

Такие приключения ни к чему, надо летать безопасно. А тут непонятные площадки в лесу, на которых завихрения воздуха — роторы, попадания в которые особенно критичные. Опять же, хотел на одну площадку, думал, нормальная, а там буераки, овраги. Пришлось садиться на другую. На всю жизнь это запомнил!

Не крылом единым

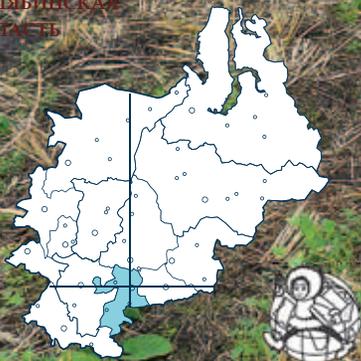
Кроме этого, я занимаюсь легкой атлетикой, бегаю на длинные дистанции. Очень, кстати, помогает — чтобы заниматься дельтапланерным спортом, нужна физическая подготовка. Чем она лучше у ученика, тем быстрее он будет прогрессировать. Ведь перед учебным полетом ты полчаса тащишь дельтаплан в гору и только 30 секунд планируешь. Если человек физически слаб, но он сделает это два-три раза. А здоровый — 15! Плюс на старте надо бежать. А если штиль — надо бежать очень сильно и быстро, иначе ты никуда не полетишь. **УС**

Беседовала Наталия ДУДКО.

Каслинские заимки

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Так ставили снопы для сушки

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпуская гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожилов, в том числе бабушки Е.М. Васильевой, пожившей еще «при помещице». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

От старожилов наших мест еще можно услышать старые названия неких заимок: бродягинские, барановские, чуфаровские... Они еще имели общее емкое название — каслинские заимки.

В советское время Земельный кодекс допускал заем земель, то есть приложение личного труда к свободной, не находящейся в чьем-либо пользовании земле с целью ее использования для надобности сельскохозяйственного производства. Районы, где допускалась заимка земель, устанавливал народный комиссариат земледелия (в основном в местностях, где было много свободных земель, на Сибири и Урале). С проведением сплошной коллективизации заимка земель утратила прежнее значение, но сохранилась.

После принятия закона о займе земли, а даже и ранее при Столыпине, жители Каслей по причине бедности или невозможности найти хорошую работу пошли на освоение свободных земель.

Их ряды пополняли также многодетные семьи и могли примыкать к ним по религиозным убеждениям («жить вдали от мира»). Расселялись они преимущественно по берегам речек и озер, в нашем случае это озёра Сунгуль и Силач. Селились с родственниками, семьями — это помогало в дружном строительстве. На первое время ставили времянки — это подобие землянки, крытой дерном. Потом, уже став на ноги, катали избы из бревен, крытые тесом, с надворными постройками и обязательно с баней по-черному. Кто попадал на хорошие земли, получал хороший урожай. Держали обязательно лошаденку, корову, овец и птиц. Большим подспорьем были лес с его дарами и озеро с рыбой.

Некоторые из заимщиков на зиму уезжали в Касли, оставляя здесь своих работников, но в основном уже привыкшие жить на, как говорили, «устороне», тут и зимовали. Выезжали в Касли зимой только по религиозным праздникам посетить Храм, в кооперацию за пополнением продуктовых запасов, скобяными изделиями и мануфактурой.

Самыми первыми освоили эти места братья Чуфаровы, выбрав западный берег озера Силач, у речки Вязовка, так как они первоначально занимались заготовкой и сплавом леса. С появлением «сплава», то есть артели, живущей в бараках на северном берегу озера, заготовлявшей зимой на лесозаготовке лес, а летом сплавлявшей его на машзавод в Касли, они заключили договор с каслинским рыбзаводом в конце 1930-х годов и занялись рыбным промыслом, тем и жили. С двух рубленых домов заимка разрослась до семи. В 1950-х годах в них жили четыре брата Чуфаровых. В 2004 году три дома сгорело от грозы.

В середине 1970-х годов, когда на полуострове Миндаркин строилась

Нарожали детей, обрабатывали гурьбой землю. Правда, на острове она была не так щедра, но все равно — себе и скотине хватало, а птица здесь не водилась, видимо, объедалась ряской. Но духом не падали. Николай с 1931 года работал на строительстве санатория «Сунгуль» от НКВД, зимой возил дрова с Вязовки и Шиловки. Дети, а их сперва было шестеро, помогали взрослым, кому что было по силам: ставили «морды», лучили рыбу; кто собирал вишню, плавая на Вишневые горы, там тогда их отец работал огнёвщиком. Сбор черники, малины, черемухи и клубники на горках тоже был обязанностью детей. Ягоды сушили впрок, грибы солили, хра-

нили в погребах, рыбу — в ледниках. А после гибели отца на фронте на ребяческие плечи легли совсем недетские заботы.

Оказывается, поселились Бродягины здесь не случайно, Александр Петрович с отцом на лошади возили из Каслей в Маук, Кыштъм, Уфалей лигтё, на обратном пути везли чугунные чушки. Переехав сюда, они жили в землянке, принадлежавшая прадеду отца, который был егерем у арендатора Трутнева и охранял озеро. Из всего этого, рассказанного Валентиной Николаевной Филатовой и ее братом Виктором Николаевичем Бродягиным, я не услышал слов о трудном детстве,

► Фотография заимки Бродягина Николая Петровича на озере Силач

▼ Заимка Бродягина Александра Петровича на острове озера Силач, фото середины XX века

никаких упреков в адрес кого-либо, но интонация голоса выдавала. Жили при лучине, при керосиновой лампе готовили уроки; снега и бураны заносили тропы; волки зимой подходили к самому жилищу и выли. В 1953 году сами готовили столбы, окорая их, копали с матерью ямы, потом ставили опоры под электричество до основной линии.

Со строительством «запретки» (закрытого города) в 1955 году жизнь в этих местах оживилась. Сюда приезжали военные, ставили палатки, организовывали

база отдыха «Озерки» от закрытого города Челябинск-70 (Снежинск), некоторые жители успели застать стоявшие здесь старые дома — это бродягинские заимки. Два брата — Александр Петрович и Николай Петрович, с семьей, в 1926 году приехали на это родовое место, поставили временное жилище, разработали участки, где стали выращивать пшеницу, рожь, овес и другое, держали лошадь. Со временем обустроились, стали подрастать дети. Сын Александра — Николай — поселился на острове вместе с женой Евдокией.

▲ Заимка Бродягина Н.П. на Силаче

► Сохранившийся дом с каслинских заимок, снимок 2008 года

вали курсы сержантов, сделали перемышку до острова, и можно было уже сюда добраться «посуху», а не как раньше — на лодке. Затем началось строительство базы отдыха «Озерки», за которой последовал снос дома — того, что строил их отец, в который было вложено столько сил и здоровья, когда приходилось по берегу Силача собирать

▲ Вид на озеро Силач и Вишнёвые горы с поселка Ближний Береговой

бревна-топляки, выброшенные волнами от неудачно связанных плотов при сплаве. Того дома, где прошло их детство, ту баньку по-черному, где они отогревались и отпаривались, где вечно закопченные стены не пачкались. Взамен всему этому предложили квартиру. Вот так в середине 70-х от прежней тутошней жизни осталось только название — бродягинские заимки.

На п-ове Миндаркин, по берегу озера Сунгуль, можно было видеть несколько строений — это были дома жителей Каслей Барановых, Подергиных, Гольшевых и Новиковых. В городе Снежинске проживал Николай Васильевич Новиков, так вот его дед Алек-

у родника и в 1953 году уехали). Кошкарковы жили на северном берегу Силача, где потом была коммуна «Рассвет»; член их семьи работала со дня открытия с 1931 года пекарем при санатории «Сунгуль». Восточнее п. Ближний Береговой стояла заимка Злоказовых, но это не так. Это винокуры; Алексей, Матвей, Пётр Никифоровичи Злоказовы купили у Закаляпина часть земли и постави-

◀ Фотография единственного дома каслинских заимок 2019 года

ли своему бедному родственнику частный дом, сейчас тут сохранился частично фундамент и колодец.

Сохранился единственный дом с тех времен, который многое повидал. Сюда его перевезли в 1940 году с места бывшей коммуны «Рассвет». Видать, во время сплошной коллективизации, когда началось добровольное объединение единоличных крестьянских хозяйств и когда в 1936 году основательно сформировались колхозы, эти дома были оставлены. Они отошли к колхозам, стали так называемыми «колхозными» или «казенными» домами — в них селили временно устроженных, что подтверждает домовая книга.

Этот дом будет снесен. Видимо, на этом и закончится эпоха каслинских заимок. Но не закончится история. Слово «заимка» еще долго будет на слуху, а у кого-то и в сердце. Были случаи, когда жившие здесь и разбехавшиеся по стране приезжали сюда — повспоминать, посмотреть, может быть, в последний раз, на ставшую до слез родной, избеганную босьми ножками землю, эти места, почувствовать этот воздух, пахнущий озером, клубникой, чабрецом и лесом, и проводить, как в детстве, большое красное солнце, уходящее на закат за Вишневые горы. 📌

сандр Васильевич из Каслей возил на лошади литве в Кыштым. В день делал только один рейс; платили мало, а в телегу много не нагрузишь, чтоб не надрывать лошадь. Вот, стоворившись, родственники и приехали сюда. Его отец Василий Степанович работал до войны полесовщиком (лесником).

Эти заимки просуществовали до середины 60-х годов, так как во время войны большая часть жителей уехала на Рудник (п. Вишневогорск) — работать в артелях, добывая и перерабатывая «концентрат». А вот на восточном берегу Силача, где сейчас поселок Ближний Береговой, поселились Тепляковы, Каряжины (построились

Горячая пора для уральских лесов

Лесопожарный сезон на Урале длится семь месяцев — с апреля по октябрь. За это время выгорают десятки тысяч гектаров леса. Того самого леса, который должен был поглощать углекислый газ, служить строительным материалом и приносить огромное удовольствие туристам. О том, какой пожароопасный сезон ожидает нас в этом году, рассказывает Олег Сандаков, начальник Департамента лесного хозяйства по Уральскому федеральному округу.

— Как проходит пожароопасный сезон на Урале? Какие месяцы самые «горячие»?

— Мы выделяем два пика горимости — весенний и осенний. Весной после схода снега землю покрывает сухая трава. Аграрии и садоводы стараются привести свои поля и участки в порядок. Есть специальный запрет на выжигание пожнивных остатков, сухой растительности, но, к сожалению, его выполняют далеко не все. Плюс начинается сезон шашлыков. Под порывами ветра огонь очень быстро выходит из-под контроля — только представьте, пламя может бежать по траве со скоростью 30 километров в час. Это как тренированный спринтер! Осенний пик горимости также связан с завершением сельхозработ, грибники, охотники идут в лес, разводят костры, а сухая листва и увядшая трава способствуют пожарам. Однако, например, в прошлом году никакого затишья между этими пиками горимости не было — из-за аномально высоких температур высохли и горели даже болота.

— Есть ли на Урале природные территории, где практически не бывает лесных пожаров, так сказать, стабильно безопасные?

— Если в предыдущие годы обычно наиболее горимым был какой-то один из шести уральских регионов, то сейчас практически все. Так, четыре года назад мы очень переживали за Челябинскую область, где были самые сильные пожары. Три года назад основной прирост дала Курганская область. В позапрошлом году горела Югра, в прошлом очень большие площади были в Тюменской и Свердловской областях. Достаточно сказать, что были дни, когда только на Среднем Урале одновременно тушили по 70–80 лесных пожаров.

— Какие прогнозы нам дают специалисты на эту весну?

— Рослесхоз ожидает превышение многолетних значений уровня лесной пожарной опасности в шести федеральных округах страны, и Урал во-

дит в их число: это касается южной части Тюменской области, юга и востока Курганской области.

— Каковы основные причины лесных пожаров?

— Причины прошлых годовных сильных пожаров — человеческий фактор и аномальные температуры, которые превышали климатическую норму на 10 градусов. От 80 до 90 всех возгораний в лесу возникает от халатности людей: кто-то вопреки запретам устроил пикник и развел костер, кто-то бросил непотушенную сигарету... В северных уральских регионах от 50 до 80 процентов лесных пожаров происходят из-за сухих гроз.

— Кстати, о запретах — с противопожарными режимами всегда какая-то путаница...

— Обычным жителям стоит знать о двух режимах — особом противопожарном (ОПР) и режиме чрезвычайной ситуации. Они подразумевают более жесточенные правила и вводятся органами местного самоуправления во время сложной ситуации. Эти режимы могут быть введены в отдельных районах, муниципалитетах или на всей территории региона в целом. При особом противопожарном режиме запрещен любой открытый огонь, то есть никаких костров и шашлыков в лесу. При этом ОПР может быть с запретом на посещение лесов и без такого запрета — эта дополнительная мера регулируется отдельным постановлением местных вла-

стей. Чтобы не запутаться, мы советуем лучше не ходить в лес. При режиме ЧС запрещено все, может дойти даже до запрета на продажу алкоголя, как было два года назад в Курганской области. Не нужно воспринимать такие меры как ограничение ваших прав, скорее, наоборот, это желание обезопасить вас.

— Если турист во время похода стал свидетелем лесного пожара, как он должен действовать?

— Если пожар низовой или локальный, можно попытаться потушить пламя самостоятельно: сбить его, захлестывая ветками лиственных пород, заливая водой, забрасывая влажным грунтом, затаптывая ногами. Если не получается справиться своими силами, выходите из опасной зоны быстро, перпендикулярно направлению движения огня, не уходите далеко от дорог и просек, не теряйте из виду других участников, поддерживайте с ними зрительную и звуковую связь. И как только появится возможность, сообщите на прямую линию лесной охраны — 8-800-100-94-00.

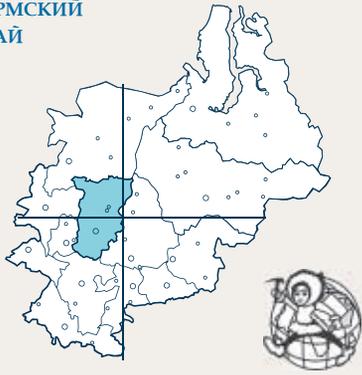
Гора Колпаки

Живописный вид

Гора Колпаки находится на границе Свердловской области и Пермского края, практически сразу за Качканаром.

Встречный ветер

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

Виктор Байдуков

Член Русского географического общества, член Союза журналистов России, путешественник, фотограф, постоянный автор «Уральского следопыта», автор и соавтор книг о природе и достопримечательностях Урала.

Фото автора

О Колпаках я впервые услышал в поездке по Пермскому краю. Проезжая мимо них в сторону города Чусовой, сфотографировал Колпаки со стороны шоссе, посчитав, что это выход горы Качканар. Прошло несколько лет и у меня появилась возможность съездить на Колпаки специально. Путешествие это было несложным, но приятным.

Гора Колпаки находится на востоке Горнозаводского района Пермского края 6 км севернее поселка Промысла. Является ландшафтным памятником природы. Ее высота составляет 614 м. Сложена сланцами, которые в результате выветривания сформировали скалы в виде гребней, отдаленно напоминающих головные уборы — колпаки. Они очень живописны и вполне заслуживают внимание любителей путешествий и природы.

Из Екатеринбурга к Колпакам следует ехать в сторону города Нижний Тагил, объехать его по объездной дороге по направлению к Серову, свернуть по дорожному указателю на город Качканар, в город не заезжать — следовать в сторону Чусового в Пермском крае. Миновав границу Европы и Азии, нужно доехать до поселка Промысла и свернуть с шоссе направо к Колпакам, которые будут уже видны с этого места. Па-

мятник границ Европы и Азии в этом месте грандиозный и впечатляющий, к тому же имеющий смотровую площадку, с которой открываются просторы восточной части Пермского края.

Лучше всего до горы проехать на автомобиле. Дорога во все времена года хорошая, зимой расчищается от снега. Доехать можно до самого подножия Колпаков. Есть место для стоянки автомобилей. Далее метров 700–800 нужно идти пешком в гору. На Колпаках установлены лестница и смотровая площадка, с которой открывается прекрасный вид на Уральский хребет, гору Качканар, поселок Промысла и на скалу Чертов палец, которая расположена ниже на западном склоне горы Колпаки, открывается также вид на виднеющийся вдали хребет Басеги.

Внизу у Колпаков имеется удобная площадка для отдыха, где можно перекусить и насладиться пейзажем. **УГ**

Говоря о развитии туризма на охраняемых природных территориях, особо следует остановиться на особенностях контроля состояния водных объектов, находящихся в их границах.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Озеро Куртугуз

Сохранение и невмешательство

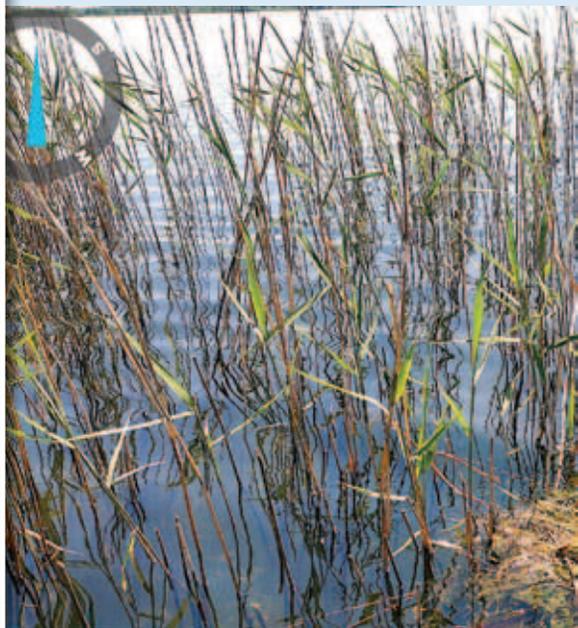

Ирина Кузнецова

Кандидат биологических наук. Старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН.

В отношении проточных водных экосистем охраняемых природных территорий обычно проблем не возникает. Несмотря на то, что на реках региона располагаются многие промышленные центры, а сами они активно используются при водном и околотовном туризме, согласно результатам многолетних исследований населения донных беспозвоночных, весьма чувствительных к загрязнению (макрозообентос), качество воды этих рек соответ-

ствует категориям «чистые» и «очень чистые». Иное дело — замкнутые водные системы (озера, старицы) и малопроточные (водохранилища). Возникновение (и длительное существование) непроточных или слабопроточных водоемов, как искусственного (водохранилища), так и естественного происхождения (озера, утратившие питание, старицы), существенно изменяет комплекс их гидрологических, гидрохимических и биологических характери-

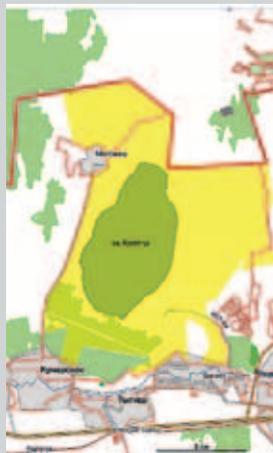
стик. Уменьшение проточности и водообмена, снижение прозрачности, прогрева толщ воды, образование обширных мелководий, накопление биогенных веществ и органических соединений способствуют обильному развитию фитопланктона, в том числе развитию сине-зеленых водорослей, вызывающих «цветение» воды. «Цветение» воды, в свою очередь, ведет к вторичному загрязнению. Отмирающие и разлагающиеся водоросли вызывают сни-

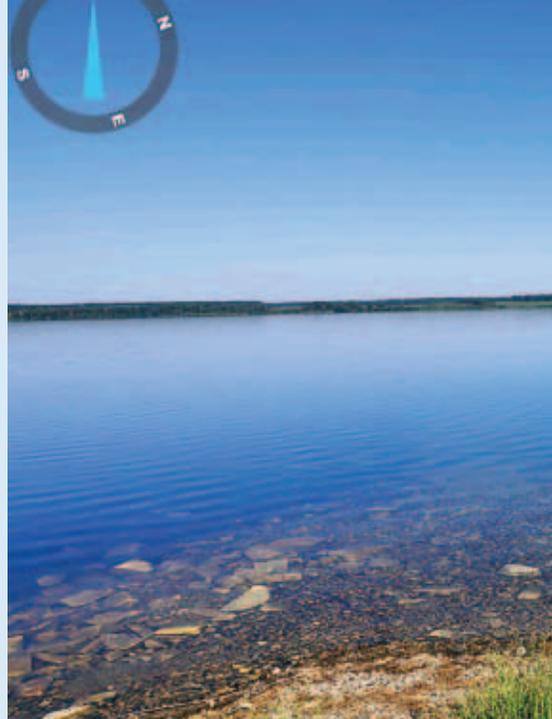
жение содержания кислорода и появление токсинов в воде, образование заморных зон, гибель гидробионтов. Состояние озера зависит и от хозяйственной деятельности на прибрежных территориях. Так, забор воды на полив орошаемых земель, проведение осушительных работ на прибрежных болотах, от которых в весеннее время подпитываются озера, приводят к падению уровня воды, что, в свою очередь, способствует прогреванию воды и еще большему разрастанию сине-зеленых водорослей. На дне непроточных и слабопроточных водоемов оседают и проходят все стадии анаэробного разложения останки животных, рыб и водорослей — образуется сапропель, накопление которого постепенно также уменьшает глубину. На сегодняшний день запасы сапропеля во многих водоемах довольно велики и возрастают с каждым годом, глубина водоемов уменьшается, что также способствует развитию сине-зеленых водорослей и «цветению» воды. На мелководье поселяются водные растения, начинается постепенное зарастание прибрежных участков.

Именно такую ситуацию мы наблюдали, исследуя состояния озера Куртугуз, причины его обмеления и зарастания. Два последних засушливых лета в значительной степени способствовали происходящим изменениям. Окружающие озеро Кунарские болота пересохли, питание озера от болот прекратилось, и более того — уровень грунтовых вод снизился. В результате уровень воды существенно снизился, о чем можно судить по отходу береговой линии от ее прежних границ. Эти изменения мы наблюда-

▼ Схема расположения ландшафтного заказника областного значения «Озеро Куртугуз с охранной зоной»

Встречный ветер

ли не только на протяжении нескольких лет, но и в течение одного летнего периода 2021 года. Следует не забывать и о том, что свой вклад в обмеление озера внесла и хозяйственная деятельность жителей окружающих его деревень. Когда-то озеро постоянно подпитывалось водами маленькой речушки, летом 2021 года ее русло полностью пересохло, так как в верхнем ее течении в засушливые годы вся вода использовалась для полива. А ведь когда-то в юго-восточной части озера даже существовали дренажные коммуникации, поддерживающие определенный уровень озера!

Интересная ситуация обнаружена нами при исследовании Черноисточинского пруда: поверхностные и при-

ловека, ведет к его заболачиванию, а затем и полному исчезновению. Сегодня озеро и окружающие его заболоченные участки являются местом гнездования многих видов водных и околоводных птиц, а также местами остановки при миграциях перелетных видов, озеро является уникальным природным комплексом, необходимым для поддержания биоразнообразия не только региона, но и орнитофауны Северной Евразии. Учитывая его роль в поддержании водного баланса и его изумительную красоту — так хочется его сохранить! Таким как есть, одним из самых больших озер Свердловской области.

Но... Поддержание оптимального (на наш, антропоцентрический взгляд) состояния в любом случае является активным вмешательством в естественную историю природного объекта (что наиболее рети-

выми борцами за сохранение природы, вероятнее всего, будет встречено в штыки). Ведь изъятие сапропеля — не что иное, как вмешательство в естественные биогеоценотические процессы.

Так как быть? В чем здравый смысл? Принять окончательное решение в подобных конфликтных ситуациях возможно только при наличии полной и всесторонней информации о состоянии охраняемого объекта с учетом ее истории и дальнейших перспектив развития ситуации, располагая полноценной научной базой при планировании и разработке тех или иных направленных деятельности.

А в отношении озера Куртугуз, по нашему мнению, при строгом соблюдении всех требований к добыче сапропеля его вполне возможно сохранить. **УС**

брежные его воды соответствуют категории «чистые» и «очень чистые», однако на глубине трех-четырех метров качество вод характеризуется как «грязные», что, несомненно, является начальным этапом заиливания донных грунтов.

Естественно, для сохранения акватории замкнутых водоемов нередко встает вопрос об их очистке, в том числе и о промышленной добыче сапропеля, который широко используется в медицинских и сельскохозяйственных целях. В частности, в отношении озера Куртугуз: только минимальная мощность сапропелевых залежей составляет минимум 1 метр при максимальной зарегистрированной глубине озера не более 4 м. В подобных случаях «разрешается дальнейшее использование сапропеля и зеленой растительности на откорм скоту при условии проведения ряда биотехнических мероприятий». Однако озеро Куртугуз — памятник природы областного значения, и в целях дальнейшего сохранения водоема в этом статусе на его берегах и в окружающих лесах разрешены только спортивные охота на водоплавающую дичь и любительский лов рыбы, главное назначение водоема — отдых жителей района и области. Иными словами, статус охраняемых природных территорий преследует сохранение и невмешательство в естественные динамические процессы этого уникального водного объекта. Однако при этом весьма велика вероятность, что через несколько десятилетий на его месте образуется болото, густо поросшее тростником, рогозом и камышом. Сохранение такого водного объекта в его естественном состоянии, при протекании закономерных динамических процессов, без вмешательства че-

www.uralstalker.com

СПОРТИВНЫЙ ЦЕНТР Верх-Исетский

**ОТКРЫТ
НАБОР
В ДЕТСКИЕ
СЕКЦИИ**

БАССЕЙНЫ

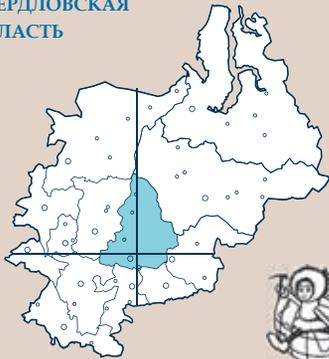
ФИТНЕС-КЛУБ

СПОРТЗАЛЫ

УЛ.КИРОВА, 71

WWW.VIZSPORT.RU

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Солнце, лыжи и стрельба

Уральцы отметили приход весны охотничьим биатлоном

Наталья Дудко

Редактор раздела «Встречный ветер»,
член Союза журналистов России.

Конечно же, отличия от традиционного биатлона есть — они, прежде всего, в амуниции. Спортсмен выходит на дистанцию в охотничьих лыжах, без палок, униформа далеко не спортивная, а скорее военная утепленная, огонь на рубеже ведется из «гладкостволок». Ну а в остальном — все, как на официальных соревнованиях: строгие судьи, спортсменам нужно пройти скоростной участок, как можно успешнее поразить мишень в виде кабана (за промахи даются санкции), финишировать и передать эстафету товарищу по команде.

В отличие от официального, охотничий биатлон более демократичен. Здесь не нужен жесткий отбор, не берутся ставшие скандальными допинговые тесты. Главное — быть по жизни и в душе охотником и рыболовом. Всего в шестом открытом первенстве приняли участие 12 команд по четыре человека. Были и по-

лицейские, и военные, и железнодорожники, даже слабый пол выставил команду!

С одной из участниц произошел забавный случай: перезаряжая ружье на огневом рубеже, она из под сумки вместе с патронами достала... помаду! Стоявшие рядом мужчины

Фото автора.

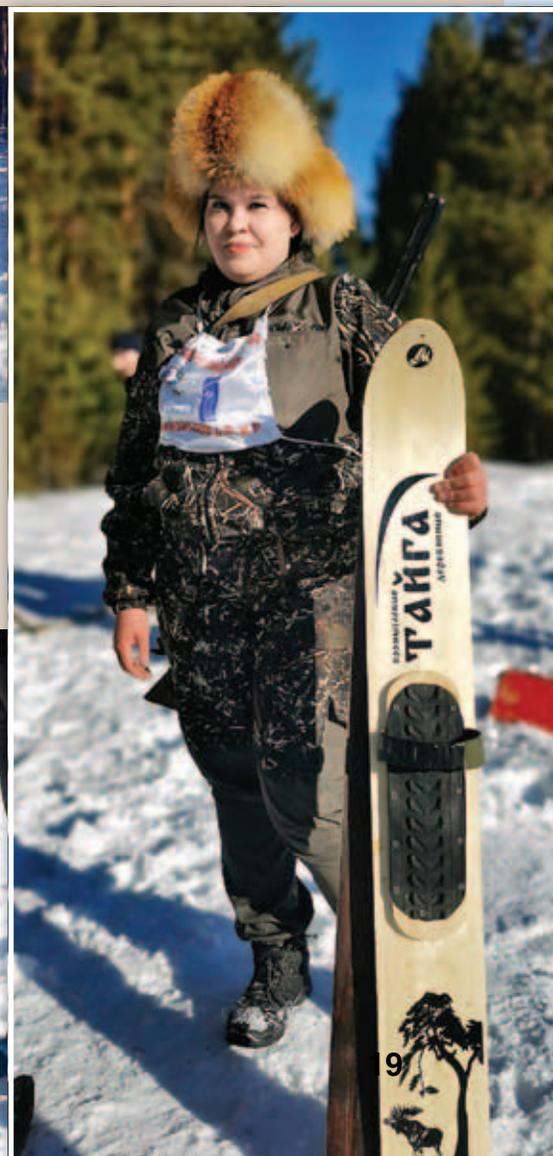

тут же начали по-доброму подтрунивать, мол, «а что от этих женщин еще ждать!». Но спортсменка буквально через секунду реабилитировалась, поразив «кабанчика» в «десятку». Шуточки тут же прекратились...

Конечно, как любой спорт, охотничий биатлон подразумевает дух соревнования, стремление к победе. Но не только у автора этих строк, но и у зрителей сложилось мнение, что не только достижения и рекорды движут участниками, хотя награды присутствуют. В ясный день на природе, «мороз и солнце», в кругу единомышленников, на свежем воздухе походить на лыжах, пострелять из ружьишка — что может быть зазорнее, веселее и полезнее как для физического здоровья, так и для душевного равновесия? Снега, тайга,

горы, охота, взаимовыручка и простое человеческое общение — это то, чем всегда жил и славился Средний Урал! Как пел известный наш земляк, «а в этом месте по-другому не прожить...» **УС**

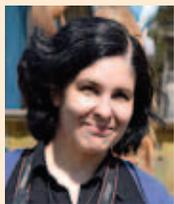
Остров

коми-пермяцкого мира

Вера Мехоношина

Мастер по набойке, реконструктор, руководитель АНО «УВТЫР» (РОД), лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Марина Белавина

Религиовед, педагог дополнительного образования, руководитель АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)», лауреат Премии Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края в области национальной культуры и искусства, дважды лауреат Премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Иллюстрации предоставлены АНО «Центр поддержки культурных и социальных проектов «АРТкад» (Время создавать)». Автор рисунков Елизавета Попова

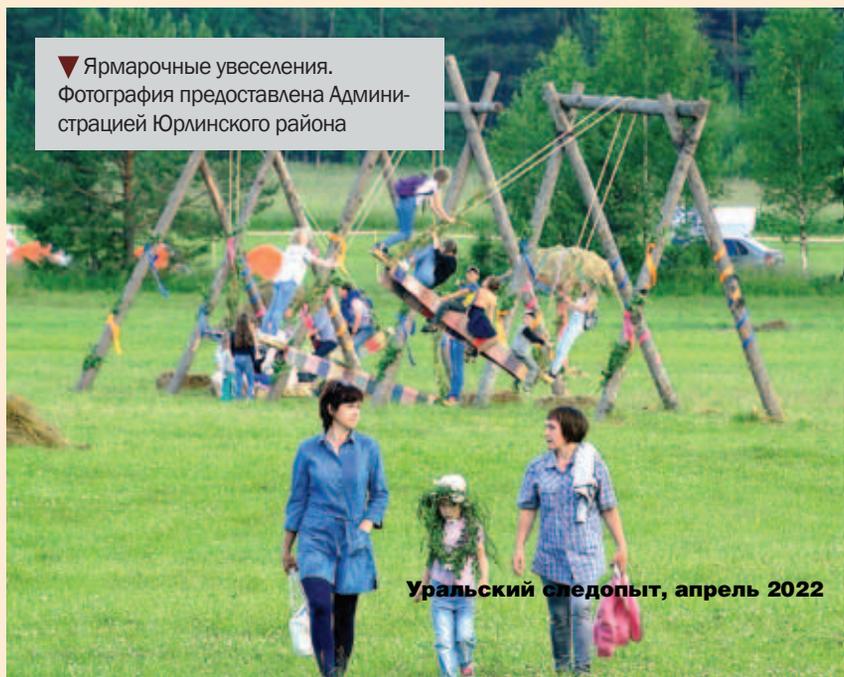
Выехав из Кудымкара на север по современной автомагистрали Пермь — Гайны, мы уже через сорок километров пути окажемся в селе Юрла — бывшем центре Юрлинской волости Чердынского уезда. Юрла по коми-пермяцки обозначает «высокое место».

Село находится на реке Юрлашпер, которая впадает в Лопву. В дореволюционное время Юрла иногда обозначалась как село Юм (Емь)-Лопвинское. Основано оно в начале восемнадцатого столетия выходцами из Кайгородского уезда Вятской губернии. Рост населения был связан с притоком старообрядцев-раскольников, а также беглых стрельцов. С 1698 года беглые и высланные из Москвы после бунта стрельцы-старообрядцы селились

на Вятке и в Прикамье, следы их присутствия сохранялись здесь до XIX века. Сюда бежали люди и высших сословий.

Поселения старообрядцев

После гонений старообрядцы стали уходить на север, на реку Косу (земли коми-пермяков), а также в Юрлу, Юм, Лопву. Старообрядчество Прикамья — тема мало исследованная. Известно, что их культура оказала влияние на исконных жителей Пармы — коми-

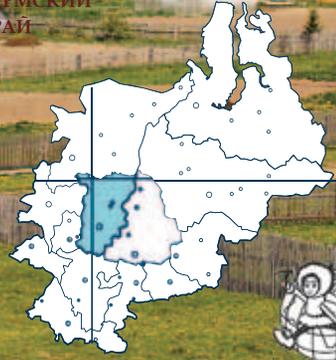

▼ Ярмарочные увеселения. Фотография предоставлена Администрацией Юрлинского района

▲ Панорама села Юрла. Фото Евгения Ермакова

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

▼ Древнее село

◀ Юрлинский район на мифологической карте округа

пермяков. Пермская земля сохранила почти в неизменном виде некоторые русские традиции (фольклор), уже забытые в других уголках России. В деревнях Юрлинского района до сих пор исполняются старобрядческие духовные стихи — особые песни, которые почти нигде уже не встречаются. Юрлинцы же сохранили их в том виде, в каком сегодня их можно найти разве что в сборниках XIX века (Е. Четина, экспедиция ПГНИУ). Подвинцевы, Чеклецовы, Серебренниковы, Ушаковы, Быковы, Трапезниковы, Лузины — с большой долей вероятности носители этих фамилий и есть потомки тех самых стрельцов-старобрядцев. Заехав в деревню Дубровка, мы сможем встретиться с прямым потомком рода старобрядцев — учителем местной школы Моисеевой Еленой Викторовной.

► Исполнитель народных песен на сельском празднике. Фото Администрации Юрлинского района

◀ Ёма (Вөр баба)

хаила работал главным врачом в сельской больнице.

Несколько улиц названы в честь односельчан-фронтовиков — Героев Советского Союза.

В Юрле стараниями энтузиаста-краеведа и писателя А. А. Бахматова в 1980 году был организован историко-краеведческий музей, который хранит и популяризирует историю села.

К сожалению, в экспозиции музея нет раздела, посвященного истории и культуре коренного населения этих мест. В преданиях же, хранимых местными жителями, эти места, как и многие другие, овеяны легендами. На мифологической карте района указаны персонажи, истории о которых бытуют среди местных жителей и за пределами Коми-Пермяцкого округа. Но лишь одна из этих историй имеет точную привязку к известной локации — селу Пож (к северо-востоку от Юрлы). Это легенда о богатыре Перше.

Богатырь Перша

По преданию этот богатырь жил в деревне Пож, недалеко от Юрлы. Говорят, что при присоединении пермяцких земель к владениям Строгановых работники графа ходили с цепью и мерили местные земли уже как свои. Перша им воспротивился. Он голыми руками разорвал ту цепь в месте, где растет высокая сосна. И в этом месте цепь завернул, уменьшив графские владения. Благодаря этому земли его деревни Строгановым не достались, и люди в этих местах остались свободными. Предания о Перше фольклористы включают в цикл коми-пермяцкого эпоса о славных победах Перы-богатыря.

◀ Суседко

Из истории села

В XIX веке село Юрла славилось хлебными базарами и ежегодной ярмаркой. Сюда приезжало большое количество торговцев из Вятки, Перми, Ильинского. Здесь находилась казенная винная лавка и было много обычных торговых лавок. Откормленных местных бычков продавали в Чердыни, Соликамске и даже Вологде. Промышленность была представлена кузнечно-слесарным заведением, тремя кузницами, столярными мастерскими, кирпичедельным заведением, пекарней, пряничной, синильней, экипажным заведением. В Юрле земством был организован небольшой склад сельскохозяйственных машин и агрономический пункт. В селе находились две церкви, библиотека-читальня, высшее начальное и одноклассное училища, больница. Улицы были оснащены фонарями с керосино-калильным освещением.

Родина Михаила Таля

Одна из улиц села носит имя знаменитого чемпиона. В годы Великой Отечественной войны Юрла стала родиной для будущего чемпиона мира по шахматам Михаила Таля. В августе 1941 года семья Талей была эвакуирована в Юрлу, отец Ми-

◀ Легендарный основатель села Пож — богатырь Перша

▶ Духи болезней

ню, или подложить в постройку в виде деревянной или тряпичной куклы. Ночью издает разные звуки, плачет, разговаривает, выдает молоко у скота. Избавиться от кикиморы можно было лишь с помощью специального знахаря (тöдсь). Под именем Кикиморы в разных местах подразумевают разного персонажа — зловредного духа, которого поселяют в доме колдуньи или лесную, болотную нечисть. По сути, это существо, живущее в постройках или в лесу.

Ёма (Вөр баба)

Эта лешакова тётка — лесная ведьма, считается покровительницей женских ремёсел (ткачества и прядения), а также хранительницей огня и волшебных предметов. Не удивительно, что Ёма почитается как женское божество. Имеет длинные железные зубы, ногти, мохнатые глаза, длинный нос, упирающийся в пол, потолок или угол. Лучшие носом чувствует, чем видит. Имеет детей — многоголовых гундыров, червей. Связана с пограничным миром. Жилище Ёмы — чаще всего вросшая в землю избушка, избушка на куриных или лосиных ногах, на курином яйце, без окон и дверей. При визите незваных гостей ее жилище может трансформироваться в комнату с тремя, двумя или одним углом. Опасна она тем, что ворует детей.

Суседко (Анчужка)

Это домовый, домовик, хранитель дома. Такой же персонаж есть и в русском фольклоре. Среди чудов, обитающих в хозяйстве человека, он считается самым главным. Этот маленький лохматый человечек является покровителем домашнего скота. Когда он доволен, то и гривы коней заплетает в косы, и скотина здорова, и дела в хозяйстве идут хорошо. По характеру он добрый, но любит проказничать. Женищинам спутывает волосы, мужчинам бороду, прячет предметы. Издает звуки, пугая домашних. Прядет, постукивая веретеном. Предупреждая о грядущем, «давит» человека. В такой момент надо спросить — к добру или к худу? Домового принято подкармливать, оставляя угощение в укромных местах. При переезде забирают с собой, предлагая сесть в лапоть.

Кикимора (Кокра-Мокра, моха)

Кикиморой в коми-пермяцких преданиях называли чаще всего жену домового. Она являлась абсолютным антиподом своему доброму мужу. Посудите сами! Это невидимое зловредное волосатое существо живёт себе в заброшенных домах, в голце или на чердаке. Символизирует собой беспорядок, хаос, как следствие неподобающего поведения человека, в том числе и мужчины. В доме может поселиться сама или с помощью злых колдунов, которые могут пустить её на хлеб или кваш-

ство, похожее на ястреба, ходит по дорогам, высматривает жертву, кого бы заклевать. Живет писти под землёй, у него много чёрных-пречёрных детей. Метку от клюва на лице человека называют писти пас. Некоторые из названий болезней имеют локальное распространение, например съёд встречается только в северных районах, вёл си — в южных районах (Голева Е.Г., ПКИПКРО). По преданию, болезни насылаются лешими, водяными, животными и птицами, предками, колдунами и «глазливymi людьми». Естественно, что в традиционной культуре коми-пермяков сохранились и методы успешного врачевания этих напастей.

Путешествие по Юрлинскому району позволит нам узнать достаточно много интересного и самобытного о культуре первопоселенцев и коренных жителей этих мест. Песни потомков старообрядцев и легенды коми-пермяков расширяют наш кругозор и позволяют приобщиться к древнему наследию этой славной земли. **УС**

Духи болезней

Источником болезней коми-пермяки нередко считают некую мифическую силу. Мотивы одухотворения болезней можно увидеть в их обозначениях на коми-пермяцком языке: кочöг лыйö (колики), съöd дзерöтö (черная дразнит), умöль вийö (плохая убивает), вёл си (конский волос), съёкыт гырка (тяжелое нутро), писти (оспа), енписти (божья оспа). Писти — коварное суще-

▼ Кикимора (Кокра-Мокра, моха)

Пернатые кошки ночи

▲ Ушастая сова

Совы — хищные птицы из семейства совиных, отряда совообразных. Считается, что первые предки совиных появились на планете много миллионов лет назад и в результате эволюции приобрели характерные особенности, которые отличают их от других птиц.

Сергей Санатин

Краевед, методист по экологическому просвещению природного парка «Бажовские места».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото Игоря Пермякова
и Михаила Бокачёва

☛ Совенок ушастой совы

Образ этих птиц нам встречается ещё с детских сказок, поэтому любой ребенок довольно легко опишет сову и почти безошибочно её нарисует. Большая голова, крючковатый короткий клюв, сильные ноги с острыми когтями и большие глаза, направленные вперёд. Совы во все времена поражали воображение человека и приковывали к себе его внимание. Только отношение к совам у людей разное, мало мы знаем о них правды да много небывлиц и сказок. Кто что наслушался, тот и принимает все за чистую монету. Попробуем разобраться, где здесь правда, а где вымысел.

Совушка — большая головушка

Сова символизирует знания, ум, и мудрость и часто изображается с книгой, очками и прочими символами этих качеств. Современная ассоциация совы со знаниями уходит корнями в греческую мифологию. Афину, богиню мудрости и искусства, часто изображали вместе с маленькой совой (домовым сычичком). Жители считали, что гнездование сов в Афинах было доказательством благосклонности богини, которая была их покровительницей.

Образ мудрой совы встречался у разных народов в разные времена. Вот и у уральского сказителя П.П. Бажова в сказе «Золотой волос» есть мудрый филин, который подсказывает главному герою, как укрыться от Великого полоза. Появился такой образ благодаря большой голове и пронизывающему взгляду. А предрасположенность к ночному образу жизни рождала мысль о том, что сова замечает то, что невидимо для окружающих.

Но, согласно последним исследованиям, за красивыми огромными глазами сов скрывается не такой уж блестящий ум. А наличие большой головы, которая составляет примерно 1/4 всей совы, не является следствием того, что внутри находится большой и рассудительный мозг. Если подходить к этой теме объективно, то у сов глаза занимают большую часть места в голове, а самыми умными среди птиц ученые в первый ряд ставят воронов, ворон и сорок. Но, несмотря на это, совы могут преподнести много сюрпризов для науки и людей, которые ими интересуются.

Совы не то, чем кажутся

Наряду с мудростью у сов есть и дурная слава. Из-за ночного образа жизни и других особенностей пове-

дения ей приписывали связь с потусторонними силами и нечистью. Здесь ярким примером может быть средневековая Европа, где совам, наряду с кошками, приписывалась связь с колдунами, ведьмами и дьяволом и они нещадно уничтожались. Человек всегда больше всего боялся того, что не мог объяснить, вот и приходилось приписывать это проявлению демонических сил. Даже в наш просвещенный век совы поражают нас своей неординарностью. И опять же здесь всплывает ночной образ жизни и дивительные, огромные глаза сов. Действительно, в ночное время эти птицы видят намного лучше, чем млекопитающие и большинство птиц. Глаза сов имеют телескопическую форму или, как говорят ученые, трубчатую. Это суженные спереди и расширенные сзади цилиндры. Хрусталик совиного глаза, в отличие от других птиц, располагается не в уплощенном глазном яблоке, а в глубокой роговой трубке. По существу, это светосильный телеобъектив. А огромный зрачок, сужаясь и расширяясь, эффективно использует даже самое ничтожное количество света. Кроме этого, в сетчатке глаза преобладают палочки, которые наиболее эффективны при слабом освещении. Умеют ли совы различать цвета — достоверно неизвестно, но что в черно-белом «формате» совы видят исключительно хорошо, факт, который сегодня не подвергается сомнению. Днем совы тоже видят хорошо и прекрасно ориентируются в пространстве, несмотря на огромное количество мифов об этом. Не у всех сов зрение развито очень хорошо. Например, болотная, ястребиная и белая (полярная) совы, воробьиный

сычич и другие виды, охотящиеся чаще в сумерках и днем, в безлунные темные ночи пассивны и не охотятся вовсе. Глаза для сов очень важны, и они относятся к ним бережно. Особенно это видно в тот момент, когда сова начинает есть свою пищу. В этот момент сова закрывает глаза и, наклонившись, прикасается к жертве клювом и окружающими его щетинками, определяет наощупь, что добыча мертва, и только после начала её поедать.

Для мышц, двигающих глаза, места, можно сказать, не остается, и, действительно, совы практически потеряли способность двигать глазами. Чтобы изменить направление взгляда, совам нужно повернуть голову. А делать это совы умеют лучше всех. Человек, увидевший в первый раз поворот головы у совы на 180 градусов, невольно пытается повторить этот трюк, но у него удается с трудом посмотреть за свое плечо. А для совы, в совокупности, поворот в 270 градусов — это норма. Такая подвижность шеи обусловлена особым анатомическим строением, у сов 14 шейных позвонков, в то время как у других птиц их всего семь. Следует учитывать особое строение сложной кровеносной системы, которая позволяет сберечь целостность сосудов и возможность поступления крови, в случае перекрытия кровотока в момент резкого поворота шеи.

Охотиться в ночное время совам помогает не только острое зрение, но и острый слух. Часто перьевые пучки, которые есть у некоторых видов сов (филин, ушастая сова), принимают за настоящие уши, но это не так. По бокам головы, под пыльным опере-

▲ Бородатая неясыть

▲ Искусственное гнездо для совы в парке

нием, прячутся ушные отверстия. Как и у всех птиц, они простые по строению (наружного уха у сов нет), но часто дополняются специальными пучками чувствительных перьев. Уши совы не только разные по размеру, они отличаются по форме и расположению на голове. Правое ухо совы находится ниже и направлено вверх, чтобы она могла слышать звуки сверху. Левое ухо совы находится выше и направлено вниз, чтобы улавливать звуки снизу. Лицевой диск из перьев, окружающий огромные глаза совы, образует своеобразный локатор, который направляет звуки прямо в уши хищника. Данная особенность позволяет им определять источник звука с точностью не более одного градуса по горизонтали и вертикали. Сова не только хорошо улавливает звуки, но и выбирает из них самые нужные. Наилучшим образом она слышит звуки с частотой 3–7 тысяч колебаний в секунду, в этом диапазоне частот находятся звуки пискос мышей, шорохи грызунов в траве, голоса птенцов и слетков совы. Таким образом, слух совы представляет собой некий акустический фильтр, настроенный на восприятие наиболее важных для нее звуков.

Совы известны своим бесшумным полетом. Для этого у сов широкие крылья, позволяющие им парить и минимизировать количество взмахов, которые в основном и создают шум от летящей птицы. Кроме того, многие виды сов имеют специальные перья, позволяющие делать взмахи практически бесшумно. На внешней стороне основных маховых перьев имеется жесткая кайма, похожая на зубцы расчески, которая снижает турбулентность. На задней кромке тех же перьев есть мягкая кайма, которая также способствует уменьшению оставшейся турбулентности. Пух, покрывающий всю плоскость крыла, обеспечивает звукоизоляцию. Это

дает возможность подобраться бесшумно к жертве. Следует учесть, что такой бесшумный полет есть не у всех видов сов, филин его лишен.

Оперенье для сов играет огромную роль не только в охоте. Благодаря рыхлому оперению совы часто кажутся крупнее, чем на самом деле. А если сове нужно показать, что она большая и страшная, и надо напугать противника, показать, кто тут самый главный, то она увеличивает в размерах. В окраске чаще всего преобладают буро-серые оттенки, что считается приспособлением для маскировки в дневное время. В это время совы чаще всего отдыхают и стараются не привлекать к себе внимания.

В то время как слуховые и зрительные возможности позволяют обнаружить и преследовать свою добычу, когти и клыки совы делают окончательную работу. Когти совы, как у большинства других хищных птиц, кажутся массивными по сравнению с размерами тела. Но в отличие от дневных хищных птиц, у сов во время сидения два пальца направлены вперед, а два пальца направлены назад. Во время полета три из четырех пальцев обращены вперед. От таких когтей добыча не уйдет, а вот строить гнездо не получится. Поэтому своих гнезд совы не строят, а используют для насиживания яиц гнезда других птиц.

Клыки совы короткий, изогнутый вниз и, как правило, выступает на кончике для захвата и разрывания добычи. Однако многие совы предпочитают ловить таких животных, которых в состоянии проглотить целиком.

В общем, у совы есть все, чтобы быть непревзойденным ночным охотником. В лесу, среди деревьев, предпочитает сидеть на ветке и, насколько позволяет

зрение, высматривает добычу, вернее сказать, «выслушивает» ее. Но на открытых пространствах — на опушке леса и в поле, где водятся мыши, сова кругами облетает свои охотничьи угодья. Во время своего бесшумного полета она внимательно прислушивается к мышиному писку и временами вдруг, быстро треща крыльями, зависает над обнаруженным грызуном — уточняет его местонахождение перед окончательным броском. Промахивается сова редко.

Санитары леса

Вспоминается случай, когда один из посетителей парка, узнав, что на территории парка запрещена химическая обработка от клещей, высказал свое возмущение:

— А что вы вообще делаете, чтобы не было клещей?

— Разводим сов, — почти серьезным тоном ответил один из сотрудников парка.

— Что, совы питаются клещами?

— Нет, совы питаются грызунами, на которых эти клещи паразитируют первое время. Меньше грызунов — меньше клещей. В природе все взаимосвязано!

Несколько лет назад в парке было построено 8 гнезд для бородачатой неясыти (6 из них были удачно заселены), так как эти совы не строят своих гнезд. Конечно, у сотрудников парка не было цели увеличивать количество сов и таким образом избавиться от клещей, но охранять и поддерживать популяцию редкого вида на территории парка — это одна из задач. Сейчас человечество столкнулось с большой проблемой вымирания хищных птиц, и одно из первых мест в этом списке занимают представители совиного семейства. На территории парка «Бажовские ме-

▶ Маленький соенок

▼ Уральская неясыть

ста» можно увидеть такие виды сов, как филин, длиннохвостая (уральская) неясыть, бородатая неясыть, воробьиный сычик, сплошка, мохноногий сыч, серая неясыть, ушастая сова, болотная сова, ястребиная сова. При таком огромном разнообразии видов численность этих хищников невелика, многие из перечисленных выше занесены в списки Красной книги. Самая главная роль этих пернатых хищников в природе — регулирование численности грызунов в природе. А уничтожают их совы много. Как показали наблюдения орнитологов, за шесть месяцев только одна бородатая неясыть съедает около семисот мышей и полевок.

Пернатые любимцы

Образ совы присутствует во всех видах искусства: архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, в дизайне, изобразительном искусстве, музыке, в садово-парковом искусстве, театре, кино и художественной литературе. Любовь к птицам, к сожалению, стала принимать какую-то извращенную форму, когда каждый, начитавшись о совах, вдруг принял решение у себя дома, в клетке, завести эту чудесную птицу. Особенно это явление приняло угрожающие масштабы после выхода книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере, а позже и фильмов, где совы являются домашними питомцами у волшебников. Но, по заявлениям специалистов, содержание сов в домашних условиях — занятие очень сложное, а порой и имеет уголовную подоплеку, так как изъятие краснокнижных видов из природы преследуется по закону.

В природе увидеть сову, а тем более стать свидетелем такого явления, как охота совы — зрелище впечатляющее и запоминающееся на всю жизнь. **УС**

www.uralstalker.com

◀ Птенец бородатой неясыти

 Река Лысьва

ВОДЯНОЙ ВОРОБЕЙ

Шалаш-скрадок для оляпки

Когда-то, очень давно, во времена моего детства, в пермском книжном издательстве выходил детский альманах под названием «Оляпка». С тех пор птичка эта воспринималась вроде как сказочный, некий мультяшный персонаж, герой детской книжки, и в его реальность не очень-то и верилось, но первая встреча в природе с этим созданием расставила все по своим местам.

Хоть нередко в наших краях зимой морозы стоят отменные, но на некоторых речках есть такие места, которые благодаря характеру течения и впадающим теплым ручьям не зарастают ледяной коркой ни при каких условиях. Благодаря открытой воде в подобных зимних водоемах можно наблюдать немало интересного. Незамёрзая вода привлекает к себе тех, чей рацион в первую очередь состоит из водных обитателей. Так, например: ласки или норки нередко встречаются в таких местах, а там, где течение более стремительно перескакивает через

небольшие порожки и камни, напоминающая о горном происхождении реки, живет она — оляпка. Водяной дрозд, или водяной воробей — птица действительно почти сказочная, и песни поет, и в воде плавает, ныряя до самого дна, где не прочь пробежаться. Орнитологи долго не могли понять: плавает она или же бежит по дну, и, по-моему, до сих пор не определились. Из всех певчих птиц так дружит с водой, наверное, только одна она.

Меня эта птица заинтересовала с первой встречи. Как-то, несколько лет назад, в марте месяце, прогули-

Николай Плотников

Проживает в городе Лысьва Пермского края, по специальности строитель. Является членом Русского географического общества и членом Союза фотографов дикой природы России.

Фото автора

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

▲ Оляпка — водяной воробей

я подмечал, где чаще встречаются оляпки. Благодаря этим поискам у меня скопилась интересная коллекция хороших пейзажных снимков нашей речки, что полностью лишило меня разочарования даже в случае неудачи с птицами.

Когда определилось место, в котором наблюдались эти чудные создания примерно девять раз из десяти, можно стало попытать удачу в съемке. Дождавшись ясного дня в начале зимы, когда температура воздуха не опускалась еще ниже десяти градусов, решено было отправиться к реке, вооружившись телеобъективом. Излишняя само-

▼ Дружная команда

ваясь по берегу незамерзающей реки Лысьва, что протекает через одноименный город в Пермском крае, в котором, собственно, я и проживаю, привлекло меня красивое птичье пение. Озираясь в поисках источника звука, никак не удавалось обнаружить самих певцов, пока из-под снежного наноса на берегу не выпорхнули две черные птицы. Мне не нужно было объяснять, кто это, мысль об оляпках сразу же сама пришла в голову, хотя разглядеть птиц не получилось. С тех пор желание познакомиться с ними поближе не поки-

дало, да и сейчас я понимаю, что знаю о них крайне мало. Позволяя снимать себя зимой, они исчезают в неизвестном направлении летом, не показываясь до снега.

Долгое время мне пришлось выслеживать места, регулярно посещаемые этими птицами, благо, в морозы незамерзающая река очень привлекательна для фотографа в плане пейзажной съемки. Таких красот, как на берегу открытого водоема при очень низкой температуре (градусов $-25\dots-35$), больше нигде не найти, и, снимая пейзаж,

уверенность подсказала мне снимать птиц с подхода. Чтoб их не пугать своим присутствием, облачился в белый защитный костюм, приобретенный в охотничьем магазине специально для этого мероприятия. И вот, стараясь не делать резких движений, неторопливо я приближался к порогу на реке Лысьва, на котором регулярно кормились оляпки.

Пороги и перекаты птицы выбирают не просто так. Сильное течение постоянно двигает донные камни, открывая будущих ручейников и поденок. За этими личинками и охотится оляпка. По душе ей и мелкие мальки рыб, и беспозвоночные, обитающие в воде рек, так что рацион у этой певчей птички весьма своеобразен, и именно это и обозначает места ее обитания. Нырять за добычей, водяной воробей раскрывает крылья под небольшим углом относительно течения, и мощный поток прижимает их ко дну, где птица может провести около минуты. Так, почти как водолаз, эта птица спокойно передвигается в поисках корма под стремительно протекающей рекой.

Солнце уже стало клониться к западу, когда я добрался до нужного ме-

▼ В засаде

▲ Профессиональный рыбак

ста. Как всегда, прямо на самой крутой части порога сидела оляпка, выглядывающая добычу. Несмотря на камуфляж, невидимкой для птиц стать не удалось, и, хоть мои движения были плавными, эту птаху все равно что-то напугало, и она, сорвавшись с места, отлетела на полсотни метров. Мне не оставалось ничего, кроме как сесть и ждать. Вскоре птичка вернулась, но, к великому сожалению, сместившись к противоположному берегу. «Ах, если бы она была размером не с дрозда, а с цапшо!» — мечталось мне в эти минуты, продолжая ожидать ее приближение. Любая попытка сменить место дислокации заставляла оляпку бросать свое занятие и retirоваться. Все ее поведение явно намекало на то, что фотографироваться она не собирается, а стало быть, если я хочу получить ее снимки, то нужен скрадок, который убедил бы птиц в отсутствии кого-либо постороннего.

Построить скрадок не проблема. Насколько мне удалось заметить, птицы перемещались по всей ширине русла, а стало быть, можно было использовать любую сторону реки. Выбор пал на удобно расположенные ивы на правом берегу, и через несколько дней сооружение было готово. Белым укрывным материалом, купленным в садоводческом магазине, поставил стену, за которой располагался небольшой шалашик из полиэтиленовой пленки для защиты от ветра и холода. Припрошив все строение снегом, я оставил его ожидать новых солнечных дней.

Январь не скупился на ясные деньки, а, соответственно, температура воздуха была немного ниже, чем хотелось,

▼ К старту готова

но хороший свет для меня был важнее прохладного воздуха, и один из таких дней был выбран для охоты на оляпок. Прошедшие недавно снегопады основательно замаскировали скрадок, что меня, несомненно, порадовало. Расстелив в шалаше два туристических коврика, я установил штатив, поставил на него камеру, затем, устроившись поудобнее, достал из рюкзака самый важный аксессуар — термос с горячим чаем. Оставалось только подождать птиц, и дело в шляпе!

Лучи еще невысокого солнца путались в легком тумане у воды, окрашивая его в золотистые тона, а тот, в свою очередь, закутывал в иней все веточки прибрежных вязов и ив, лишая пейзаж темных прожилок коры деревьев. Казалось, ничего не может испортить съемку оляпок, но это была ошибка. Я не смог предусмотреть, что то, что

создавало этот потрясающе красивый пейзаж и не позволит мне выполнить задуманное. В общем, что казалось легким парком над водой, через объектив фокусным расстоянием восьмьсот миллиметров превращалось в густой туман, в котором не всегда можно было разглядеть птицу. Это было полное фиаско.

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я понял, что ясные морозные деньки никак не подходят для такой съемки, а так как до марта солнечного тепла не предвидится, ожидать яркого света нет никакого смысла. Откладывать съемку до первого весеннего месяца тоже казалось бесперспективным, так как при малейшем потеплении снег, укрывавший камни, торчащие над водой, и ледяные наросты на них сразу таяли, портя эстетичность будущей картинке, к тому же в это вре-

▲ Шалаш-скрадок для фотографа

мя года оляпок я здесь уже не замечал. Вывод был прост: съемку стоит попробовать в пасмурную, относительно теплую погоду, полагаясь только на светочувствительность камеры.

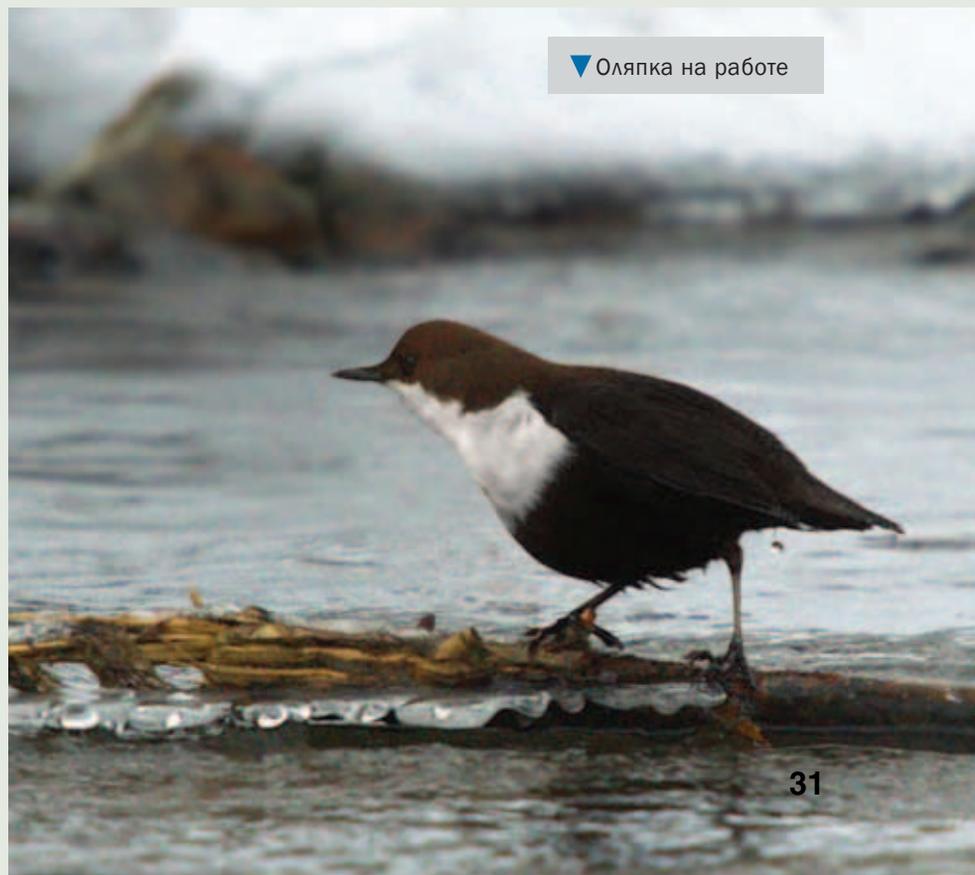
Более теплых дней долго ждать не пришлось. Отсутствие солнца, несомненно, огорчало, но вариантов не было, и вот я снова сижу в скрадке на берегу реки Лысьва и в ожидании прилета фотомоделей пью горячий ароматный чай. Температура воздуха весьма комфортна — семь-восемь градусов ниже нуля, и вокруг унылый серый пейзаж. Снимать в такую погоду не особо интересно, нехватка света вносит свои коррективы, и мне приходится до возможного максимума поднимать светочувствительность камеры. Настроение, прямо скажем, не очень, к тому же за час, проведенный в засаде, оляпки еще ни разу не показались.

Время шло ужасно медленно, и, как обычно это бывает, когда уже было решено собираться и уходить, сквозь шум перекачивающейся через камни воды стало различимо знакомое посвистывание. Я прильнул к видоискателю камеры и сразу же поймал в него птичку, сидевшую на выступающем из воды камне и напевавшую свою необыкновенную песню. Вскоре на ее пение прилетела еще одна. «Это награда за ожидания», — думал я, каждый раз нажимая на кнопку спуска затвора камеры. Птицы вели себя абсолютно спокой-

но и приближались достаточно близко к моему скрадку. Съемка прервалась только через пару часов заполненными картами памяти.

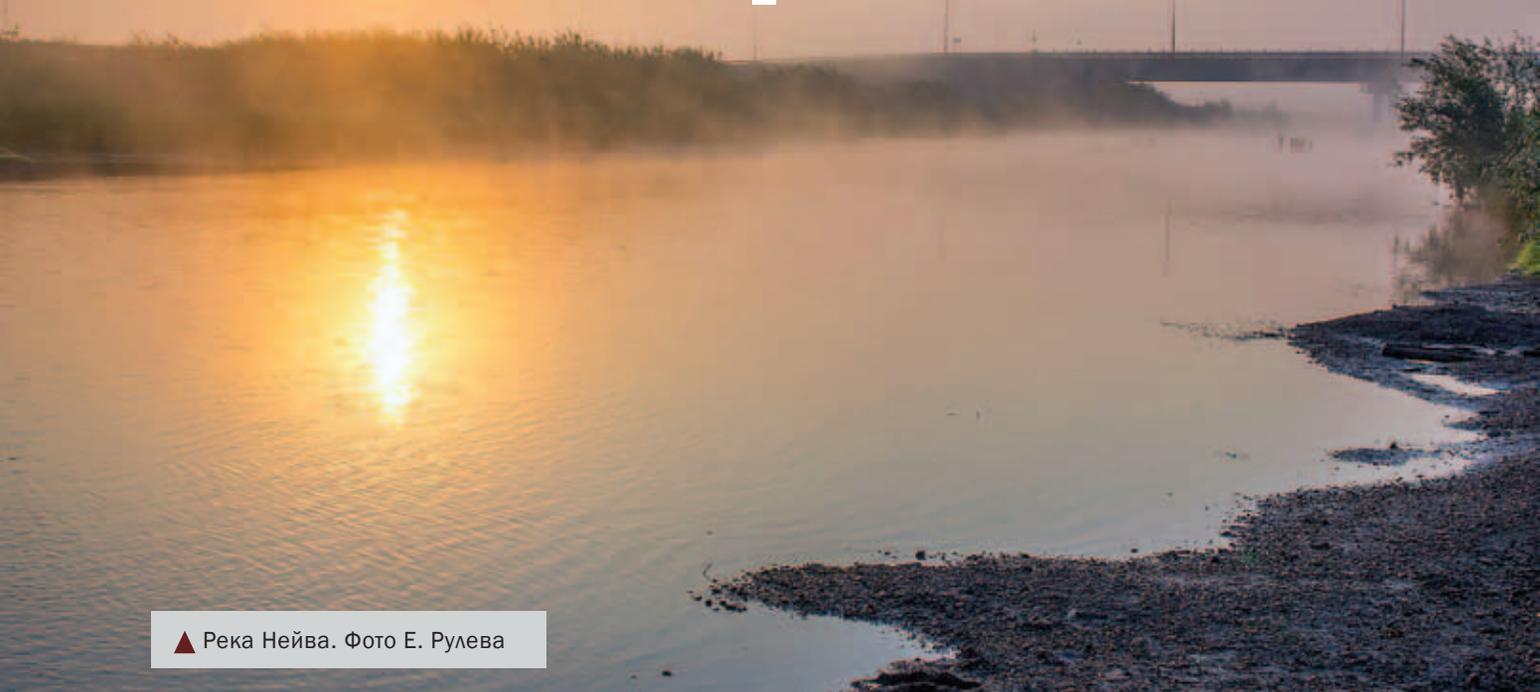
Вся эта история в очередной раз доказала, что использование укрытия для съемки и наблюдения за живой природой намного эффективнее всех остальных вариантов. К тому же спо-

койные, ненапуганные птицы ведут себя гораздо естественнее, а снимки, в свою очередь, получаются намного интереснее. Только благодаря скрадку я получил вполне приемлемые снимки, но, к сожалению, среди них пока нет того самого кадра, и поэтому рассказ об оляпках для меня остается незавершенным. **УС**

▼ Оляпка на работе

Казанские переведенцы

▲ Река Нейва. Фото Е. Рулева

С момента основания крупнейшей крестьянской слободы Среднего Урала — Невьянской — прошло уже более четырех веков. Ядро слободского населения составила организованная группа переселенцев из обширного Казанского уезда.

Юрий Коновалов.

Историк, основатель и первый председатель Уральского историко-родословного общества (Екатеринбург).

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Датой основания Невьянской слободы (сейчас это село Невьянское Алапаевского района) считается 1619 год. Основанием для этого служит деятельность известного ямщика Артемия Бабинова, разведавшего в конце XVI века новую дорогу в Сибирь. В 1617 (1618/19) году Бабинов «с товарищи»

отнял у ясашных татар «вотчину их ясаиную на реке на Нице (Нице) на усть Реши (Режа) речки, поставил деревню на сильством». Подчинялась эта территория Туринскому уезду, Бабинов же обратился к верхотурским властям, которые разрешили ему «в тех урочищах деревня поставить и пашня распахать».

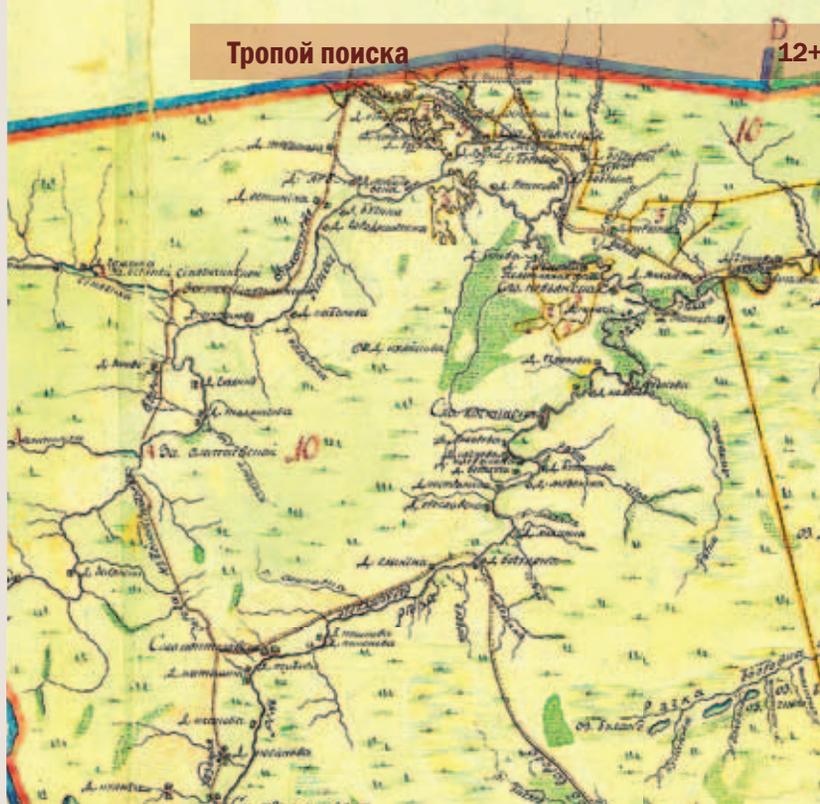
▲ Река Нейва

Но по отписке туринского воеводы из Москвы 4 июля 1620 года был отправлен наказ вернуть землю ясачным татарам. Артемий Бабинов покинул берега Нейвы, но его действия вызвали пересмотр границ между Туринским и Верхотурским уездами, в результате которого земли по Нейве и Режу были признаны за Верхотурьем.

Бабиновская деревня

Вышеупомянутые события историограф Г.Ф. Миллер и посчитал началом Невьянской слободы. В действительности же речь шла не о слободе, а об одной деревне, видимо, Бабиновской. В переписи 1624 года этой деревни нет. Но память о ее местоположении сохранялась и к 1659 году деревню возобновили. В переписи 1621 года есть описание Невьянской слободы, но текст оборван и полной картины не складывается. Перепись 1624 года эту картину дает. Все жители Невьянской слободы названы переселенцами, разделенными на две группы. Первая — «прибор» Федора Тороканова (27 дворов, 39 человек тяглецов). Вторая — «казанские переведенцы» (39 дворов, 41 человек). С «таракановцев» начинается

▼ Здание волостного управления 1905 года постройки. После 1919 года здесь размещалась школа, позднее участковая больница. Фото Е. Рулева

▲ Фрагмент карты Ирбитского уезда, 1797 год

список слободы в переписи 1621 года, а с казанских переведенцев — в переписи 1624 года.

Кто же был первым?

Ответ на это дает география расселения означенных групп. Казанцы заняли большую часть центрального поселения слободы (10 дворов из 14) и пять ближайших относительно крупных деревень. То есть образовали ядро слободского населения. «Таракановцы» поселились разбросанно — 23 двора в 15 деревеньках. Ясно, что начинали заселять слободу именно «казанцы». Также очевидно, что они являлись организованной группой переселенцев. Таракановцы же представляли собой выходцев из самых различных мест. Казанцами тогда называли всех жителей обширного Казанского уезда. Более точное место прежнего проживания у некоторых из них удалось выяснить по более поздним документам.

«Казанские переведенцы» — единственная в своем роде группа переселенцев, принадлежность к которой отмечается документами еще несколько десятилетий. Представители этой группы внесли заметный вклад в освоение уральской земли. Ими основано множество населенных пунктов. Ниже приводится краткий обзор участия потомков казанских переведенцев в заселении Среднего Урала в XVII — первой половине XVIII вв. Семьи перечислены по порядку переписи 1624 года.

А в слободе пашенных крестьян дворы

Во дворе Ефимко Сафонов сын. А у него дети: Семейка, да Овдокимко, да Фалейко, да Ивашко. От уменьшительной формы имени Елфим — Елуния (Елуника) — образовалась распространенная на Среднем Урале фамилия Елунины, со временем переозвученная в Ялуниных. К 1659 году часть семьи отселилась, основав на Реже собственную деревню Елунину (сейчас — село Ялунинское). Другие представители Елуниных в 1648 году переехали в новую Усть-Ирбитскую слободу (сейчас — село Скородумское). Оттуда расселились в деревню Молокову на реке Ирбит. В 1674 году пасынки одного из Елуниных, принявшие его фамилию, поселились в Калиновской слободе, основав деревню Елунину на Пышме. К 1719 году одна из семей Елуниных поселилась в Тамакульской слободе.

Внук Елуни — Юда Семенов — в 1659 году жил в деревне Буньковой. Его потомки стали прозываться Юдиными. Брат Юды имел прозвище Иван Чудо, дав начало фамилии Чудовых. К началу XVIII века Юдины и Чудовы переселились в Белоярскую слободу. Чудовы поставили деревню Чудову, существующую до сих пор.

Во дворе Ивашко Иванов сын Клевака. А у него дети: Ивашко, да Первушка, да Кирилко, да Тренка, да Демка. В Казанском уезде жили в селе Мантурове. В переписи 1624 года родоначальник ошибочно назван Ивашкой. По всем остальным документам он Марк, а его дети — Марковы. Некоторые из Клевакиных были в казаках в той же Невьянской слободе.

К 1659 году жили в собственной деревне Клевакиной на Реже. К 1680 году часть семьи переселилась на речку Глинку, основав там еще одну деревню Клевакину (сейчас — село Клевакинское).

Во дворе Дениско да Пятко да (л.252) Фе [дка] Романовы дети. [У Дениска] сын Васка. В Казанском уезде жили в селе Рожевском. Потомки Дениса с 60-х годов XVII века известны под фамилией Лебедкины (Лебеткины), потомки Федки писались Романовыми. В 1659 году Лебедкины жили в деревне Бобровка, Романовы — в деревне Писанец. Видимо, вследствие башкирского набега обе семьи в 1666 году переписаны в деревне Клевакинской. К 1680 году вернулись

▲ Рассвет над селом

▲ На берегу

в Бобровку и Писанскую. Часть Романовых поселилась в деревне Залыжской Белослудской слободы. К 1703 году появляются в деревне Фоминой Белоярской слободы. К началу XVIII века деревня Бобровка стала называться Лебедкиной (сейчас — село Лебедкино Артемовского района).

Во дворе Никитка [да Никит]ка же Семеновы дети Го [л]цовы. Один из братьев до 1634 года занимал различные должности в Невьянской слободе — был земским и житничьим дьячком, мельником, писал и заверял поручные записи крестьян и прочее. Его сын унаследовал занятие отца, в последней найденной записи — посадский в Верхотурье (1645 год). Потомки другого Никиты крестьянствовали в Невьянской слободе до 1661 года. После этого надолго пропадают из верхотурских документов. Появляются в 1703 году в деревне Буньковой Красноярской слободы, где к 1719 году пишутся с фамилией Оботуровы.

Во дворе Гришка Иванов сын Розшептай. А у него дети: Савка, да Селиверстко, да Пронка. К 1659 году жили в собственной деревне Рощептаевой. В 1666 году написаны в самой слободе и деревне

Федосеевой. К 1680 году частично переселились в деревни Медведеву и Городищенскую. К 1695 году одна из семей Рощептаевых появляется в Камышевской слободе на Исети, откуда к 1719 году переселяется в деревню Фомину Белоярской слободы.

Во дворе Софонко Федоров сын Гладкой, стар, лет во сто. А у него дети: Еремка да Ивашко. Болен лежит в рослаблень. В Казанском уезде жили в Рыбной слободе. К 1659 году переселяются в деревню Бабиновскую и Глинку (сейчас — село Глинское). С 1680 года часть семьи жила в центральном поселении Невьянской слободы. Один из Гладковых в начале XVIII века был пушкарем в слободе, его брат — писчим дьячком. Другие представители фамилии к 1680 году поселились в деревне Клевакиной на Глинке. К 1719 году появляются в деревне Першиной Арамашевской слободы (сейчас — в Режевском районе).

Во дворе Якунка да Оника да Васка да Пронка Яковлевы дети Медведева. К 1659 году расселяются в деревни Медведеву и Федосееву. Один из Медведевых переселился в Белослудскую слободу, где погиб при башкирском набеге в 1662 году. К 1680 году появляются

в деревне Кекурской «на усть Синячихи». Оттуда к 1703 году переселяются в деревню Курьинскую Новопышминской слободы. С начала XVIII века известны в деревне Каменке (сейчас в Режевском районе). С 1719 года фиксируются в селе Истоцком Багарякской слободы (сейчас — Троицкое Каменского района). С 1722 года жили в Верхне-Тагильском заводе.

Во дворе Якунка Васильев сын Голубчиков. А у него дети: Гришка, да Сергушка, да Ивашко, да Кондрашко, да Дениско. В 1623 году вместе с Новоселовыми и Зогинными приобрели у вогулов землю, на которой возникли село Голубковское и соседние деревни. Семья распалась на множество фамилий. Иван Яковлев имел прозвище Козел, дав начало семье Козловых, которая к началу XVIII века переселяется в деревню Бичур. К 1696 году Голубчиковы появляются в деревне Останиной Арамашевской слободы (сейчас — в Режевском районе).

Во дворе Ивашко Яковлев сын Клецов. А у него (л.252 об.) [дети:] Семейка да Ст [епан]ко. Все потомки сохраняли фамилию. К 1659 году переселились в деревни Клевакину и Писанец. В 1667 году один из Клепцевых переехал в деревню Сухрину Шадринской слободы. Оттуда расселились в деревню Сенитскую и (с 1736 года) в Челябинскую крепость. К 1680 году Клепцевы поселяются в Пышминской слободе в деревне Подволошной, позднее — в Совинской. С 1703 года известны в Белослудской слободе. С того же 1703 года известны в деревне Фоминой Белоярской слободы, откуда пришли на Уктусский завод в первые годы его существования, с которого к 1745 году переведены на Полевской завод.

[Во дворе Михал]ко Яковлев сын Новоселов. А у него дети: Гришка, да Ондруи-

ка, да Федка. Михалко участвовал вместе с Голубчиковыми в покупке земли, на которой (в деревне Голубчиковой) и жила семья в 1659 году. Григорий Михайлов к 1635 году был переведен на жительство «в тунгусы». Сын Андрея — Лазарь — в 60–70-е годы значился в ведомстве Невьянского железного рудного дела. В 1669 году в семье впервые фиксируется прозвание «Хорьков». С 1703 года часть семьи прослеживается в деревне Ирбитской Новопышминской слободы с фамилией Хорьковы.

Деревня на Ключе

Во дворе Филип Колуженин. А у него дети: Федка да Гришка да Тимошка да Федка. Это единственная семья, о которой удалось найти сведения до прихода на Нейву. Назар Григорьев, брат Филиппа, был слободчиком (основателем) Осинской (Новоникольской) слободы (сейчас — город Оса) в 1591 году. Писались Колужениными или Колугиными. К 1659 году часть семьи переселилась в деревню Глинку, где до 1703 года изготавливали жернова для Режевской мельницы. До 1703 года начали крестьянствовать в деревне Желонской Белослудской слободы. В 1717 года появляются на Толмачевском заводе.

Во дворе Тимошка Матвеев. А у него дети: Исачко, (л.253 об.) да [Ульянко] да Федка. С 1626 года Тимофей проходит в документах с прозвищем «Бархат». Потомки стали именоваться Бархатовыми. Около 1660 года переселились в ведомство Исетского острога, где основали деревню Бархатову на Юрюме. Также жили в деревне Мостовке на речке Мостовке.

Во дворе О [ндрю [ш]ка Ива [нов сын] Манков. А у него дети: Нефедко да Ондрюшка. Писались Маньковыми, иногда ошибочно — Малковыми. К 1659 году переселились в деревню Михалевскую, к 1680-му — в деревню Маньковскую, к 1696-му — в деревню Арамашку (сейчас — село в Режевском районе).

Во дворе Неверко Тарасов. А у него два сына: Омелка да Куземка. Да у Омелки сын Васка. Потомки именовались Неверовыми. К 1659 году переселились в деревню Федосееву, отсюда к 1680 году — в деревню Арамашку, к 1696 году — в деревню Жукову, к 1719-му — в деревню Таборы. Остававшиеся в Ключах, служили в казаках в Невьянской, после — в Красноярской слободе, где жили в деревне Четкаринной.

Во дворе Никитко Шмак. А у него дети: Сидорко, да Оницфорок.

Все известные потомки носили фамилию Шмаковы. В 1652 году представитель семьи был переведен в Тобольский уезд «к железному делу в домщички». Его брат в 1666 году уходит в Пышминскую слободу, где в 1680-м семья известна в деревне Дернинской. Оставшиеся в Невьянской слободе, к 1680 году основывают деревню Шмакову, переведенную к 1703 году в ведомство Белослудской слободы. К 1719 году появляются и в деревне Молоковой.

Во дворе Замятия Перфильев. А у него дети: Миронко да Пронка. Семья в документе 1628 года записана как «Усовь». Возможно, одного происхождения с Усовыми (см. ниже). В остальных источниках по родоначальнику имену-

ются Замятнинными. В 1659 году жили в деревне Буньковой. С 1662 года известны в Осинцевой на Бобровке, где их застал башкирский набег. С 1680 года написаны в Михалевской и деревне Речкаловой Ирбитской слободы.

Во дворе Окакийко Оситов. А у него сын Ярасимко. В других документах проходит под именем Агапит (Агапитко) и является родоначальником фамилии Агапитовых. От его сына Герасима также пошла фамилия Герасимовы (Ярасимовы). Старший сын Герасима имел прозвище Первой (Первушка), дав начало фамилии Первого (Первушины). В Казанском уезде жили в Рыбной слободе. В Невьянской слободе к 1659 году переселились в деревню Голубчикову. К 1719 году одна из семей Первушинных переселилась в деревню Глинскую.

Во дворе Михалко, да Клишко, да Федка, да Тараско, да Ондрюшка Дмитриевы дети Усовы. Михаил в документах проходит с прозваниями «Ус» или «Усов» и с отчеством «Ефимов». Возможно, он пасынок Дмитрия. К 1659 году расселились в деревни Костину, Михалевскую и Бутакову. В Бутаковой жил Тарас, дети которого восприняли фамилию Тарасовы и в 1662 году переселились в Беляковскую слободу, основав деревню Тара-

▲ Купеческий дом в деревне Ключи

◀ Деревня Ключи

сову на Пышме, существующую до сих пор. Другая деревня-однодворка Тарасова на Пышме появилась к 1680-м годам в Угецкой слободе.

Во дворе Овдокимко Степанов Лепехин. А у него дети: Ивашко, да Ивашко же. Фамилия Лепехин больше в этой семье неизвестна. Старший Ивашка в 1645 году зафиксирован с прозвищем Тонкой, дав начало фамилии Тонкушины (Тонково). У младшего Ивашки с 1639 года в документах встречается прозвище «Вшиван». Соответственно, его потомки стали Вшивановыми. Тон-

▲ Река Реж. Фото Е. Рулева

кушины к 1659 году переселились в деревню Елунину, иногда называемую Тонкушиной. Один из них в 1661 году стал казаком в Катайском остроге, писался с прозвищем «Хабарда». Вшивановы продолжали жить в деревне Ключевской.

На речке на Реже деревня казанских переведенцев

Во дворе Костя Елизаров. А у него детей: Ивашко, да Демка, да Лучка.

В Казанском уезде жили в Олабужской волости. По Косте Елизарьеву стали называть как его потомков, так и их деревню. В 1667 году один из Костиных ушел на озеро Полоустное в Беляковскую слободу. К 1680 году часть Костиных переселяется в деревни Бучину на Невье и Шмакову на Ирбите. Из Шмаковой к 1703 году переселяются в деревню Неустроеву, где живут под фамилией Замараевы.

Во дворе Якушка да Ивашко Антоновы дети. Потомки носили фамилию Антоновы, которая в XVII веке чаще

▼ Обелиски памяти павших сельчан

писалась как «Антоновы». В первые годы XVIII века переселяются на речку Бобровку, где основывают деревню Антоновскую (сейчас — Антоново Артемовского района). К 1710 году один из Костиных появляется в деревне Мосиной Белоярской слободы. Другой к 1719 году пришел в деревню Осинскую Белослудской слободы (сейчас село Осинцевское). С 1719 года один из Антоновых в деревне Антоновской стал писаться Вдовиным.

Во дворе Федка да Омелка да Ларка Дмитриевы дети. С 1626 года у этой семьи в документах появляется фамилия Упоровы. До конца XVII века почти все проживали в деревне Костиной. Представители Упоровых эпизодически служили в казаках и на мельнице в засыпках. К 1680 году появляются в деревне Шмаковой на Ирбите, откуда к 1710 году переходят в Белоярскую слободу (деревни Мезенская, Боярская, Гагарская, Гусева). В первые годы XVIII века поселяются в деревне Писанец, из которой переселяются в деревню Крутитскую

▲ Виды села

Белослудской слободы. К 1704 году известны в деревне Бичур и в деревнях Арамашевской слободы (Андреевой, Борисовой). К 1745 году появляются в Арамильской слободе.

Во дворе Федотко Иванов сын Угрюмов. А у него сын Офонка. Фамилия Угрюмов в этой семье больше не зафиксирована. Лет сорок в документах проходят вообще без какой-либо фамилии. Афанасий в 1641 году был взят на Режевскую мельницу засыпкой, в 1645-м переведен мельником на Ирбитскую мельницу, где работал до 1650 года. После крестьянствовал в Ирбитской слободе. У его сыновей появляется фамилия Мельников. В 1680 году жили в деревне Коморниковой.

Во дворе Федотко да Мишко Киприяновы дети Черепановы. В Казанском уезде жили в Рыбной слободе. Потомки в документах проходят под тремя вариантами одной фамилии — Черепановы, Череповы, Горшечниковы. Писались также Киприяновыми. Часть семьи к 1659 году переселилась в Пышминскую слободу, где служили в казаках, с 1680 года из-

вестны с фамилией Белово (Белых). Часть оставшихся в Невьянской слободе к 1680 году переселились в деревню Елунину. В XVIII веке появляются в Выйском заводе.

Деревня на речке на Реже Филки Вилеженина

Во дворе Филка Вилеженин. А у него два сына: Вавилко да Алимтийко. Вилежениным Филка назван в единственном документе, возможно, ошибочно. Во всех других проходит с прозвищем «Ветлуга», а его потомки — как Ветлугины. Ветлугиной называлась и деревня (существует поныне). Прозвание позволяет предполагать приход с берегов реки Ветлуги, которые в начале XVII века входили в состав Казанского уезда. К 1659 году часть семьи переселилась в деревню Писанец. Другие к 1666 году ушли в деревню Мезенскую, а к 1676 году — в деревню Фомину Киргинской слободы.

Во дворе Васка да Кирилко Алексеевы дети. А у Ивашка сын Игнашко. С 1626 года семья в документах проходит с фамилией Кочневых. К 1659 году основали деревню Кочневу. К 1680 году расселяются в Арамашевскую слободу, где тоже появляется деревня Кочнева (сейчас

известна деревня Кочнева (сейчас — в Камышловском районе).

Во дворе Якунка Насонов сын Сохарев. А у него сын Федка. Потомки пользовались фамилией Сохаревы. К 1659 году появляется одноименная деревня. В 1666 году все Сохаревы записаны в деревне Пердуновской. К 1680 году часть семьи переселяется в Арамашевскую слободу, где основывает вторую деревню Сохареву (сейчас — в Режевском районе). Одновременно появляются

в соседней деревне Арамашке, которая тогда относилась к Невьянской слободе.

Невьянцы занимались не только хлебопашеством, но и кустарными промыслами. Гнали дёготь, собирали дикий хмель, драли лыко, из которого плели посуду: зобёнки, пестери, туески. Ткали мочальные рогожи и попоны. Из конопли выжимали растительное масло и получали отменную пеньку (пряильное волокно).

Все пять деревень «казанцев» существуют и до наших дней: Ключи, Костино, Ветлугина, Первунова и Елань. Все они, кроме д. Костино, входят в состав Невьянской сельской администрации Алапаевского муниципального образования. Благодарим руководителя сельской администрации О. А. Ключину за содействие в подготовке очерка. В селе Невьянское и сегодня здравствуют семьи прямых потомков казанских переведенцев: Калугины, Гладковы, Овчинниковы, Пырины, Охрямкины и Кушниковы, за которыми сокрыт четырехсотлетний опыт проживания и труда на уральской земле. **✎**

▼ Представители рода Пыриных на юбилее села. Фото из архива Н.Е. Слободяниной

в составе города Режа). В Арамашевской слободе жили также в деревнях Миронова, Сохарева и Забегалова. К 1703 году Кочневы появляются в Белоярской слободе, где основывают еще одну деревню Кочневу (сейчас — село Кочневское Белоярского района), а также расселяются по деревням Мосиной, Клевакиной, Брусницыной и Некрасовой. Одновременно поселяются в Белослудской слободе, где с 1710 года тоже

▼ На юбилее села. Фото из архива Н.Е. Слободяниной

▼ Сельчане

Залив Иванова

Десять дней поиска на берегу арктического залива

В 1995 году отмечалось 400-летие со времени открытия В. Баренцем архипелага Новая Земля. В связи с этим была организована российско-голландская экспедиция с целью обнаружения места захоронения отважного капитана и посещения места зимовки в «Доме спасения» его команды на северо-востоке архипелага.

Экспедиция была разделена на два отряда, в первом из них принимал участие ваш покорный слуга. На меня была возложена ответственная задача — руководить поиском возможного места захоронения великого мореплавателя, открывшего миру Новую Землю.

К Новой Земле!

Экспедиция на борту гидрографического судна «Иван Киреев» Архангельской гидробазы вышла из столицы Русского Севера 18 августа в 23:15. Погода стояла отличная — безоблачное небо, ещё светлый горизонт (полярный день только-только заканчивался, и редкие вечерние облака чуть-чуть потемнели). Все высypали на палубу и наслаждались «лепотой»: наконец-то все хлопоты в Архангельске по поиску необходимых стройматериалов, вёдер,

полиэтиленовой плёнки, закупке продуктов и т.д. остались на берегу.

Под утро следующего дня мы прошли пролив Горло Белого моря и стали огибать полуостров Канин. Это уже не спокойное, почти домашнее, Белое море, а открытое Баренцево — суровый Северный Ледовитый океан. Почти сразу же началась изматывающая продольно-килевая качка. С северо-востока, от Новой Земли, навстречу судну катились свинцово-серого цвета пологие волны, плавно раскачивающие «Ивана Киреева». С северо-запада подул сильный ветер, отчего и в борт стала поддавать боковая волна. Температура понизилась до 7–8°. Такая обстановка продолжалась следующие два дня. К полудню 21 августа волны уже достигли четвертой палубы. К вечеру мы вошли в пролив Карские Ворота, отде-

АРХАНГЕЛЬСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

▲ Полярная пустыня и вид на Оранские острова.
Фото И.А. Мизина

ляющий остров Вайгач от южной оконечности Новой Земли. Это — преддверие Карского моря, и здесь болтанка продолжалась. Капитан принял решение — найти затишное место, куда-то «спрятаться», чтобы переждать неполаду. Такое убежище нашли в заливе Крапивина — небольшая акватория в губе Саханихе. Тут тоже ощущалось сильное волнение, но под защитой береговых террас было как-то поспокойнее. Вечером 22 августа мы снялись с якоря, но прошло всего-то шесть часов плавания галсами в поисках спокойной воды и в 2:00 снова началась сильная качка.

«Иван Киреев» лёг в дрейф к проливу Югорский Шар. На следующий день после обеда пошли вдоль Южного острова по Карскому морю на север. С ночи стояла хорошая погода, обычная пологая зыбь, но ярко светило солнце. Погода резко изменилась, когда судно примерно в 22:40 дошло до широты Ледяной Гавани. Сильный северо-восточный ветер разгонял высокие волны с просторов Карского моря. Они накатом обрушивались на береговые камни и гальку. Вдобавок ко всему опустился густой туман. О высадке первого отряда, который должен был обследовать место зимовки В. Баренца и его спутников, не могло быть и речи. Мы двинулись на север, к мысу Желания. Ночью качка была такая, что из письменных столов вылетали ящики, по каютам из угла в угол носились вещи, шкафы для одежды то и дело хлопали дверьми. В такой обстановке мы обогнули мыс Желания и до 7:00 дрейфовали уже вдоль баренцевоморского берега. Наконец, мы встали на якорь в заливе Иванова.

▲ Наш отряд у построенного «Дома спасения». Фото Дж. Маата

На широте 76°60'

Началась суматоха с загрузкой баржи-плашкоута, которая должна была перевезти на берег мою партию из шести человек. С собой нам надо было загрузить: большую вязанку досок-«десяток» (толщиной 10 см) для строительства дома на берегу, тюк брезента, канистры с водой (40-литровые молочные фляги), выючные ящики с продовольствием и ещё много всяких нужных «мелочей». В 9:25 загруженный плашкоут отвалил от «Ивана Киреева» и взял курс на берег. Через 10 минут гружёная баржа ткнулась в береговую гальку. В корму поддавала приличная волна, поэтому моторист не опускал аппарат, чтобы в любой момент можно было дать задний ход. Мы быстро разгрузили баржу, покидав всё на гальку, и, заведя мотор, моторист направил плашкоут на судно. Буквально через секунды звук стучащего мотора словно растворился в пустоте, разом исчезли и все другие звуки, даже голосов людей и шума волны не было слышно.

Это стало моим первым открытием: мы очутились в форменном зазеркалье, в настоящем мире безмолвия. Уже обжив нашу стоянку, я продолжал удивляться, что даже обычных криков в нескольких метрах не было слышно. Всё поглощали ветер и пустота. На пустынном берегу, на широте 76°60' остались шесть человек — четыре русских исследователя и два голландца. Кругом галька, валуны, песок, чуть поодаль — снег и лёд.

Постройка дома

Прохлаждаться было некогда, надо приниматься за постройку дома. Прямо как у В. Баренца и его спутников, мы оказались на бесплодном берегу ар-

◀ Полярная крачка, фото автора

▲ Белый медведь у триангуляционного знака. Фото И.А. Мизина

ктического острова, но у нас был готовый материал для постройки убежища. Мы выбрали более или менее ровную песчаную с мелкой галькой площадку. Среди нас оказался опытный строитель-реставратор, он-то и стал главным строителем и архитектором, а мы все были на «подхвате». Из досок соорудили раму, на которую начали крепить стены. На постройку дома ушло почти 12 часов, начали строить в 14:20 25 августа, а закончили в 1:30 ночи. Дом был ориентирован параллельно берегу, рядом с ним в десяти с лишним метрах к западу стоял триангуляционный знак «Зыбь», отмеченный на всех морских картах. Прекрасный ориентир, на всякий случай.

Получился хороший приют, размером 4,7 на 4 м. Обращённую к заливу стену сделали высотой 2,5 м, а противоположная, ориентированная в сторону ледника на юге, лежащего на горах Ломоносов, была ниже, 2,0 м. В «низкой» стене на всю её длину «вырезали» узкое окно и затянули его полиэтиленовой плёнкой. Хоть какой, но всё же свет освещал внутренность приюта. Вдоль высокой стены на всю её длину сколотили нары. На торце дома, обращённом на запад, расположили дверной проём и повесили дверь. Напротив двери в глубине дома выгородили место, где соорудили стол, завесив всю эту «выгородку» полиэтиленовой занавеской. Это был камбуз — кухня. Тут поставили плитку и подвели к ней шланг от баллона с газом. Красота, живи и радуйся!

В первую же ночь заметили, что дом продувается насквозь через щели между досками. Тогда покрыли его брезентом. Поставили мачту для радиопере-

датчика. Со временем стали украшать наше жилище, развешивая снаружи по стенам остатки выброшенных сетей, кухтыли (стеклянные шары в веревочной оплетке, которыми подвязывались в качестве поплавков ставные рыболовные сети) и другие «находки», подобранные в зоне выбросов. В память о зимовочном доме экспедиции В. Баренца и его спутников в Ледяной Гавани наши голландские коллеги назвали его «Behouden Huys» (Дом спасения).

Дом спасения в полярной пустыне

Меня, как начальника пусть и маленького, но экспедиционного отряда, постоянно беспокоили две проблемы. Первая, самая главная. Мы находились во владениях белых медведей. Это — беспощадный и непредсказуемый хищник. Я проработал более 20 лет с зоологами, которые занимались этим зверем, и многое знал об арктическом хищнике. Раньше, лет 50 назад, все, кто работал в Арктике, были вооружены винтовками на случай встречи с этим «хозяйном» вечных льдов. И зверь знал своё место.

Но на исходе XX столетия в мире вдруг поднялось движение в защиту этого «Умки», благо, появились даже мультфильмы, где «лапочка»-мишка прямо усипуси — совсем безобидный. Общественность стала сходиться с ума, с яростью защищая белых медведей, пренебрегая опасностью. Все приарктические страны и МСОП (Международный союз охраны природы) внесли этого зверя в национальные и всемирную Красные книги. Его нельзя трогать пальцем. А это не «комар» какой-то, а лютый хищник, который одним уда-

ром своей лапы может прибить любого зверя. Но люди, которые живут в Арктике, постоянно подвержены опасности встретиться с этим хищником. Согласно положению об охране этого краснокнижного вида, для защиты человека от нападений зверя нужно было пугать голосом, стучать в пустое ведро и т.п. В крайнем случае, выстрелить из ракетницы в сторону зверя. Мы же были вооружены двумя охотничьими ружьями 12 или 16 калибра и парой ракетниц. Поэтому я принял решение: установить постоянное дежурство в течение всей ночи. «Караульный наряд», или как звали его голландцы — «вахт», видимо, от слова вахта, по два человека с ружьями-ракетницами находился у дома и в случае появления зверя давал знать спящим. Каждая пара караульщиков дежурила по два-три часа. Один раз «караульщики» прозевали, и медведь подошёл к триангуляцион-

▶ Зимние гнезда лемминга. Фото И.А. Мизина

ному знаку, благо, зверь оказался трусливым и быстро скрылся от поднятого шума.

Второй актуальной проблемой было поддержание костра. При отсутствии печи, не имея возможности согреться внутри дома, мы могли просушить промокшую одежду и погреть «руки» только у костра. Но из-за постоянных ветров розжиг костра мог превратиться в многочасовое и бессмысленное занятие. Поэтому мы поддерживали наш очаг все десять дней пребывания на берегу залива Иванова, постоянно подтаскивали валявшиеся выбро-

▲ Краснозобые гагары, фото автора

шенные брёвна плавника. А чтобы защитить наш очаг от постоянно дующего ветра, соорудили вокруг него защитные стены из досок высотой более 1 м.

Пригодной для питья пресной воды в радиусе 1–1,5 км вокруг лагеря не было, ни одной даже мало-мальской лужи. Когда наши канистры опустели, пришлось брать ведра, и обязательно вдвоём (один с ружьём на случай появления белого медведя), идти за водой в сторону края ледника, где была небольшая лагуна, или на реку Снежную к востоку от стоянки. Но река Снежная — это поток грязной воды, постольку она питалась от ледника. От попытки отстоять воду из реки, подождав, пока взвесь осядет, тоже пришлось отказаться, оседала не вся муть, и вода всё равно оставалась мало прозрачной. Так что дефицит воды существенно отрав-

Особенности погоды

лял нам жизнь — приходилось «мыть» посуду, протирая её смоченными чаем салфетками. Про умывание на десять дней пришлось забыть.

На стене дома у нас висел термометр, и мы в любой момент могли узнать состояние погоды. Глянули на термометр, посмотрели на небо и на море, и знали, что нас сегодня ждёт. Температура первые пять дней колебалась от 4,4 до 8°C. Но 30 августа с 4:55 до 8:00 температура неожиданно поднялась с 6,8 до 10,5°C, а к 9:05 возросла аж до 11,6°. И это в полярной пустыне. Разгадка последовала буквально через несколько минут: поднялся сильнейший ветер, небо заволокло тёмными тучами, раздались разряды грома с молнией, после чего началась знаменитая новоземельская бора. Вот и мы испытали то, о чём не раз читали в записках путешественников на Новую Землю.

▼ Лагерь на берегу залива. Пять дней без дождей. Фото автора

Причина этого природного явления состояла в том, что суша быстро «разогрелась» и с холодного ледника при образовавшейся разнице температуры и давления на неё с беспечной скоростью обрушились порывы ветра. В нашем случае бора неслась с лежащего южнее нашего лагеря ледника Ломоносова. Нас обдавало градом из мелкой гальки и песка. Это был знак, что погода меняется. И, действительно, когда бора утихла, в 21:00 мы заметили, как с северо-запада в залив, словно белые лебеди, начали всплывать айсберги. Из серо-свинцовых облаков, нависших

► Стамуха — севшая на мель льдина. Фото В. Теплякова

над такой же водой, посыпал мелкий, морозящий дождь. Пять дней наслаждения погодой без дождя закончились.

С этого дня с северо-запада ветром в залив уже постоянно загоняло массу льдин, они садились на мель у берегов, превращаясь в стамухи. 2 сентября начал постоянно сыпать мелкий снег, нередко с дождём. Выпавший снег покрыл сначала дальние террасы, а потом уже и приморскую, и уже не таял, несмотря на морозящий дождь. Удивительно, что, несмотря на падавший снег, сильный ветер и морось, температура продолжала оставаться довольно высокой — от 7 до 8°C все сутки.

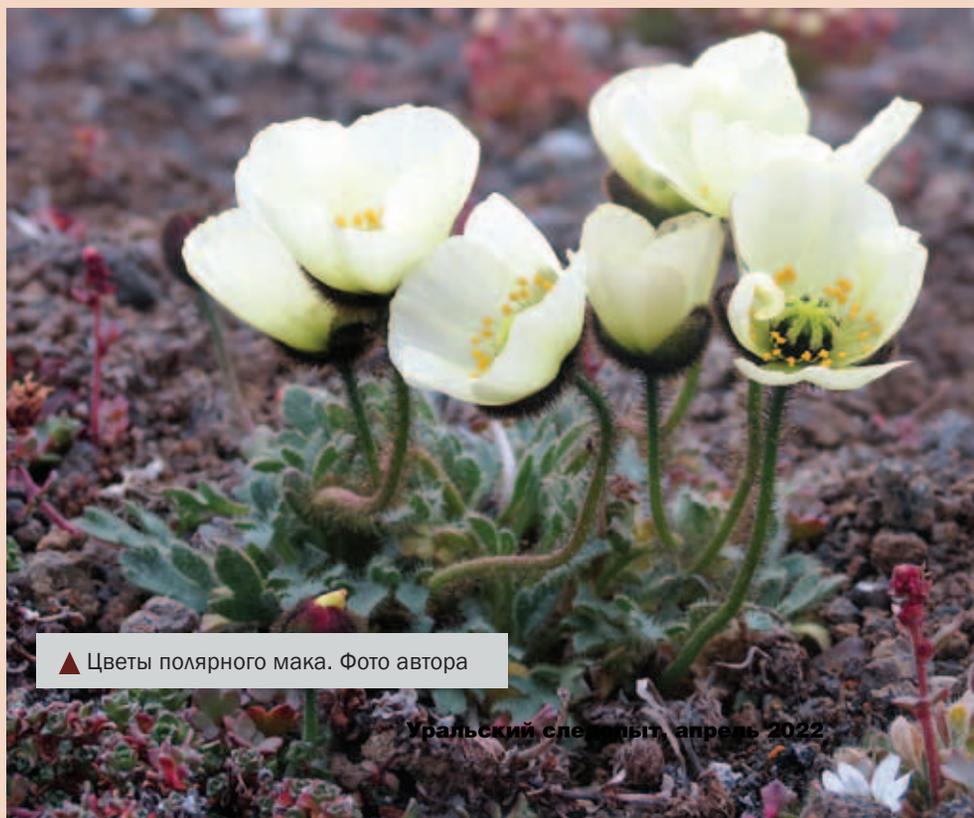
Находки на суше залива

Окрестности залива изобиловали интересными природными объектами. Залив представлял из себя акваторию с широким (до 4 км) устьем, обращённым в сторону моря. Особо интересной оказалась его береговая зона. Море спокойным не было ни секунды, в берег из гальки и песка постоянно бились волны. Волновой накат в результате своей тысячелетней деятельности сотворил весьма специфическую картину, отчего граница моря и суши представляла собой форму края глубокой суповой тарелки. От уреза воды шёл бортик высотой до 3–3,5 м. Из-за такой особенности береговой линии здесь в любую погоду наблюдался накат, недаром же на картах стоящий здесь триан-

гуляционный знак назывался «Зыбь». Поэтому-то к берегу тут не могли прийти ни вельбот с большой осадкой, ни вёсельная лодка, и только плашкоут с плоским дном и широкой носовой частью подходил вплотную.

Нам удалось пронаблюдать, как заселяется растениями приморская терраса. Как в известных пустынях жаркого климата, где разнообразие жизни ограничено дефицитом воды и орга-

ники, так и в их полярных аналогах с дефицитом света и тепла существуют лишь оазисы жизни. Мхи, лишайники и цветковые поселяются лишь там, где на месте выброшенных останков погибших морских млекопитающих и разрушающегося плавника, под их защитой, образуются достаточные условия. Вокруг этих «ядер» формируются скопления перегнившей органики, где и поселяются растения. Та-

▲ Цветы полярного мака. Фото автора

кие оазисы с растениями разбросаны по приморской террасе на десятки метров друг от друга.

Постоянно наблюдая за окрестностями в бинокль, в 8:20 31 августа на восточном склоне мыса Петровского (примерно в 2,5 км к западу от лагеря), я увидел белого медведя. Я несколько дней следил за ним. Сначала зверь перемещался по берегу, уходил за мыс, но затем снова появился. Добыв нерпу и «позавтракав» в 9:20, он залёг на снежнике. Проспав до 15 часов, зверь встал и полакомился добычей. Так продолжалось три дня — медведь ел нерпу и спал. 3 сентября в 7:00 медведь ушёл со своей лёжки, я потерял его из виду. Но 4 сентября в 4:30 он подошёл к нашему лагерю, видимо, из любопытства...

▲ Наш отряд в Архангельске, после окончания экспедиции (слева направо): Костя Блинов, Джордж Маат, Питер Флооре, Виталий Тепляков, Женя Саликов, Н. Вехов. Фото Д. Бадюкова

▼ Автор у триангуляционного знака «38 м» у Гагарных озёр. Фото В. Теплякова

но спальные мешки, газовую плитку, баллон и др. всё же бросили. Отсюда нас уже и вывезли где-то около двух часов дня 5 сентября.

За эти дни нам посчастливилось обнаружить несколько удивительных находок, не связанных, к сожалению, с нашей основной задачей. Например, на острове в одном из Гагарных озёр, находящихся близ мыса Петровского, мне посчастливилось обнаружить смешанную колонию из нескольких гнездящихся краснозобых гагар и полярных крачек. Но главную задачу мы всё-таки не выполнили: экспедиция не обнаружила возможного места захоронения знаменитого голландского мореплавателя. Европейским коллегам мы сообщили заранее, что в их планировании маршрута допущен изначальный просчет в локации, но они настояли именно на этой точке поиска. По версии российских ученых, их знаменитый земляк погиб всё же километрах в 25–30 к западу от того места, куда мы высадились, у Большого Ледяного мыса. Но аналитика причин неудачи дает всегда множество и полезной информации пылливому уму. Очевидно, что загадки Арктики еще не разгаданы и ждут своих будущих отважных капитанов и исследователей! **УС**

Наша эвакуация

В день встречи с медведем в 23:15 после очередного сеанса связи стало известно, что на завтра намечена «операция» по снятию нашего отряда. Видимо, на судне жили своей, далёкой от реальности жизнью, т.к. снимать нас планировали на... надувной лодке. Тут катеру с мотором подойти невозможно, а они лодку «настропалили». После полуночи подошли на плашкоуте, встали в 200–300 м от берега, матрос сел в шлюпку, хорошо, не в надувную лодку, и погрёб к берегу. Ткнулся в грунт, и тут почти двухметровая волна накрыла его с головой. Пришлось пулей лететь к нему и выгаскивать из лодки, а не то бы его накрыло новой волной. Промокшего матроса «затащили» в дом и одели в сухое, каждый скинул, что у него было запасное.

А «отцы-командиры» в это время совещались на судне, как нас «спасать». Был даже запасной вариант — бро-

сать всё снаряжение и, взяв только научные материалы, идти на полярную станцию «Мыс Желания» пешком более 40 км через ледник, речки и т.д. Но всё же нашли решение. Вдвоём мы отправились по берегу на восток искать место для причаливания плашкоута. Нашли, но в 1 км от лагеря. Пришлось туда тащить часть снаряжения,

▼ Преодоление ручья от тающего снежника. Фото автора

В лыжный поход. Пешком

В марте этого года «Уральский следопыт» отправился на Северный Урал

Почему пешком в лыжный поход? Маршрут на плато

Маньпупунёр в начале весны предполагался продолжительный.

Много снега, метели, поэтому лыжи взяли специально подготовленные: с кантом для передвижения по насту, с камусом, чтоб на подъеме без проскальзывания, крепления под ботинки с бахилами. На разные температуры и погоды собрали комплект мазей и парафинов. Конечно, палки алюминиевые с большими кольцами: такие при поперечной нагрузке гнутся, но не ломаются. А чтоб рюкзак к земле не придавливал сильно, поделили поклажу на две части: небольшая — в штурмовом рюкзаке, а основной груз разместили в сани-корыто. Подсмотрели у коллег — опытных туристов. Если корыто длинное и узкое, то оно хорошо помещается при глубокой тропежке в канаву, оставленную лыжником. Для крепления к туристу используется пояс на липучке, который через карабины пластиковыми трубами соединяется с корытлом. Особенность такой упряжи: длина должна составлять около 2 метров, чтобы сани не наступали на лыжи, и крепятся они не параллель-

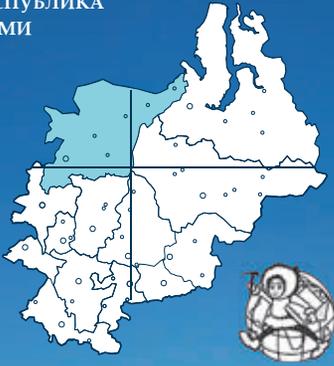
но, а накрест. Такой способ крепления при повороте лыжника подворачивает сани в ту же сторону, а не выбрасывает на обочину. Если обходишь препятствие, провожаешь его взглядом с раз-

воротом плечевого пояса, а корыто следом само объезжает.

Заехали ночным рейсом через Ивдель в поселок Вижай, откуда начинается несколько северных маршрутов. На базе нас ждал манси Валера Анямов со своим боевым «Бураном» и пассажирскими санями. А еще оказалось, что здесь с автомобилем на снегоходы пересаживается ежедневно несколько

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

волила: стояли ясные, безветренные дни с температурой временами под 40 градусов. Морозные рассветы в тайге, то и дело появляющиеся речушки и ручьи от хребта к мансийским болотам, зимняя палатка с печкой, вечерний костер с гитарой — вот что еще пожелать утомленным цивилизацией интеллигентам?

Через 4 дня перешагнув сотню, разбили лагерь на золотоносной речке, пошаманили погоду на следующий день. И все удалось совершенно идеально! Ни движения воздуха на Уральском хребте, последовавший за ним замечательный, почти ратрачный спуск. Здесь даже на борде закатали по насту, затем по снегу-пухляку между березами и соснами, пока не добрались до малоприметной Печоры-ручейка. Да, великая

река Печора начинается из-под плато Болванов! Пять километров подъема, встреча с инспекторами заповедника, проверка документов, и вот они, столбы выветривания, стоят перед нами на краю блестящего плато, упираясь в сине-голубое небо.

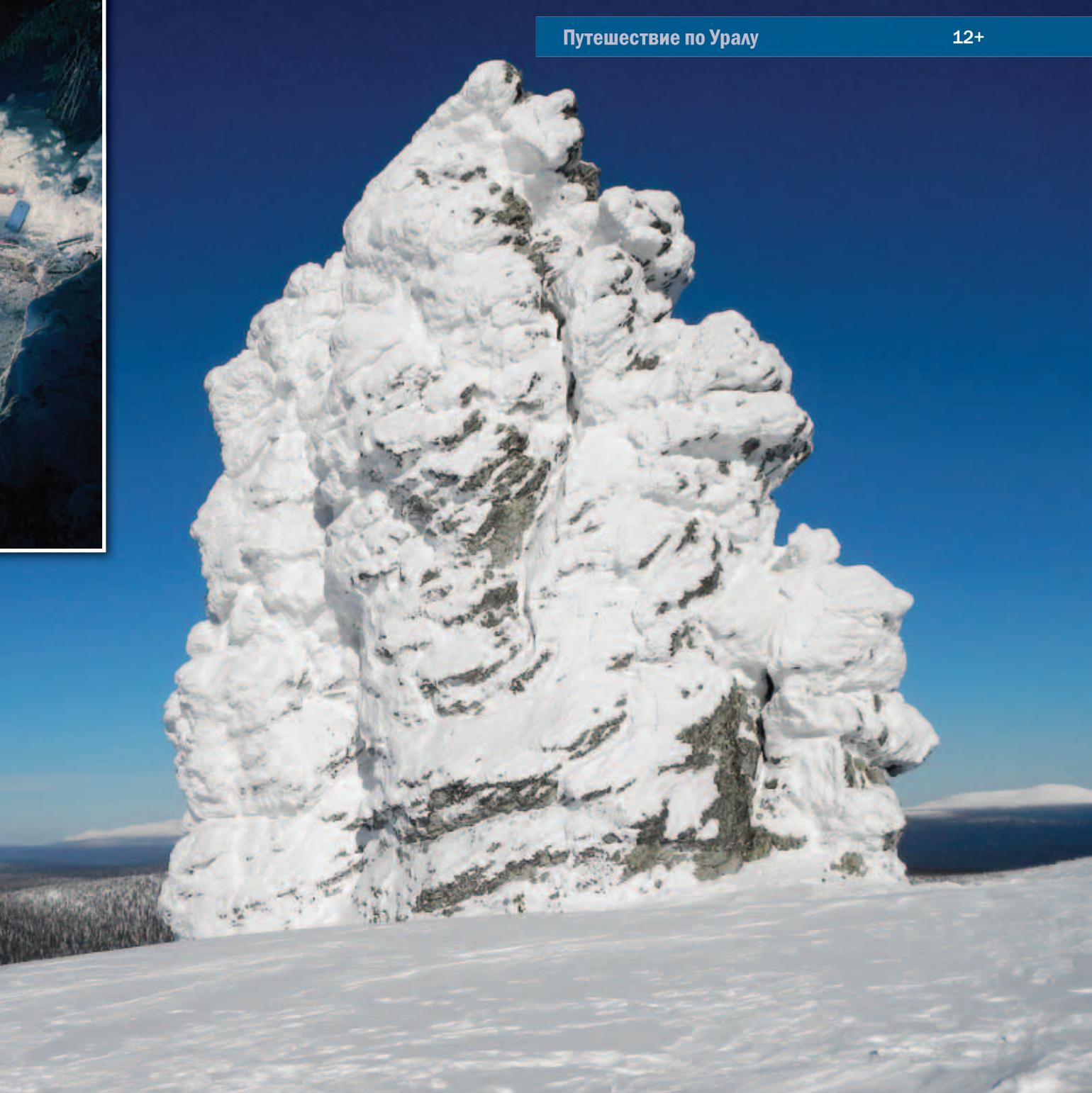
Тишина, какая бывает только на безлесной вершине в безветренную погоду! Ощущается только свой пульс и неспешное дыхание. Три часа нереального пейзажа и обратно: экватор маршрута пройден.

Назад все так же, только по знакомому пути. Еще более сотни километров до точки старта.

Осталось время, и мы отправились на перевал Дятлова. Вот здесь погода и закончилась. Через хребет с западного склона фронтом начал перевали-

десятков мототуристов. Добравшись до базы Ильича, обнаружили: все снегоходные пути ведут на Пупы. Лыжи надевать не стали. Поутру впряглись в сани и отправились по хорошо укатанной ветрами и морозами спресованной дороге. В день навстречу и попутно попадалось до 50 снегоходов, сопровождаемых инструкторами-гидами. Выхлопов от бензиновых двигателей нам хватило и в городе, поэтому, пропустив очередной караван, продолжали свой путь. В день получалось 25–30 километров с ночевкой здесь же, у «буранки». Погода благо-

вать циклон. Потеплело, небо затянуло сплошной облачностью, опустившейся до макушек кедров. Всю ночь палатку, установленную под перевалом в зоне леса, трепал усиливающийся ветер, заталкивая дым обратно в трубу печки. Наутро шторм отрога, на котором находится знаменитый перевал, показал, что ситуация может стремительно поменяться и стать очень даже критической. С горы Холотчахль стремительно стекала туча; непрерывающийся, секущий глаза снег, изменяющий направление ветер, видимость, ограничивающаяся 10–20 метрами,

полностью дезориентирует группу. Важным оказалось не потерять друг друга в снежной кутерьме. Это был единственный день, когда лыжи были использованы по своему назначению. После посещения перевала Дятлова — снова вниз, в долину Лозьвы, к ожидающему со своим «Бураном» Валере Анямову.

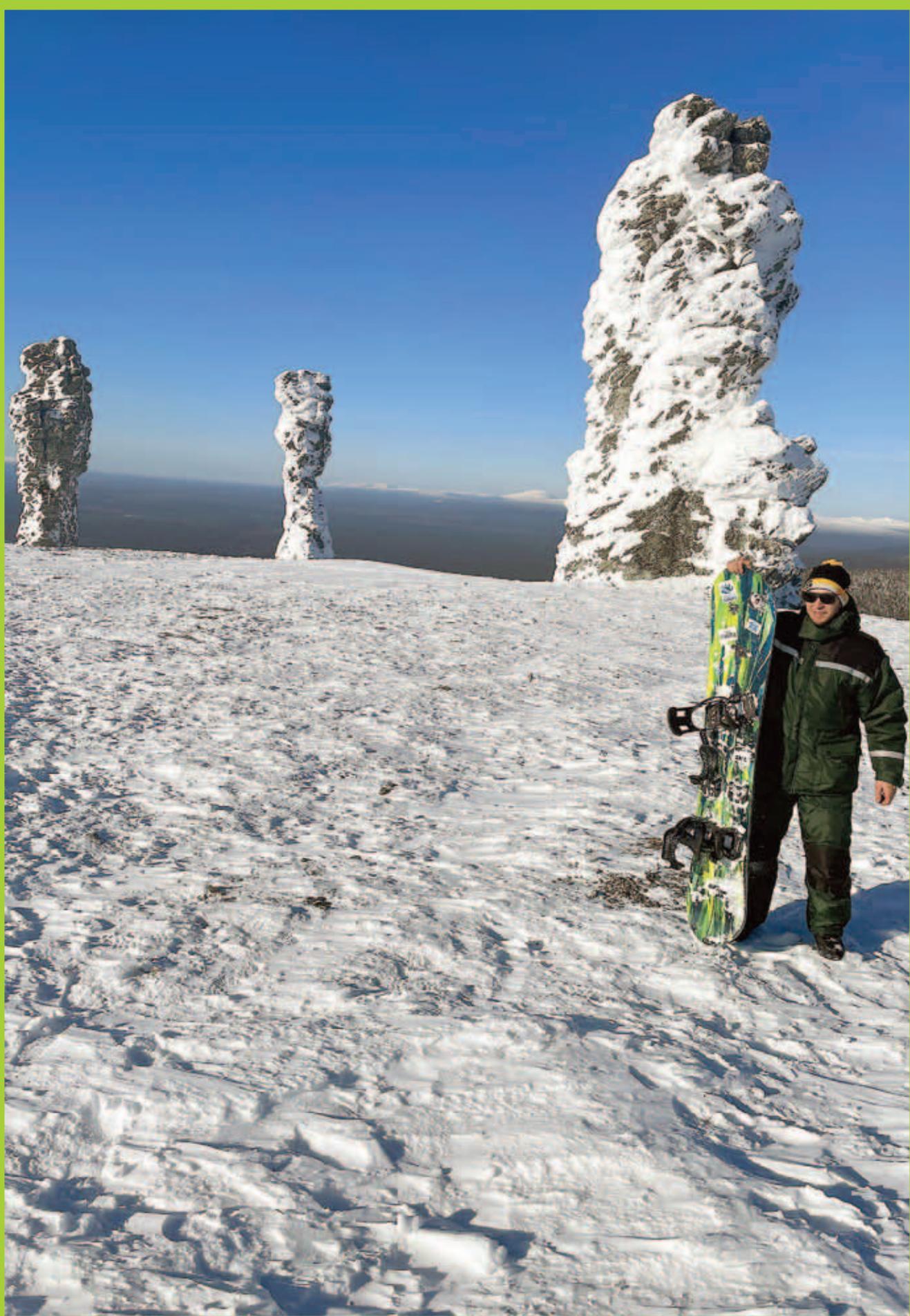
Насыщенная оказалась поездка: и североуральские пещеры, и вскрывающаяся река с промоинами и свежей наледью, и остатки мансийских деревень (резервации мансийского народа, как коротко и мрачно заметил Валера),

и остатки геологического оборудования. А еще огромные грузовики, вывозящие породу со вскрытого несколько месяцев назад месторождения медно-цинковых руд. «Скоро у нас реки будут отравлены, как возле Североуральска, у Денежкина камня» — вздыхали вижайские охотники.

Но мы будем вспоминать пронзительно чистый воздух, огромное небо, многокилометровые озера-болота, вековые кедровые леса и счастливые лица путешественников, оставивших на несколько дней всякую связь с цивилизованным миром. **УС**

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0124-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим** ISSN 0124-241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Апрель 2022

Аэлита

50

Координаты чудес

РУСЛАН НУРУШЕВ
Сказки из подполья

50

79

Повод для улыбки

ЕВГЕНИЙ МИДАКОВ
До Никанора путь не близкий

79

Сказки из подполья

Руслан Нурушев

Родился 03.12.1973 в с. Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1991 г. после окончания школы поступил на юридический факультет Волгоградского государственного университета и переехал в Волгоград. В 1996 г., окончив вуза, отслужил в армии и вернулся в Волгоград, где и проживает до настоящего времени. Работает по специальности — юристом в юридической фирме.

Часть 1 «Талифа, куми!»

* * *

— Са-а-ша! Просыпайся. Уже десять.

Я с трудом приоткрыл слипшиеся веки. Декабрьское солнце, тусклое и унылое, искоса заглядывало в комнату, на стенах — серые блики. В дверях неловко переминалась мать.

— Встаёшь?

Чуть сутулясь, теребя поясок, она смотрела робко и неуверенно. Ещё окончательно не проснувшись, с тяжёлой головой, я хмуро отвёл взгляд.

— Сейчас встану, — и откинулся на подушку. Вставать не хотелось. От ночной «дозы» мутило, во рту — привычная сухость, зато простыня повлажнела от пота.

Мать просеменила к кровати.

— Ну вставай, Саш. Позавтракать надо. Потом приляжешь опять если что.

Она ласково коснулась моих волос, но я откинул её руку.

— Не надо этого, мам! — раздражённо повысил я голос. — И... и глупостей этих не люблю!

Её губы задрожали, а в глазах предательски блеснули слезы, — на лице, сразу осунувшемся, застыло мучительное выражение жалости и обиды. Я скрипнул зубами.

— Ну не обижайся, Саш, — силилась она улыбнуться, — я же просто так.

Я отвернулся к стене.

— Не смотри на меня так! Не надо!

— Всё, всё, — шмыгая носом, она вытерла слезы, — уйду.

На кухне нудно зашумела плита. Я устало прикрыл глаза. Как всё надоело, быстрее бы уж кончилось...

Болей сильных пока не было — принятое ночью обезболивающее действовало, — и, расслабившись, я тупо пялился в потолок.

В ушах, словно заложенных ватой, плыл монотонный гул. Слегка тошнило, голова кружилась, и мысли текли вяло и беспорядочно, пустые и беспредметные, скорее их обрывки.

Я не заметил, как впал в странное оцепенение. Мелькали непонятные картины, казалось, я где-то ещё: я брёл по берегу озера, под ногами хрустела галька, где-то всплёскивало, неумолчно трещали цикады, а вокруг сонно ворочалась летняя ночь.

Пахло осокой, подгнившим камышом, ветерок качал космы ив, застывших над водой; высоко зависла луна, и бледными искрами терялись в её свете звезды, — всё дышало миром и спокойствием...

— Са-а-ша!

Я вздрогнул.

— Завтрак готов...

И очнулся. И вновь тоскливый зимний свет, серые стены, а за окном — привычный шум города. Я с раздражением отбросил тёплое, пахнущее старостью одеяло и зло выдохнул. Достали!

Кое-как натянул брюки, но на рубашку сил уже не хватило. Покачиваясь от слабости, прошаркал в ванную.

Включил кран, с отвращением плеснул в лицо холодной водой и зябко поёжился. На душе было муторно и тошно. В дверях появилась мать.

— Я там пасту новую купила.

Я посмотрел на полку.

— А зачем? — и зло рассмеялся. — Хочешь, чтоб у меня и в гробу голливудская улыбка была, а?

Мать побледнела, — зажмурив глаза, закусив губы, она попыталась сдержать слезы, но плечи

уже затряслись в беззвучных рыданиях. Всхлипнув, она бросилась в комнату, откуда вскоре раздался тихий плач.

Я чуть смутился. Зачем я так? Этого не знал я и сам.

Я повернулся к зеркалу — незнакомое, словно чужое лицо: тонкие, почти бескровные губы язвительно кривились, глаза лихорадочно поблёскивали, щеки запали, кожа пожелтела.

— Да-а, — протянул я разочарованно, — неважно выглядите, маэстро, неважно...

Не зная зачем, я ухмыльнулся и соорудил отражению рожу — оно ответило тем же.

Я вздохнул и опустил голову, — на душе стало совсем гадко.

Злоба ушла, и осталась лишь пустота. Почему всё так? Так глупо, так тоскливо...

И вновь посмотрел в зеркало.

— Что ж ты мать свою мучаешь, ирод? Разве она виновата?

Отражение погрузнело и покачало головой, но ничего не ответило. Я махнул на него рукой — что с тобой разговаривать!

...Когда доплёлся до кухни, мать тихо сидела за столом. Она коротко шмыгнула, голос её был глух.

— Садись, а то остынет всё.

На меня она не глядела. Я вздохнул.

— Ладно, мам, извини, — и потупился. — Прости, пожалуйста.

Она подняла глаза и слабо, с грустью улыбнулась.

— Я и не обижаюсь. Я всё понимаю, тебе ведь сейчас так... так трудно.

И горестно покачала головой, взгляд её скользнул куда-то вдаль и застыл.

— Зачем ты отказался? Тогда, осенью, когда не поздно ещё было? Ведь Алексей Николаевич тебе всё объяснил! Зачем?!

Я шагнул к ней и молча притянул к себе. Мама, мама...

— Успокойся, мам, — я гладил её волосы, сильно поседевшие за последние месяцы, — теперь жалеть уже нечего.

Всё стало окончательно ясно только вчера...

... — Что именно? — Алексей Николаевич, убрав анализы, невозмутимо взирал на меня. — Прогноз?

— Да. — Я вяло усмехнулся, чуть кривясь от подступавшей временами боли. — Имею же право?

Я сидел в кабинете Алексея Николаевича, приятеля отца, — когда тот был ещё жив, они работали в одном отделении, здесь, в онкологии, и в последний год отец с ним, можно сказать, сдружился. Частенько заглядывал к нам и домой, просиживая вечерами, порой допоздна, но со смертью отца посещения почти прекратились.

Хорошо ладил Алексей Николаевич и с матерью, хотя я его почему-то недолюбливал и почти не общался.

— Имеешь. — И он с достоинством откинулся на спинку кресла. — Хотя...

— Говорите, не бойтесь, — раздражённо перебил я, — в обморок не упаду. Только честно! Метастазы есть?

Он вздохнул и, запнувшись, кивнул.

— Да, пошли.

— Значит, всё?

— Ну, как тебе сказать... — Алексей Николаевич уклончиво помялся, и его рыхлое полноватое тело колыхнулось. — Опухоль уже, да, в целом неоперабельна. Но я ведь предупредил, тогда ещё.

Но ты сам всё решил. Что я мог сделать? А в сентябре у тебя ещё были шансы: опухоль-то не самой агрессивной формы...

И полилась медицинская заумь. Он говорил неторопливо, правильно, можно сказать, основательно (хотя и общими местами) — в нужных местах делал паузы, проговаривал окончания, дополняя, когда надо, жестами холёных белых рук. Он вообще был человеком, что называется, положительным и, несмотря на вечную невозмутимость, застывшую в бесцветных водянистых глазах, отнесся к работе щепетильно.

— И сколько осталось? — Я постарался спросить спокойно, отстранённо.

— Это сложный вопрос. — Он пожевал губами и покрутился в кресле. — Всё очень индивидуально. Конкретный прогноз я вряд ли дам.

— Ладно, спасибо и на этом, — буркнул я муром и чуть запнулся. — Но рецепты, надеюсь, будут?

— Ну, как тебе сказать: с анальгетиками твоими, конечно, не всё так просто, бывают проблемы. Но для тебя, по дружбе, сделаю, что смогу. Я тут уже выписал, — и достал из стола розовый бланк. — Как закончится, приходи — что-нибудь придумаем. Но старайся соблюдать дозу и режим приёма. И пока по той же схеме.

Я несколько торопливо схватил рецепт.

— Постараюсь, — и, повертев листок, глянув на просвет, усмехнулся. — М-да, жизнь в розовом свете...

Я сунул бланк в карман, где уже лежала полупустая упаковка обезболивающего, и вздохнул. Ладно, пожить в кайф не вышло, так хоть подохну под кайфом.

— Вообще-то, знаешь, — смущённо спохватился Алексей Николаевич, — не надо только отчаивать-

ся. Бывали ремиссии и на поздних стадиях. Да, это редко, но ведь и ты молодой, организм не изношен, и иммунитет ещё есть. Так что возможно всё. Поэтому советую...

— Припарки, — злорадно подсказал я и скрипнулся от стрельнувшей боли.

— Что? — не понял он. — Какие припарки?

— Которые мёртвым ставят! — скрипнув зубами, я зло рассмеялся, скорее даже сгримасничал. — Говорят, очень помогают!

— Саш! — Он укоризненно поджал губы. — Я не понимаю твоего отношения. Речь о твоей жизни!

Я выдохнул — фу, отпустило! — и вяло вытер лоб от испарины.

— В том-то и дело, что о моей, а не вашей.

И, уже не скрываясь и не обращая внимания на хозяина кабинета, достал упаковку и закинулся «дозой», запив водой из графина. Алексей Николаевич хотел, видимо, высказать мне, но я перебил:

— Не беспокойтесь, — пошатываясь, поднялся я, — я уже ни в чем не нуждаюсь. Спасибо за работу, но занимайтесь лучше живыми. Оставьте мёртвым хоронить своих. Заодно приглашаю на похороны, — и хрипло хохотнул, привалившись к стене. — Официальное приглашение вышлю позже.

Притворив дверь, я проковылял в холл, где отдохнул на кушетке, собираясь с силами. И вскоре брёл, тяжело переставляя ноги, по узким тротуарам, серым от непросыхающей грязи.

Низкое мутное небо тоскливо и уныло сыпало мокрым снегом, и город исчезал в туманной мгле, а под ботинками противно хлюпала жижа. Немногочисленные прохожие спешили по делам, не об-

ращая внимания, и лишь некоторые окидывали равнодушными взглядами.

Я запрокинул голову, подставляя лицо снегу и ветру. Вот и всё... И глубоко вздохнул. Вот и всё, маэстро. Окончен бал, погасли свечи. *Finita la commedia...* Вокруг раскинулся город, — он жил своей жизнью, но это уже не было моей жизнью. Надвинувшаяся смерть словно стеклянной стеной отгородила от всего, — мы были чужими, будто из разных миров, — и сквозь неё всё казалось призрачным и нереальным. Может, и нет города, прохожих, серого неба? Может, это только призраки, фантомы, наваждения? Или я сам? И криво улыбнулся.

Призрак бродит в городе призрачном под серым призрачным небом... Мы были чужими, хотя и раньше никогда не чувствовал здесь «своим»: я никогда не любил реальность, — ведь она постоянно сопротивляется или вовсе игнорирует, что, наверно, ещё хуже. Я устало смотрел на прохожих, их хмурые лица. Спешите, спешите, а от костлявой и вам не убежать.

Сейчас вас много, а я один, но когда-нибудь и вы останетесь только наедине с собой. Я покачал головой. Странно: можно прожить всю жизнь в толпе, в семье большой, на людях, а умирать всё равно в одиночку. И пусть у тебя куча друзей, родных, близких, когда придёт час — ты один, и ничего сделать тут нельзя. Один родился — один умирай...

Я не чувствовал страха, а боли научился глушить «дозами». Страх — это в прошлом. Я давно, наверно с того злополучного сентябрьского дня, когда отказался от операции, готовился именно к такому исходу. Осталось лишь безразличие — надоело всё. В конце концов, все сдохнем

раньше или позже — какая разница, в двадцать пять или в семьдесят? Я не жадный до цифр — пусть двадцать пять. Все дороги ведут в никуда, куда бы ни вели — в небеса ли, в ад. Ничего ведь нет в этом мире, одна только видимость, за которой не выход из пещеры, а лишь пустота.

Я плёлся мимо остановки. Под бетонным козырьком женщина в рыжей шубке выговаривала насупившемуся мальчику лет шести, видимо сыну:

— Вов, если ещё раз увижу, что сосульки ешь, будешь дома сидеть, никаких прогулок, ясно? Или ангину заработать хочешь?

Я остановился и вяло усмехнулся:

— Слушай, Вова, маму. Она правильно говорит.

Женщина удивлённо воззрилась, но я ничуть не смутился.

— Береги здоровье смолоду, Вова! Оно очень понадобится в гробу — только там понимаешь его истинную цену!

Я захохотал и поковылял дальше. Ангина! Меня разбирал смех. Не кушай, Вова, сосульки! Не пей, не кури, здоровье береги! Как говорится, было бы здоровье, остальное будет. А что будет? Здоровеньким помрёшь? Черви «спасибо» за мясо аппетитное скажут? Нет уж, увольте! В гробу я видел ваше здоровье! Кормить я их не буду — пусть давятся костями!

Я зло сплюнул. И на «круговорот веществ» ваш и «вечность природы» молиться тоже не собираюсь! Сами радуйтесь, что будете жить вечно — ... как частичка червя!

Я поднял голову. По-прежнему сыпало снегом — белой тоской, и тоскливо чавкала под ногами каша. Я рассмеялся. Зачем рождаться, если всё равно умрёшь? Зачем умирать, если уже родился? Разве не глупо? И зачем тогда всё это? Это

небо? Этот город, люди? Кто их выдумал и для чего? И я не понимал, а только смеялся. Смех распирал изнутри, — прислонившись к столбу, я смеялся, не в силах совладать с собой. Ведь глупо всё и бессмысленно!

Прохожие испуганно шарахались, но мне было не до них.

Это был странный смех: сухой, судорожный, рвавшийся помимо воли, и я не мог ничего поделать, не мог остановиться. И только когда порыв ветра, колючий и резкий, швырнул в лицо пригоршню снега, я очнулся. Я утёрся, а потом меня вырвало желчью. И плохо помню, как добрался домой...

...Я застывшим взглядом смотрел в окно — снег всё сыпал и сыпал, но сегодня не таял — похолодало. И, взглянув затем на мать, вздохнул.

— Ладно, давай завтракать, мам.

Но завтракала только она, а я лишь пытался — и аппетита не было, и мучила тошнота. Сидели молча — разговаривать было не о чем.

После завтрака мать пошла в аптеку, а я остался дома — из института я давно уволился, аспирантуру бросил.

Вскоре вновь появились боли — пока не столь мучительные, сколь нудные и тягостные. И снова вырвало. Угрюмо дотацившись до комнаты и не зажигая света, я с нескрываемым отвращением ко всему упал в кресло и вытянул ноги. Господи, когда же всё кончится?! Но затем наконец-то начала действовать утренняя «доза». И я задышал реже, бесшумными толчками в груди билось сердце, веки отяжелели, вокруг стусилась тьма. Где я?..

...Я сидел перед костром, у озера, а вокруг тихо вальяжничала летняя ночь. Отражённым безмол-

вием застыла в вышине луна, и рябила амальгамой на воде, а поблэкшие звезды скромно жались по небесным углам, но я видел только пламя — разве огонь не чудо?

Красноватые блики менялись, прыгали, играли зыбкими тенями на руках, земле, прибрежных валунах, и казалось, что за их игрой можно наблюдать вечно — ничто не повторялось, всё колыхалось, сплеталось, и каждый раз по-новому. Разве можно не любить то, что неповторимо?

С озера холодило, но я не замечал — магия огня не отпускала, и, словно заколдованный отблесками, я лишь неотрывно смотрел в пламя. Разве не чудо?

Казалось, что и сами огненные языки, поддаваясь своим же чарам, замирали причудливыми фигурами — или это замирало время? И была ключом тишина — кипящая, звенящая.

Она кружилась водоворотом, обволакивала дремой, растворяя и затягивая на дно, и, погруженный в оцепенение, я в первый миг даже не заметил, как выступила из мрака высокая, сухопарая фигура.

— А ты умеешь слушать тишину.

Я вздрогнул. Что? И поднял глаза. Опершись на посох, передо мной стоял незнакомец и спокойно, скорее даже бесстрастно, хотя и с долей любопытства, рассматривал меня, а затем кивнул.

— Сегодня прохладная ночь. — Голос его был низок и хриловат. Ничуть не смущаясь, он рассеянно подобрал складки плаща, потемневшего от пыли, и присел к костру.

Я удивлённо смотрел на него. Кто такой? Что ему надо? Но незнакомец был невозмутим. Он поворошил горячие ветки и отрешённо, не мигая уставился в пламя, словно уже забыв о моем су-

ществовании. На его немолодом и слегка усталом лице заиграли блики.

— Ты умеешь слушать тишину, — повторил он, и спокойно, почти равнодушно повернул ко мне голову.

Его тёмные, чуть запавшие глаза производили странное впечатление: отстранённые и неподвижные, с застывшим взглядом, подёрнутые дымкой, они будто где-то блуждали, то ли заворожённые, то ли что-то вспоминая, и, смотря на вещь, вещи словно не видели. Незнакомец разглядывал меня отрешённо и безучастно, без тени смущения, но казалось, что он смотрит мимо и сквозь меня, меня не замечая, — это был взгляд сомнамбулы. Стало чуть не по себе.

— Кто ты? — не выдержал я.

— Не бойся. — Он усмехнулся, глаза смягчились. — У меня много имён. Люди называли меня Духом Бездны, Падшим Ангелом, Искусителем...

Я вздрогнул.

— Но тебе нечего бояться, это всего лишь имена, — он покачал головой. — А я только Странник...

* * *

...Комнату мутными, грязными потоками заливали сумерки — серые, вечерние. Тягуче, словно кисель, растекались они кляксами по линолеумовым полам, по обоям; они медленно клубились удушливыми облаками под потолком, — потолок нависал низко и зримо давил тяжестью. Ступаясь и уплотняясь в ночной мрак, они скрадывали очертания вроде бы давно знакомых предметов, очертания вроде бы неизменные, скрадывали незаметно и самым причудливым образом, превращая их в тени, зыбкие, колышущиеся тени.

Вытягиваясь, тени быстро росли и раздувались до огромных размеров, но, так же быстро опадая, рассыпались на бесформенные пятна.

Мир развоплощался, мир — только тень, только призрак, вселенская иллюзия, чей-то ловкий фокус, злая насмешка. Солнце погасло, и вещи открыли лица, за которыми виделась лишь пустота — мёртвая и беспредельная. На мгновение показалось, что кто-то смотрит оттуда, кто-то в маске, смотрит пустыми глазами, насмешливо и нагло ухмыляясь. Я вздрогнул — видение исчезло. И с некоторым облегчением вздохнул. Чертей ещё не хватало. От ударной «дозы» боли заглохли, и я чувствовал себя почти что хорошо.

В комнату входила ночь, шаги её неслышны — она кралась. Угрожающе извиваясь, тени расплзались во все стороны. Они со злобным вождением шипели и до омерзения откровенно ласкались друг о друга скользкими телами. Самые смелые приближались и пристально смотрели на меня пустыми глазами, раскачиваясь и сплетаясь в кольца.

Обманутая моей неподвижностью, одна маленькая и бледная, видимо, ещё молодая тень осторожно коснулась пальцев. Я чуть напрягся, но она ничего не заметила, — открыто и не таясь, обвинила она кисть и вновь замерла. Я видел, как мутно блестели на её тёмной поверхности капельки света — свет падал с улицы, — ощущал, как подрагивает от моего дыхания её холодное и мёртвое тело, но она недолго была бездвижной. Внезапно ожив, она заскользила вверх, к плечу, но это было уже чересчур. Сморщившись, с отвращением, я тряхнул рукой. Соскользнувшая на пол тень яростно зашипела. В углу предупреждающе глухо заурчали — я повернул голову. Оттуда, словно ноч-

ной паук, выходящий на охоту, выбиралась ещё одна крупная, насыщенная мраком тень. Выбиралась, замирая при каждом шорохе, настороженно перебирая тонкими лапами, но внезапно замерла — почувствовала мой взгляд. Я вздохнул. Задолбали! Тихо ругнулся и, пошатываясь, поднялся с кресла, — испуганно дёрнувшись, тень метнулась в угол. Кольшущаяся тьма с неохотой расступилась, когда я шагнул к окну.

За спиной скользили тени, но я смотрел на пустынную, убегающую вдаль улицу, вслед за которой убегала и редкая цепочка фонарей. Ветер нёс по обледенелым тротуарам снежную пыль, пригоршнями швыряя в окна, — во многих ещё горел свет. Я видел, как по шторам и занавесям прыгают голубые блики телевизоров, как появляются и исчезают тени-силуэты. Я покачал головой. И здесь они. Может, там, напротив, никого и нет вовсе? Одни тени, целый дом теней — бетонный, многоквартирный. Это, наверно, они днём люди, а гаснет солнце, закрываются двери, задёрнуты шторы, и их нет, и только тени мелькают на стекле. Может, и нет ничего вообще, кроме них? И весь мир — театр теней, но кто мы в нем, актёры ли, зрители, я не знаю. А «режиссер»?

В окне напротив шторы раздвинулись и появилась чья-то фигура. Привет! Я кивнул и усмехнулся. От тени тени — привет! Я ведь знаю, приятель, что для тебя я тоже лишь тень на стекле, лишь тёмный силуэт. Но он молчал, замолк и я. Ветер качал придорожные тополя, и их долговязые тени раскачивались на земле гигантскими мётлами, тени-облака скользили в ночном небе серыми миражами, тихо скользила в их просветах луна — тень солнца. Может, я действительно тень? Кто вспомнит обо мне, когда меня не будет?

...Из соседнего двора вынырнула тень пьянчужки: пошатываясь и останавливаясь через каждые пять шагов, он растерянно озирался, словно пытаясь вспомнить, где он и куда идёт. Один раз он и вовсе поскользнулся, нелепо взмахнув руками, но затем поднялся и продолжил путь. Я криво улыбнулся. Человек — это звучит гордо... Но только звучит. О человеке лучше сто раз услышать, чем один раз увидеть. Нет, я не испытываю к людям презрения или ненависти (хотя бывало когда-то и такое), — я их, себя в том числе, просто не люблю.

Мне смешно, когда слышу романтический лепет о «красоте и доброте человека». О ком речь? Об этом, что сейчас по улице ползёт? Или о миллионах подобных, умеющих только жрать, спать, спариваться да пялиться в «ящик»? Нет, я не против этого — я не аскет, и сам, когда здоров был, любил вкусно поесть, поспать и всё остальное, но заполнять этим всю жизнь?! Этого ли хотелось, когда я, ещё мальчишкой, стоял у распахнутого окна, под июньской луной, и ночная свежесть будила смутное, неясное, но сладостное предчувствие чего-то огромного, захватывающего, невыразимо прекрасного, что должно сбыться в жизни. Предчувствие, от которого наворачивались слезы непонятного счастья...

Человек — это звучит гордо... Смешны романтики, смешны, хотя, может, просто завидую тем, кто, несмотря ни на что, верит хоть во что-то. Не знаю... Иногда очень трудно, почти невозможно, разобраться в себе, своих чувствах. Здесь ты словно зачарованный принц из сказки в поисках самого себя, стоящий в зале с тысячей зеркал в заколдованном замке и не могущий понять, где он, а где лишь отражения.

...Этажом ниже стукнула форточка. Я вздрогнул. Тот пьяный ещё не ушёл. Оставив неровную цепочку следов, он стоял под окнами, привалившись к столбу, а когда поднял голову, я его разглядел. Это оказался Петька-холодильщик, как звали его в нашем квартале. Когда-то хороший мастер, порядком опустился и, что называется, «подсел на стакан». Он как-то чинил нам холодильник, и я немного его знал. Я смотрел на него, на улицу, по-прежнему пустынную, заметаемую снегом, — мороз крепчал, ветер усиливался, — и покачал головой. Может ведь и не дойти... Мелькнула глупая мысль — выйти, довести до дома, или позвать, позвонить кому, — но только мелькнула и так же быстро исчезла.

Я равнодушно взирал, как кружит по асфальту позёмка, слышал, как потрескивают тополя, и знал, что никуда не пойду — ведь там холодно, а здесь тепло. Я уткнулся в стекло и усмехнулся. Я могу помочь, но — отойду в сторону. Отойду потому, что не хочу на мороз, не хочу видеть мутных осоловелых глаз, ощущать густое «амбре» давно немытого тела, нестиранной одежды и перегара. Отойду, наконец, и это, наверно, главное, потому, что мне всё равно. Да, всё равно, — замёрзнет он, ограбят ли его или доберётся-таки до дома. И даже звонить ради такого не буду. Разве я сторож ему?

...Забравшись ногами, я сидел на подоконнике, привалившись к широкому откосу, и смотрел, как Петька-холодильщик поворачивает за угол. Правда, в последний момент показалось, что он-таки упал, но, присмотревшись, решил, что это темнеет, наверно, сугроб, хотя точно сказать не мог — было далековато. Я махнул рукой. В конце концов, какая разница, если и замёрзнет? Много ли изме-

нится? Я не желаю ему смерти, но и беспокоиться не буду, — слепая случайность, забросившая в этот мир, сама распорядится его убогой жизнью.

Я вдруг представил, что, может, где-нибудь там, наверху, какой-нибудь допотопный, чудом не вымерший бог также наблюдает за нами. Наверно, у него тоже мелькнула божественная мысль — выйти и помочь, — может даже жалость, но посмотрел он на наш холодный и неудобный мир, на душонки наши убогие и расхотелось одеваться, куда-то идти, кому-то помогать. Расхотелось покидать тёплый Эдем, и он лишь равнодушным взглядом проводил слепо бредущее, заплутавшее человечество до тёмного переулка...

А может, и не мелькало ничего, и жалости не было, — наверно, это человеческое, слишком человеческое чувство. Зачем оно богу? Может, там, на небесах, сидит как в театральной ложе, вальяжно развалившись на золотом престоле, бог-эстет, тонкий ценитель прекрасного. И с божественным любопытством наблюдает сквозь изящный менокль, как разыгрывают люди день за днём, век за веком драмы и комедии, большие и маленькие трагедии. Как заядлый театральный критик, чуть склонив голову с небрежно надетым нимбом, рассматривает, как рождаются, сплетаются и рушатся такие обыкновенные человеческие судьбы, как строятся и бесследно исчезают города, страны, народы. Скорее всего, он брезгливо морщится, выпячивая нижнюю губу, когда на сцене льётся слишком много такой обыкновенной крови и разлагаются такие обыкновенные трупы:

— Фи, как неэстетично! Никакого изящества и красоты! Если уж так нужно, то эту, техническую, сторону можно проделать и за кулисами. Мы ведь пришли, чтоб отдохнуть. И созерцать

прекрасное и вечное! Так, мои безгрешные ангелы?

Ангелы, ангельски улыбаясь, кивают Шефу и, шурша казёнными крыльями, успокаивают, что к следующему представлению, видимо уже после Страшного Суда, они позаботятся и об этом. Небесный Отец благосклонно улыбается в ответ, и все вновь обращают безгрешные взоры на грешную человеческую сцену. В антракте, наверно, Всевышний, перекусив в райском буфете, интересуется у проходящего мимо ангела-служки: послушайте, э-э, милейший, а кто, так сказать, автор?

— О, это ваш первый слуга — Светлейший Князь!

— Люцифер? Ах, он, оказывается, ещё и драматург? Похвально, похвально! Ну-ка позовите, да побыстрей!.. Ах, вы уже тут, Князь? Ну, поздравляю вас, поздравляю! У вас, оказывается, такая разносторонняя натура! Не знал, не знал. Пьеска действительно интересная, даже, можно сказать, занимательная и познавательная. А скажите Мне, милый Князь, кто у вас актёры?

Светлейший с лёгким презрением кривит тонкие накрашенные губы:

— Всего лишь смертные, мой Господь.

— Смертные? — Всевышний разочарованно откидывается божественным сияющим телом на спинку. — Фи, а Я думал, это из небожителей.

Светлейший поспешно оправдывается:

— Но они, Небесный Отец, всё равно неплохие актёры. Они почти в буквальном смысле рождаются и умирают на сцене! Они словно созданы для неё! Вы не представляете, как серьёзно они относятся к своей работе. Они так и говорят: наша работа — это наша жизнь. Если бы не знал, что нахожусь в театре, мог бы подумать, что они и впрямь

живут и страдают на сцене. Актёры, что ни говори, они прекрасные. Я стараюсь давать им свободу импровизации, нельзя же ограничивать талант! Хотя изредка приходится и вмешиваться, иногда незаметно и для них самих. Все нити в моих руках, хотя были и непредсказуемые повороты, и какие!

— Вот как? — Всевышний с любопытством смотрит на Светлейшего.

— Да, да, — продолжает драматург, — я расскажу Вам самый интересный случай. Около двух тысяч лет назад по сценарному времени один актёр, имени не помню, но по кличке Назаретянин, он то ли плотника, то ли пастуха играть был должен, возомнил себя ни больше ни меньше как Вашим Сыном!..

— Сыном?! Всевышний оглушительно хохочет, вновь откидываясь на спинку. Вот фантазёр! Вот проказник!

— Я пытался вмешаться, — слегка подсмеиваясь, продолжает Князь, — я трижды призывал его образумиться и не срывать пьесу. Предлагал дополнительный продпаек, должность высокую и прочие блага, но тщетно. Он упрямо твердил, что Ваш Сын и произносил при этом какие-то нелепые, абсурдные проповеди. Пьеса была под угрозой срыва, и мне... драматург на мгновение запинаясь, мне пришлось принять радикальные меры. Нет, нет, — торопливо заверяет Небесного Отца Светлейший, — без жестокостей! Сами актёры, кстати, вначале очень любили его, можно сказать даже боготворили, но они же (конечно, не без помощи вашего покорного слуги) и вздёрнули, оброчно выражаясь, его на крест. Ну, на актёрском жаргоне — значит изгнать из театра. Как видите, обошлись с ним весьма гуманно. К слову сказать, были какие-то интриги, попытки вернуть

его, и кто-то даже распускал слухи, что на третий день после изгнания он возвращался на сцену, но, видимо, это только слухи. Где он сейчас бродит, не знаю, может уже спился. Актёры без театра, знаете ли, быстро спиваются, а он, кстати, любил принять где-нибудь в антракте стаканчик красного с корочкой хлеба и изречь, поглядывая на вино: сие на кровь мою похоже. Я вначале вообще не хотел выпускать его на сцену, и вовсе не поэтому: он, знаете ли, был немного болезненный, меланхоличный юноша, вечно о чём-то размышлял, помечтать любил о чём-нибудь этаким небесном. И, наверно, и впрямь уверовал в свои фантазии, тем более под винцо. А знаете, Небесный Отец, — Князь понижает голос, — актёры, что поддержали и поверили ему, стали питать к Вам странную, непонятную привязанность и даже любовь!

— Вот как? Всевышний вскидывает тонкие брови. — Это очень мило с их стороны. Весьма тронут.

— А вот меня они не очень любят, — слегка обиженно усмехается Князь, — и считают виноватым во всех бедах театра: то им хлеба не хватает, то чуда, то ещё чего-нибудь. Я, видите ли, их зажимаю, не даю простора для творческого роста. Порой и вовсе оскорбляют, называют Отцом Лжи. Но разве я как драматург, как деятель искусства творю на сцене ложь? Ведь это же художественная правда! Они не понимают своими евклидовыми умишками законов жанра, вечного искусства! Они не видят порой даже разницы между спектаклем и жизнью! И слишком серьёзно относятся к «Жизни человеческой», которую ставим. Им не хватает лёгкости и изящества. Когда смотришь на них, возникают порой тяжёлые мысли и чувства, некрасивые и неэстетичные, а для искусства

это недопустимо. Искусство должно ведь возвышать и облагораживать, они...

— А что они ещё обо Мне думают? — Всевышний мягко прерывает увлечшегося драматурга.

— А, ещё они рассчитывают на пенсион от вас по окончании карьеры, надеются, что возьмёте театр под опеку.

— Вот как? Ну это они зря. — Небесный Отец морщится. — Я никому не протежирую. И не работаю в благотворительном бюро. Пусть сами разбираются со своими проблемами. Видимо, этот мечтательный юноша слишком много обо Мне нафантазировал.

Всевышний, утомлённый разговором, лениво машет:

— Подымайте занавес! Шоу должно продолжаться. — И немного удивлённо хмыкает: — Надо же! Объявить себя Моим Сыном! Зачем Мне сыновья? Ведь дети такая обуза...

И, чуть спохватившись, через плечо бросает Князю:

— Напомните ангелам, чтоб после спектакля отёрли сцену. Не хватало ещё, чтобы в Моём театре воняло кровью и мертвечиной. Ведь это так не эстетично...

А впрочем, скорее всего, там, наверху, никого и нет — вымерли, наверно, давно. И боги не вечны под луной. Мне вспомнился совсем недавний, очень странный и непонятный сон...

...Я сидел в большом, многолюдном зале с лекторской трибуной на сцене. Вокруг стоял громкий шум, гам, слышалась гортанная иноязычная речь. Вдруг шум стал стихать.

На трибуну быстро взошёл стройный мужчина — этаким красавец-аристократ в чёрном изящном костюме, с такими же чёрными волосами, за-

чёрсаннами назад, и блестящими, жгучими глазами. Небрежно, даже с некоторым презрением он оглянул притихшую аудиторию и резким, хорошо поставленным голосом, без особого вступления, обратился:

— Уважаемые коллеги! Уважаемые гости! Свою сегодняшнюю речь мне хотелось бы посвятить одной малоизученной нашей биологией, но крайне интересной проблеме, а именно: какое место в живой природе занимают так называемые боги? Возражение, что они, мол, не являются предметом нашей науки, я отмечаю как необоснованное: раз боги живые существа, значит, они могут и должны изучаться биологией. Мы не потерпим никакого ограничения нашему познанию! Сейчас, слава богу, не тёмное средневековье, а просвещённый XXI век. Так вот, повторю вопрос: какое же место занимают в живой природе боги? Вначале, видимо, необходимо определиться с систематикой. К какому же из основных природных царств их отнести — к растениям или животным? В нашей научной литературе преобладает мнение, которое я полностью поддерживаю, что богов, видимо, следует относить к царству животных. Ибо в многовековой исследовательской практике не зафиксировано ни одного случая, ни одного факта, указывающего, что эти существа способны самостоятельно создавать органические вещества посредством фотосинтеза. Они, как и все животные, питаются уже созданной, готовой органикой. Например, древнееврейские исследователи, занимавшиеся данными вопросами, прямо указывают в своих научных работах (смотрите «Ветхий Завет»), что Яхве, это окультуренное божество, выведенное в результате тщательной многовековой селекции, явно предпочитало баранину. Иногда,

как правило, при рождении мальчиков, его подкармливали своеобразными деликатесами — обрезками крайней плоти, обставляя это, правда, как священный ритуал обрезания, хотя исторический материализм учит, что, скорее всего, это делалось при резком сокращении поголовья баранов. А сокращения такие были нередки, так как вызывались антагонистическими противоречиями между классами древнежидовских рабовладельцев и древнееврейских рабов, проявлявшимися в революционном, высокосознательном поедании рабами поголовья мелкорогатой скотины, предназначенной Яхве. Причём зачастую это сопровождалось требованиями скорейшего перехода к исторически более прогрессивному феодализму в форме лозунгов «Всю власть — феодалам!» и «Феодализм — светлое будущее человечества!» И это говорит о высокой сознательности древнееврейских рабов. Но, как говорят французы, вернёмся к нашим баранам, то бишь к богам. Аналогичные сообщения, что боги предпочитают готовую органику и, следовательно, являются животными, имеются и в иных научных трудах (смотрите, например, «Илиаду»). Правда, не у всех богов удалось выяснить способ питания, но тем не менее в целом можно сказать, что боги как живые существа принадлежат к животным. Сложен вопрос с определением типа животных, к которым следует их относить: беспозвоночные или позвоночные, иначе хордовые? Большинство богов, это в основном языческие божества, видимо, относятся к различным классам типа хордовых, начиная с богов-рыб и заканчивая богами-млекопитающими. Кстати, эти божества встречаются и в нашем родном отряде, я имею в виду отряд приматов, к которому мы имеем честь относиться, — например это грече-

ские человекообразные боги-олимпийцы. Исключение, видимо, составляют боги так называемых «мировых религий», так называемые «абсолютные Божества». Ввиду отсутствия у таковых Богов физических тел, а, следовательно, и возможной хорды данный вид следует относить к типу беспозвоночных. Надо сказать, некоторые наши коллеги, видимо претендуя на оригинальность, выдвигают идеи, что абсолютные божества, вообще, принадлежат к вирусам на том основании, что они невидимы обычным глазом, неосязаемы и оживают только попав в душу человека. Думаю, вполне достаточным аргументом против таких, если так можно сказать, «теорий» будет указание на то, что они, попросту говоря, ненаучны и потому их можно отмести с порога, не вдаваясь в частности. А насчёт дальнейшего распределения богов по классам, семействам и отрядам, могу сказать, что это частный и непринципиальный вопрос, на котором я задерживаться не буду. И попытаюсь лишь очертить основные направления, по которым нам следует вести изыскания. Необходимо определить место богов на эволюционной лестнице: палеонтологические раскопки, находки окаменевших останков вымерших богов (например, безрукой Венеры Милосской, очень, кстати, неплохо сохранившейся для своего возраста) позволяют сделать вывод, что данные существа также развиваются и не являются исключениями из закона эволюции. Но происхождение их неясно, хотя оно каким-то образом связано с происхождением человека, о чём свидетельствует тщательный исторический анализ мифологии. Одни учёные полагают, что боги — это наши прямые предки или то самое «недостающее звено» в цепи «животное — человек», однако это не совсем согласуется с принципами дарвинизма,

гласящими, что мы прямые потомки обезьян. Другие полагают, что божества не предки наши, а боковая, параллельно идущая, возможно, тупиковая ветвь эволюции животных, развившаяся до божественного состояния. Но изучение вымерших теопитеков и теоантропов, а именно так принято называть предков нынешних богов, не позволяет на нынешний момент сделать научно обоснованного вывода, а какая же точка зрения верна. Другим важным направлением исследований следует считать комплексное описание морфологических и физиологических характеристик божеств. Крайне интересны и до конца не выяснены божественные механизмы размножения. Тут наблюдается огромное разнообразие способов: бесполое деление, обычный половой (хотя зачастую и с многочисленными извращениями, как, например, у языческих божеств) и даже беспорочное зачатие! — При этих словах зал разразился оглушительным, улюлюкающим хохотом, а лектор продолжал:

— Я, конечно, разделяю ваш смех, уважаемые коллеги, и сам считаю всё это ненаучными домыслами, хотя с точки зрения исторического материализма это всё происки жидовствующих импотентов и сионистов-кастратов. Именно они желают очернить наш отечественный, исторически прогрессивный и научно обоснованный способ размножения — половой, за который на протяжении всей биологической эволюции боролись народные массы, за который в кровь бились наши отцы и деды по животной линии. Но вернёмся к нашей теме. Важнейшим, если не самым важным, в условиях перехода нашей страны из предыдущего состояния в последующее является изучение возможностей практического, народнохозяйственно-

го использования богов. Мы должны дать стране дешёвый хлеб, дешёвые колбасы и сосиски, а также иные общечеловеческие ценности, признаваемые и охраняемые всем цивилизованным сообществом, к которому, я надеюсь, мы скоро будем принадлежать. И именно наши исследования могут помочь в решении этой проблемы. Дело в том, что многие божества поддаются одомашниванию и становятся культурными видами. По описанию древних исследователей для этих целей выстраивались специальные загоны: храмы, святилища, капища и тому подобное. Многие боги весьма прихотливы, требуют особого отношения и специального питания. Ввиду этого прибыльнее будет разводить богов, питающихся преимущественно духовной пищей — верой, надеждой, любовью, — этого добра нам не жалко, в рот его ведь не положишь и бюджет не пополнишь. Думаю, со временем эта отрасль народного хозяйства, если поддерживать её инвестициями и щадящим налоговым режимом, может стать одной из доходнейших статей бюджета. В зависимости от вида и сущности божества от них можно получать весьма ценные продукты и дивиденды: здоровье, удачу, жизнь вечную, тёпленькое местечко в раю. Правда, всё это даётся не сразу, иногда придётся немного подождать — например, до Судного Дня, но ведь мы работаем на перспективу. Хочу также обратить внимание не только нашего, но и всего мирового сообщества на острейшую проблему сохранения богов как биологического вида. Ведь огромное количество божеств и так вымерло в процессе эволюции! Причины, кстати, до сих пор неясны: то ли вспышка сверхновой, то ли падение астероида, то ли резкое изменение климата. И если вы не хотите, чтобы наши дети знали о богах только

из книжек, надо принимать меры. Надо бить тревогу: боги в опасности! Их осталось не так уж много! В позапрошлом веке один лжеучёный из Германии, также занимавшийся данной проблематикой, занимавшийся ненаучно, по-дилетантски, даже констатировал: мол, бог умер. Но он, к счастью для нашего народного хозяйства, ошибался. Им удалось выжить, выжить в годы репрессий и культа личности, находясь в некоторых труднодоступных районах души. Поэтому необходимо объединить усилия всех людей доброй воли для спасения этих живых существ. Будем гуманны! Ведь мы люди просвещённого XXI века! Необходимо принять пакет законов о запрещении варварской атеистической охоты на богов или, по крайней мере, запретить на них охоту в период размножения и вынашивания потомства. Необходимо прекратить вырубку храмов — их естественных ареалов обитания.

Надо создавать заповедники богов. Используя достижения современной генетики и генной инженерии, можно выводить искусственным путём, в пробирках, путём клонирования, более продуктивные породы божеств. Это задачи нашего будущего, а оно, надеюсь, будет таким же светлым, как и прошлое. Это только намётки.

Перед нами непочатый край работы: нам надо, как говорится, провести полные комплексные исследования — описать, заснять, измерить, взвесить.

Никто не смеет препятствовать поступательному движению науки! Ибо цели наши высоки, а помыслы ещё чище! Веками всё прогрессивное человечество мечтало и стремилось к Истине, и мы её найдём, раскопаем, выпотрошим! Так вперёд, к новым знаниям!

Зал бурно заплодировал, услышав заключительные слова, но лектор не закончил:

— А сейчас я хочу подкрепить свои слова делом. Наш научный коллектив уже давно занимается данной проблематикой. Сейчас мы изучаем один очень интересный экземпляр божества, его и хочу продемонстрировать. Эту особь отловили около двух тысяч лет назад в Иудее. С ней мы и проведём один перспективный эксперимент.

Он ослепительно улыбнулся и небрежно, но не без изящества хлопнул в ладоши:

— Внесите!

Четверо служащих в серых балахонах, слегка отдуваясь, вынесли и осторожно поставили около трибуны большую клетку, накрытую белой тканью.

Лектор ещё раз белозубо улыбнулся и, не спеша, подошёл к клетке, а затем изящным, театральным выверенным жестом сорвал ткань...

А там был Он — в свободных светлых одеждах, только на левом плече виднелась заплатка из ткани потемней, и вместо пояса — бечёвка с обожжёнными концами.

Он стоял неподвижно, опустив голову так, что длинные волосы совсем закрыли лицо; пониже темени волосы слиплись — то была спёкшаяся кровь.

Голову и запястья его словно змеи опутали провода, но Он, казалось, ничего не замечал.

Ни публики, ни лектора, что снисходительно оглядывал зал, поигрывая откуда-то взявшейся указкой.

— Вас, наверно, удивляет его неподвижность, а дело в том, — и лектор небрежно махнул указкой, — когда вживляли в мозг датчики, случайно повредили двигательного-речевого центр. Ну, он

и впал в ступор. Но не беспокойтесь, для эксперимента это значения не имеет.

К тому же он слишком много болтал и нёс всякие глупости. Так что были даже рады, когда замолчал.

— А есть ли у него какие-нибудь особенности? — раздался голос с галёрки. — Говорят, многие из них обладают удивительными способностями: молнии метать, землетрясения вызывать, плодородие земель улучшать.

— Так для этого и проводим эксперимент! Точнее, его начало, так как результат, видимо, будет известен только на третий день. Мы исследовали это божество в лабораторных условиях, но никаких особых свойств пока не обнаружили, ну, может, кроме чрезмерно чувствительной нервной системы, но и это значения для нашего эксперимента не имеет. Суть эксперимента в следующем: как описывается в некоторых старых научных работах — я про «Новый Завет», — древнеримские исследователи совместно с их древнееврейскими коллегами произвели интересный опыт, а именно вздёрнули эту особь на некое сооружение, называемое ими «крестом», а на третий день этот экземпляр воскрес!

— Воскрес?! — по затихшему залу пронеслась волна изумления.

— Именно, воскрес! — Довольный эффектом, лектор покрутил головой, глаза блеснули. — Видимо, данная особь умеет каким-то образом регенерировать даже после необратимых процессов. Механизм явления пока неизвестен, но, думаю, в скором времени мы найдём разгадку этому, на первый взгляд, чуду. И тогда перед человечеством откроются блестящие перспективы! Ведь мы получим ключ к бессмертию! И сможем уве-

личить среднюю продолжительность жизни почти до бесконечности! Это будет золотой век человечества, век вечной жизни! Об этом ведь прямо говорится в источниках: «И обретём мы от Него жизнь вечную». Во имя этой высокой и благородной цели, не ради славы, ради жизни на земле, мы и проведём, а точнее, воспроизведём тот эксперимент. Сейчас мои помощники готовят оборудование. Нашим техникам с помощью археологов удалось воссоздать внешний вид и принципы действия того сооружения, что именуется «крестом». Хотя скажу сразу: наш вариант не вполне соответствует тому, что использовался в далёком прошлом. Из гуманных соображений мы слегка модернизировали крест и оснастили его электросиловой установкой. Всё должно закончиться быстро, — и лектор с улыбкой щёлкнул пальцами, — поворот рубильника и... и всё готово. Зачем излишние страдания? Мы ведь не древние варвары, мы — люди просвещённого века, и нам дороги идеалы гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Сверкая зубами, он небрежно вертел указку, и ловкие холёные руки напоминали змей, а затем, начав, видимо, уже слегка нервничать, резко и нетерпеливо, но продолжая улыбаться залу, крикнул за кулисы, в подсобку:

— Эй, скоро вы там? Извольте поторопиться! Публика ждёт.

— Ничего, — в зал высунулся помощник с озорными глазами и весело подмигнул, — две тысячи лет ждала, неужто пять минут не подождёт?

— Ты у меня тут поостри! — строго оборвал лектор, хмуря тонкие брови. — Тут ведь не только публика, вся наука и человечество ждёт. Поторопитесь!

— Да мы только напряжение проверим, и всё будет, — уже из подсобки оправдывался помощник. — Нам и самим хочется, чтоб всё работало.

Потом он негромко, под нос, замурлыкал весёлый мотивчик. А там, в клетке, всё так же опустив голову, стоял Он. И ничего не замечал: как плотоядно ухмыляется публика, потирая ладони в предвкушении зрелища, как нервничает лектор, теребя указку. Не замечал, как, суетясь и пыхтя, выталакивают в зал помощники небольшой, но массивный помост.

И как внезапно, словно ночная хищная птица, упала на его застывшую и как бы съёжившуюся фигурку такая знакомая Ему до боли тень — огромная чёрная тень креста, — угрожающе нависшего сооружения из металла и пластика. Опутанное змеящимися проводами, оно монотонно гудело от тысячевольтного напряжения и поблёскивало полированными гранями...

...Ветер за окном не стихал, раскачивая тополя, провода. Я рассеянно водил пальцем по стеклу. Кто же ты был, Назаретянин? Не во сне, а наяву? Богочеловек? Искуситель? Или Бог-искуситель, Бог-самоубийца? Да, самоубийца.

Я усмехнулся. У меня в студенческие годы был приятель-сокурсник, чудаковатый парень, и он однажды, на семинаре по культурологии, на полном серьёзе доказывал, что Иисус — Бог-самоубийца.

Когда ему возразили, это, мол, нелепость, Бог бессмертен по определению, он парировал, что Тот, в первую очередь, всемогущ и, следовательно, может всё, в том числе и прервать Своё существование.

Тут уж вмешался преподаватель, со смехом спросивший, с чего бы вдурить Богу кончать с Со-

бой? А приятель возьми и брякни: от несчастной любви и одиночества.

Тут уж покатила со смеху вся группа, и я не исключение. А он тогда поднялся, бледный весь, взъерошенный, тихо посмотрел на нас и рукой с горечи махнул. Идиоты, говорит, как вы не понимаете, что Он — Единственный, и Ему нет равного! Что, нас творя, Он от одиночества спастись хотел, а мы на любовь его не ответили. Вот Он и принял не только облик, но и судьбу смертного — крест смерти...

Чудак был человек, чудак. Я покачал головой. Только вот на последнем курсе, дома, в ванной, вены вскрыл себе, и никто не знал почему — откачать не успели. Странный был человек и не всем, наверно, здоровый — на религии помешался, всё книгу об Иисусе хотел написать. И даже отрывок как-то тайком показывал: что-то там про смерть, кравшуюся за Ним по небесам, и Чёрное солнце, выжегшее тень Бога, как проповедовал Он Слово Жизни, хоть и знал, что небеса пусты и спасения нет, про желанность смерти и тому подобную муть.

Бред, скажете, несусветный? Конечно, бред. Я же сразу сказал — чудной человек, нездоровый, хотя этим «приятелем» был я сам. Что, смеётесь? Я тоже — я же шутник по натуре. Да и, вообще, с детства любил таким макаром истории про себя рассказывать.

Иной раз стыдно про себя что-нибудь этакое рассказать, а хочется. Вот и приплетёшь какого-нибудь товарища мифического, с которым вроде бы всё и случилось, — и людей посмешишь, и сам посмеёшься (над собой-то с другими не очень охота хохотать, а вот над «приятелем» незадачливым — отчего же не посмеяться?).

Да и приврал я порядочно: вен не резал, и книги не было, хотя отрывок такой как-то между делом, от делать нечего, действительно, накалал. Я говорю это, чтоб не приняли вы меня случаем за страдальца какого-нибудь подпольного с большими скорбными глазами.

Терпеть не могу страдальцев и идиотов всяких траурных. Чтоб совсем не сомневались, более скажу: на семинаре том про Иисуса-самоубийцу я, конечно, говорил, но только сам же первый и смеялся. И про любовь его несчастную и одиночество тоже, смеха ради, приплёл, чтоб приятелей потешить.

И бледным, и взъерошенным, конечно, не был, и тихим взглядом с горечью ни на кого не смотрел. Приврал я, для красоты сцены приврал, для эффекта трагического.

А с отрывком, признаюсь, вообще, грех: я-то, вообще, его сидя в туалете на тетрадном листке катал, после чего использовал по «назначению». Иные мысли интересные порой ведь не только за книжкой умной приходят: иной раз «на толчке» сидишь, а сам о чем-нибудь этаким философском размышляешь или об искусстве высоком, аж самому потом смешно становится, когда вспомнишь, где сидишь и о чём думаешь.

Думаете, скоморошничая? Да, скоморошничая, но с умыслом! С умыслом! Вас ведь хочу подурить! Иной, кто с претензией на проницательность и психологию глубокомысленную, тот, наверняка, уж сочувственно головой качает: ах, глубокая душа, страдает много, но признаться из целомудрия душевного стыдится, вот и насмешничает над святым и чувствами своими.

Так вот, уважаемые господа-психологи, пальцем в небо вы попали! Не страдаю я, кроме как физи-

чески, и не стыжусь, а собою люблюсь! Умом своим и красноречием, мужеством стоическим и натурою тонкой — попробуйте только сказать, что не таков!

Скажите, позёр и фигляр? Я скажу — да, позёр и фигляр, но ведь и этим смогу гордиться, ей богу, смогу!

Ибо осознаю и красуюсь своей способностью к самоиронии, красуюсь и горжусь красованием своим неприкрытым. Чем угодно могу гордиться, лишь бы было чем, без разницы!

...За окном стало стихать, и снежинки кружились уже вальжней, с лентой, искрясь под косо падающим светом. Фонари изредка перемигивались, словно вели неслышимую беседу. Было тихо. Я зябко поёжился. Тишина стояла немного странная — глухая, плотная, давящая, — от которой становилось не по себе. Или кажется? И начало ломить в висках и познабливать.

В стекло что-то ударило. Я дёрнулся, взглянув за окно. И изумлённо замер: по затихшей улице, со стороны кладбища, что начиналось через квартал, двигалась процессия — змея на белом. Во главе я сразу заметил высокую женскую фигуру в сером, за которой неспешно вышагивали какие-то люди и тоже в сером.

Змея-процессия ползла в сторону дома, ползла медленно и бесшумно, словно не касаясь земли. Тревожно кольнуло сердце. Кто они? Что здесь делают? И, сам не зная зачем, тихо сполз с подоконника.

Я непонимающе смотрел на серые фигуры и чувствовал, как поднимается неясный страх; смотрел, а затем вздрогнул как от удара — они несли гроб! Такой скромный деревянный гроб, обитый дешёвой красной материей, с чёрной

окантовкой. Похороны?! Ночью?! Я мотнул головой. Бред! И почему с кладбища, а не наоборот? Кто они?!

А когда процессия остановилась под окном, и та женщина подняла глаза, в голове закружилось — лицо её было в маске!

Она улыбнулась — губы красные, ярко красные до неестественности, но взгляд оставался пустым и бездвижным, взгляд маски, — улыбнулась и по-манила.

А спутники её, с такими же бледными, почти бескровными лицами-масками, с тонкими поджатыми губами, на которых блуждали странные, будто гримасничающие улыбки, уже опустили гроб и сняли крышку.

Господи! Я пошатнулся и схватился за подоконник — гроб был пуст! Внезапно и резко затошнило, в глазах потемнело, на мгновение я словно потерялся — за мной! И меня согнуло и вырвало. А когда в глазах прояснилось — улица была пуста. Лишь снежинки по-прежнему кружились и искрились на свету...

Что это было? Я вытер губы от желчи, рубашка промокла от пота насквозь. Галлюцинация? Реальность? На дрожащих ногах я сделал два шага и бессильно рухнул в кресло, меня било в лихорадочном ознобе.

И неизвестно, что страшней. Я откинулся назад и смежил веки — так стало немного легче, но липкий, скользкий страх не уходил. Противная, тошнотворная слабость, что охватывала при любой нервной встряске, растеклась по оцепеневшему телу.

И тяжело дышалось — с одышкой. Я был подавлен, в ушах плыл звон, во рту — горечь. Я скрипнул зубами. Черт, но зачем я тогда так сглупил?!

Зачем?! Сдохнуть из-за какой-то докторской шапочки!!! Что может быть глупей?!

...Это случилось в начале сентября, когда пришёл на приём.

Закрывая дверь, я прищемил палец и в сердцах выругался.

После вчерашних новостей и ночных болей только и оставалось материться.

Невыспавшийся, усталый и злой, я был взведён с утра, но Алексей Николаевич, как всегда, — сама невозмутимость.

— Добрый день. Присаживайся.

Щурясь от яркого, раздражавшего света — крышка стола была отполирована до блеска, — я хмуро буркнул «здрассте».

И, не глядя, плюхнулся на стул, всё ещё морщась и потирая палец. Алексей Николаевич кашлянул.

— Не хочу пугать, Саш, — осторожно начал он, — но диагноз серьёзный, — и сделал паузу: — У тебя опухоль...

И посыпал терминами. Но я не слушал — уже знал всё от матери (когда вчера Алексей Николаевич позвонил на домашний, трубку взяла она, — у меня было заседание кафедры).

Я не слушал, а исподлобья, угрюмо и зло разглядывал его, кривясь от vorочавшейся боли.

Блин, зачитывает приговор — хоть бы рожу скусил!

Но холёное лицо его, казалось, лоснилось спокойствием, а глаза — равнодушием.

Не знаю, почему, но всегда, даже когда был жив отец, недолюбливал Алексея Николаевича. Может, потому, что напоминал kota — сытого и откормленного, — а я кошек с детства не люблю, собаки — другое дело.

Уткнувшись в бумажки, Алексей Николаевич что-то бубнил и изредка поднимал взгляд — слушаю ли?

Один раз он слегка поправил шапочку, смятую у верха, но не до конца — смятость осталась. Я хмуро отвернулся.

Что-то раздражало. Или просто свет слишком ярк и режет глаза? Я поёрзал и, бросив быстрый взгляд на Алексея Николаевича, наконец-то понял: злил смятый верх. Я со злобой смотрел на него, на дурацкий белый колпак и чувствовал, как хочется встать, ударить или заорать, чтобы поправил.

Неужто сам не замечает?! Мелькнула глупая мысль — встать и поправить самому. Ну и рожа у него, наверно, тогда будет!

Изнывая от этих глупых, но навязчивых желаний, я беспокоино ёрзал, потирая прищемлённый палец.

А Алексей Николаевич, убрав бумаги, задумчиво поднял руку, словно услышав меня. Я затаил дыхание, но рука неожиданно замерла на полпути.

И, будто забыв, что хотел, он опустил её и рассеянно почесал подбородок. Меня чуть не взорвало. И-д-и-о-т!!! Да поправишь ты когда-нибудь свой долбаный колпак?! Меня затрясло от бешенства, от ненависти к этому откормленному коту в халате, и, захлёстнутый ею, я вначале не расслышал, как он что-то сказал мне.

— Саш, ты слушаешь?

Я вздрогнул и очнулся. Алексей Николаевич повторил:

— Твой основной шанс, скажу честно, — срочная операция. Иначе, если пойдут метастазы, можем опоздать. На операцию же согласен?

Он смотрел вроде бы выжидательно, но было видно — он не сомневается, что ответ может быть только один.

Меня это взбесило окончательно. Котyra самодовольный! И я коротко и зло выплюнул:

— Нет!

Его брови удивлённо вздрогнули.

— Ты, видимо, не совсем правильно понял. Операция не просто основной, она, скорее, единственный шанс и...

— Нет!

Сейчас мне было всё равно! И хотелось только одного: поразить, насолить, вывести из себя, показать, что откровенно презираю и его, и работу его, и в заботах ничьих не нуждаюсь! Я даже приподнялся, чтобы швырнуть всё, что думаю, в эти невозмутимые глаза, но после второго «нет» в них наконец-то мелькнуло недоумение, почти изумление.

Алексей Николаевич, словно не зная, что делать с удивлённо разведёнными руками, медленно снял шапочку и, всё ещё недоумевая, машинально поправил её.

И всё! Всё сразу потухло, ушло, оставив лишь пустоту. Мгновение назад казалось, что готов чуть ли не убить того, а сейчас я усталым, непонимающим взглядом смотрел на аккуратно надетую шапочку с выпрямленным верхом, в его озадаченные, обычные глаза. Что я в них такого увидел?

Словно пристыженный, я опустил голову. Меня охватило тихое отчаяние. Что я наделал! Ведь теперь я умру! Из-за колпака!!! Мне хотелось бесильно закрыть глаза.

Я понял, что сделал не только огромную, но ещё и непоправимую глупость. Да, непоправимую!

Застыв в странном оцепенении, словно замороженный своим отказом и его страшным следствием, замороженный внезапно разверзнувшейся под ногами бездной, я уже знал, что не отступлюсь.

Ни за что — хоть убейте! И я не мог толком объяснить, почему: то ли из гордости за столь безрассудную выходку, а в глубине души я, наверно, всё-таки гордился ею, то ли из чувства стыда, боязни показаться трусом, не способным держать слово. Или это было просто упрямство — непонятное, необъяснимое?

Я в тихом отчаянии понимал идиотизм положения, в которое загнал себя. Я знал, что никто и никогда не осудит, если я всё-таки изменю решение и скажу «да».

Но что-то неуловимое, несхватываемое сознанием удерживало меня, словно огромная глыба льда застыла в голове, и я уже знал, что никогда не сделаю этого. Никогда...

— Но, Саш, — откуда-то издали донёсся голос Алексея Николаевича, — ведь это... — он на мгновение запнулся, — это верная смерть! Если боишься операции, то зря: у нас хорошие хирурги. Подумай о матери, о близких!

Но я, тупо уставившись в точку, стиснув зубы, лишь с отчаянной и слепой решимостью, решимостью идти до конца, устало качал головой:

— Нет, Алексей Николаевич, нет...

Я не слушал, что он пытался втолковать, — это были уже мои проблемы: смерть — личное дело каждого. Я поднялся, как в тумане, и, не попрощавшись, вышел.

А потом были долгие невыносимые вечера, когда окончательно отчаявшаяся мать бросалась передо мной чуть ли не на колени и, цепляясь дрожащими руками, хватая за пояс, горячо и слёзно

молила: Сашенька, сыночек, соглашайся! Поздно ведь будет! Сыночек мой, согласись...

Но я уже летел, я уже падал в ту разверзнувшуюся пропасть без дна и света, манящую и пугающую.

И всё в том же оцепенении, словно замороженный своим «нет», замороженный грядущим, всё так же уставившись в какую-то несуществующую точку и стиснув зубы, бессильно качал головой: нет, мама, не проси...

Я до сих пор так и не понял, так до конца и не разобрался — почему же отказался от шанса на жизнь? Жажда самоутверждения? Мальчишеская, ненасытная, утверждения любой ценой, даже ценой собственной жизни? Может быть. Во мне всегда был силён этот подростковый комплекс — идти наперекор, грести против течения, плюнуть в лицо всем «взрослым дяденькам», доказать неизвестно кому неизвестно что.

Я знаю, что жестоко поступил с матерью, — ведь и года не прошло со смерти отца, — но ведь это моя жизнь! Понимаете, моя! И что, если просто не хочу жить?

Дело-то было не в шляпе, не в докторском колпаке, а во мне. Зачем мне ваша жизнь? Любить, творить, растить детей? А дальше? А дальше одно: смерть и ничто. Ничто! И вся ваша болтовня о «самоценности» того или другого, о «значимости для будущего» лишь жалкая уловка сохранить иллюзию смысла.

Кто вспомнит о вас, когда вас не станет? Кто вспомнит, что вы были, любили и творили, радовались и страдали, — вас словно и не было никогда! Понимаете? Вас не просто нет, вас не просто не будет больше, а вас, получается, никогда и не было!

Не было такого человека, такой жизни — ничего! Не легче ли сразу тогда уйти Туда? Меня ведь ничто не держало — ни семья, ни любовь, ни работа.

Да, я не хочу жить, я хочу смерти и даже догадываюсь почему: я всегда, всю жизнь, с самого детства, мучительно её боялся — её, смерти. Абсурд?

Но иногда страх смерти становится таким сильным, что единственным убежищем от него становится она сама, — лучше смерть, чем страх перед ней.

Но, может, лучше — жизнь. Только где она, эта жизнь? Где?

* * *

— Но ты тоже странник. — Странник слабо усмехнулся, но глаза его были по-прежнему бесстрастны и отрешённые, — хоть и смертный. Я даже знаю, что ищешь. Меня всё-таки недаром звали Искушителем...

— И что же?

Он чуть качнулся.

— Ты ищешь Город.

Я вздрогнул — этого знать не мог никто! Странник поднял взгляд:

— Ты ищешь Город, который на свете один...

...Это случилось лет десять назад, когда был ещё почти мальчишкой. Я стоял у распахнутого окна — в ту июньскую ночь почему-то не спалось. И любовался полнолунием, — жара спала, и уходить не хотелось.

Прохлада наполняла тело свежестью и лёгкостью, и меня всё сильнее охватывало смутное, неясное предчувствие чего-то огромного, захватывающего, невыразимо прекрасного, что должно сбыться в жизни.

Предчувствие, от которого наворачивались слезы непонятого счастья.

И оно не обмануло: в ту ночь я увидел — или это был сон? — как у горизонта, словно стгутившись из воздуха, возник удивительный и странный город-призрак.

Казалось, он выстроен из хрусталя, так сверкал и переливался в лунном свете.

Я видел, как искрились ажурные башни и паутиной мерцали стены и крыши; кожей, почти осязаемо, ощущал тишину, струившуюся от улиц и площадей, широких и безлюдных. И я слышал в этой тишине звон, будто где-то далеко-далеко звонили в колокола, словно звали куда-то — тихо и призывно.

И я не знаю, что произошло в моей душе, замороженной тем звоном, — в каком-то полусне я вылез в окно и в ту ночь навсегда ушёл из родительского дома.

Ушёл, ибо понял, что готов отдать всё, что есть, было и будет, лишь бы найти Город, пройтись по пустынным улицам и площадям, вдохнуть его прохладного, пьянящего воздуха.

И, самое главное, вновь услышать ту тишину, особенную, неповторимую, тот призывный колдовской звон...

— Ты был там? — Я охрип от волнения. — Это же был не сон!

— Да, ты видел не сон, — Странник неотрывно смотрел на бледневшие угли, голос его стал тих.

— Ты ищешь Город, который на свете один, и другого такого нет: Город Тишины. А ты любишь её слушать, я видел это, потому что знаешь, что вначале было не Слово, а Тишина, из которой всякое слово и рождается, сказанное и несказанное...

— Где его искать? — Я даже привстал, но лицо Странника оставалось отрешённым и бесстрастным. — Как найти?

— Успокойся. — Он чуть усмехнулся. — Нельзя найти, что не имеет места. Найти нельзя, но искать надо, и только тогда он, может, найдёт тебя сам.

— Но ты был там?

— Да, — его застывший взгляд блуждал в пустоте, — один раз, а больше и нельзя, потому что это — судьба, а её не выбирают дважды, она просто даётся. И если готов искать и ждать всю жизнь, и готов не найти и не дожидаться, то найдёшь дорогу в Город. И услышишь, как шепнёт тебе Тишина, что должно стать твоей судьбой.

— Тебе Она тоже что-то шепнула?

— Да, но этого нельзя говорить никому, твоя судьба — твоя тайна. Не позволяй прикасаться к ней — и на чистых руках бывают пятна. Это первая заповедь Братства Тишины.

— Братства?

— Да, нас, побывавших в Городе, не так уж много, но мы есть. Во все времена рождались люди, любившие зреть незримое и прислушиваться к неслышимому. У нас нет знаков и символов, нет общей веры, кроме веры в судьбу, — каждый верит и поклоняется чему хочет. Мы — вольное братство, и у нас только две заповеди. Первую ты слышал, про тайну, — у каждого свой путь, и не просись с другим в дорогу. А вторая: будь верен судьбе, верен сказанному Тишиной, потому что Её устами говорит то, чему нет имени...

...Мы проговорили почти до утра, а точнее, говорил лишь он, оцепенело уставившись в костёр, а я только слушал — ведь я видел в ту ночь не сон.

И только когда на востоке заалело, Странник вздохнул и посмотрел на меня.

— Мне пора. Надо идти.

И отряхнул посох. Я глядел в догоравшие угли.

— А ты так и не сказал, что же ищешь ты? После Города.

— Я и сам не знаю. — И Странник пожал плечами. — Если бы знал, то давно бы нашёл: у меня в запасе — века. Это вы, смертные, всегда ищете чего-то определённого: счастья, смысла, истину...

— Но у нас нет веков. Мы не можем искать неизвестно что.

— Да, жизнь ваша коротка, а мой путь — Время. — Он покачал головой. — Вы не знаете, что значит быть обречённым идти и не доходить, искать и не находить, жаждать и не насыщаться.

— Это ... — я чуть запнулся, — это и есть твоё проклятье?

Странник вновь покачал головой.

— Нет, это не проклятье. — Он пристально взглянул на меня, и тихая отстранённая улыбка скользнула по его губам. — Это просто судьба, а её можно только любить. Я верю в неё, и поэтому мне дозволено всё.

На востоке пробуждалось утро, и небо прокрасилось рассветом, — нарождался новый день, похожий на другие и вместе с тем неведомый и неповторимый.

Странник, стряхнув оцепенение, поднялся с прохладного песка.

Прежде отрешённые, словно замороженные глаза оживились и смотрели открыто и с интересом — впереди ждали новые дороги. Встал и я, и он по-дружески хлопнул по плечу.

— Прощай, брат-странник из Братства Дороги, а есть и такое. Вряд ли ещё свидимся, я не про-

хожу дважды по той же тропе. Желая найти, что ищешь. Одним из наших было сказано: ищите и найдёте, просите и вам дастся, стучите и вам отворят. Прощай!

Странник ободряюще улыбнулся и, перехватив посох, неспешно зашагал на запад, по берегу озера, вдоль кромки.

Я долго смотрел вслед, на уменьшавшуюся фигурку, на развевающийся плащ, хлопающий на ветру. И почему-то стало немного грустно, как становится грустно при виде чего-то, что уходит безвозвратно и никогда не повторится.

Грустно и потому, что не увижу всего, что увидит он, — ведь мой путь не Время, не Вечность, а жизнь.

Стало грустно и вместе с тем легко: я не увижу, как закатится в последний раз за горизонт больное, умирающее солнце, — закатится, чтоб не взойти вновь.

Не увижу вначале удивлённых и недоумевающих, а затем и испуганных лиц, с безнадежным отчаянием ждущих рассвета. И как поймут, что его больше не будет.

Я не увижу, как обречённо будут бродить по опустевшим улицам заброшенных городов жалкие бледные тени, что именовались некогда людьми.

И не услышу того отчаянного, раздирающего душу вопля последнего человека, понявшего, что он — последний, понявшего, что после него уже никого не будет — никогда. И лишь тоскливо поющий ветер подхватит этот крик, неся его всё дальше и дальше, разнося по безлюдным просторам Земли.

И уже не будет и этого человека, а крик будет всё так же звучать под вечно звёздным небом,

и будет звенеть ещё тысячи и тысячи лет, отдаваясь гулким эхом в пустом и мёртвом мире, напоминая о безвозвратно ушедшем, напоминая, что всё пройдёт и канет в Лету.

Но я не услышу этого, — лишь только звезды, сверкающие в ледяном мраке, безнадежно далёкие, может быть, равнодушно мигнут при этом звуке.

Лишь только звезды, ибо это будет их мир — освещаемый космическим светом, немеркнущим, холодным, мир застывшей бесконечной ночи, в котором рассвета не будет никогда. Это будет мир тишины, вечного безмолвия, где курганами рассыплются города, и песком осыпятся курганы, и все дороги поведут в никуда...

Я не увижу всего, это не мои дороги, а его, чей путь — Время, Дорога Вечности, дорога без начала и конца.

Я смотрел вслед Ангелу-Страннику, тающему в тёмно-синей дали, уходившему, куда уходила ночь, и покачал головой. Прощай, у каждого своя судьба, ты сам это сказал...

А затем вздохнул и неизвестно чему улыбнулся: — Значит, это была не грёза, не сон...

* * *

...Петька-холодильщик в ту ночь всё-таки замёрз, — я думал, мне только показалось будто он упал на углу, но его там и нашли. Об этом я, правда, узнал только в день похорон.

В то утро, накачавшись обезболивающим, я вышел на улицу. Кто знает, много ли осталось ходить самому?

Я решил, пока смогу — надо выходить. А вынести и так вынесут — вперёд ногами, — и меня не спросят.

Да и не мог я уже смотреть на одни и те же стены, не мог видеть глаза матери, даже не заплаканных или укоряющих, а застывших от безысходности в страшном молчании.

Злой и усталый, а полностью снять боли не удалось, я ковылял по улице, а вокруг текла обычная городская жизнь: спешили прохожие, детвора кидалась снежками, дворники посыпали тротуары песком, возле урн ссорились за крошки-семечки голуби с воробьями. Впереди, пошатываясь, шёл пьяный.

— Э-эх! — раздался голос, осуждающий и сожалеющий одновременно. — Напьются, а потом всё ходит тут, бродит.

Я оглянулся: на скамейке, у входа во двор, сидела пожилая полная женщина, укутанная в пуховую шаль. Сурово поджав губы, она неодобрительно покачала головой.

— И когда только успевают?

И, заметив, что я остановился, обратилась ко мне:

— Вот побродит так, побродит и свалится где-нибудь. Один недавно так добродился.

У меня неприятно кольнуло в сердце.

— Кто? — Я почему-то слегка побледнел. — Кто добродился?

— Да был тут один. — Она пренебрежительно махнула. — Может, сами знали, холодильщиком подрабатывал. Его так и кликали: Петька-холодильщик.

Я вздрогнул.

— К-к-как?

И скривился от прострела. Женщина повторила, и в голове всё закружилось, я скрипнул зубами, — перед глазами пронеслись: ночь, фонари, пьяный. А та продолжала болтать без умолку.

— Когда? — Я резко перебил, голос охрип. — Когда это было?

Может, не в ту ночь?

— Ну, вчера утром и нашли, — обиженная невежливостью, женщина чуть насупилась, но желание посудачить о столь интересном, по её мнению, событии было сильнее. — Нашли, а он уж холодный. Сегодня вот хоронить должны. Пить ведь, ироды, прости Господи, не умеют. Хоть и грешно так о покойном, но Петька этот и дня не просыхал. Он как-то и к нам захаживал, всё на рюмку напрашивался, пока не прогнала его. И своему тогда же заказала, чтоб не связывался...

Она болтала уже то ли о муже, то ли сыне, но мне стало не до неё — всё сходилось. Я развернулся и побрёл прочь.

Настроение было испорчено вконец. Я плёлся и вспоминал — Петьку, мороз, мысли свои, — вспоминал, и получалось, что виноват я косвенно. Ведь видел, как пьян тот, видел, погода какая, и, самое главное, хладнокровно предположил, что не дойдёт он до дома, и... не пошевелил даже пальцем!

Виноват получался, пусть и косвенно, но прямых виновников здесь и нет.

Мысль о вине, возникнув, уходить не хотела. Я знал, что это глупо, — как я мог быть виноват в его смерти? Что, я один, что ли, видел его в тот вечер? Но никто ведь не вышел! И даже если один, что ж мне теперь с каждым пьяным носиться?! Глупо ведь!

Но навязчивая мысль засела в сердце занозой, и на душе стало совсем гадко. Да, гадко. Мне не было стыдно, я не чувствовал раскаяния или жалости к холодильщику. Какое мне дело до его судьбы? Но было неприятно, муторно от одной

только мысли, что могу быть виноват в смерти человека.

Доковыляв до перекрёстка, я вдруг понял, что, сам не зная зачем, иду за тем пьяным. Я остановился и посмотрел вслед, чуть морщась от постепенно утихавшей боли — утренняя «ударная» начала-таки действовать. Смотрел, как, пошатываясь, смешно перебирает он ногами, и меня стал разбирать смех.

Виноват в смерти человека?! Какого?! Вроде того, что впереди? Человека ли? Да бог с вами, не смешите!

Что, в конце концов, изменилось бы, даже если дошёл бы до дома? Может, только, что собутельники его снова пили бы с ним, а не с каким-нибудь другим холодильщиком (что они, скорее всего, и делают сейчас — «по уважительному поводу», конечно: «поминание кореша Петьки»). Изменилось бы, наверно, ещё и то, что сегодня жена его в очередной раз плакала бы от убогой скотской жизни муженька своего, а не на его похоронах.

Маловато изменений, не правда ли? И будь он хоть семи пядей во лбу, хоть гением непризнанным, в конце концов, что с того? Все сдохнем! И какая разница, когда?

...Я стоял на том самом углу. Я не знал, где именно упал Петька, но, оглядевшись, понял. В шагах семи, на большом сером сугробе одиноко лежал букетик — четыре оборванные, словно пожёванные гвоздики, перетянутые траурной ленточкой.

Слегка заробев, я подошёл к сугробу и остановился. Вот так-то.

Я видел жалкие цветы, и рядом — окурки, спички, мятую пивную банку, видел следы, пересе-

кавшие сугроб, и торопящихся прохожих, и стало почему-то обидно и горько. Вот где-нибудь и я так упаду, и будут потом по тому месту, где я, может, в последний раз увидел это небо, этот странный и непонятный мир, топтаться и смачно харкать всё те же прохожие.

Я брезгливо повёл плечами и с неожиданной злостью посмотрел на них, словно они уже натоптали и наплевали.

Прохожий — слово-то какое! Так и веет чем-то равнодушным, вечно спешащим, проходящим мимо, не обращающим внимания. И я лишь зло сплюнул, а когда поднял голову, почувствовал, как качнулась под ногами земля, — казалось, ожило вдруг то страшное ночное наваждение (наваждение ли?).

По улице медленно двигалась небольшая похоронная процессия — змея на белом. И несла такой скромный деревянный гроб, обитый дешёвой красной материей, с чёрной окантовкой.

Я в смятении сделал шаг назад, но через мгновение с внезапным нервным облегчением рассмеялся. Фу ты, черт!

Вокруг них, помахивая хвостом, рыскал лохматый рыжий пёс — это были обычные похороны, и направлялись к кладбищу (благо недалеко, и на катафалках многие сэкономили). Я выдохнул и вытер лоб. Петьку, наверно, и несут. За мной очередь попозже. Я тихо хохотнул — в очередь, сукины дети, в очередь!

...Процессия приближалась. Я видел спокойные, безразличные лица мужиков, что несли гроб, и невысокую сутулую женщину в чёрном, семенившую позади.

Она вела девочку лет пяти. Видел уныло идущих за ними, бросавших рассеянные взгляды

по сторонам. Не знаю, но от одного вида их вновь стало муторно и тошно. И поднялась злость, раздражение. Чего они все в глаза мне колют этой смертью?! И я сам потом не понял, как всё произошло: когда процессия проходила рядом, девочка потянула за рукав женщину в чёрном.

— Ма-а-ам, — протянула она, — а куда папу несут? На кладбище, да?

И вопросительно заглянула в лицо.

— Да, доченька, — торопливо пробормотала та и смахнула слезу.

— Ма-а-ам, — не унималась девочка, вновь теребя рукав, — а чего ты плачешь? Сама же говорила: чтоб ты сдох!

— Говорила, доченька, говорила. — Женщина виновато вздохнула и горестно покачала головой. — Хоть и ругалась с ним, а всё ж неплохой был. Человек всё-таки, не вошь.

Не вошь?! Меня затрясло. А кто? Бабочка райская? И когда вдова ещё раз смахнула слезу, меня сорвало — я резко шагнул к ней.

— Что ж ты плачешь, дура?!

Она испуганно вздрогнула, но меня уже «несло».

— Что ж ты плачешь? Радоваться надо! Что сдохла ещё одна вошь, что чище стало на белом свете!

Шедшие остолбенели.

— Ты ведь Петьки-холодильщика жена?

Женщина растерянно дёрнула головой. Я осклабился.

— А знаешь, кто виноват в смерти муженька твоего? Знаешь? — широко и злобно улыбаясь, я смотрел ей в глаза. — Я! Да, я! Я ведь видел его в ту ночь, как упал он, как замерзал под окном, но не захотел и не вышел! Не вышел потому, что

не захотел! Понимаешь, не захотел и всё! И плевать, что от этого и очокурился!

Насмешливо и нагло скалясь, хотя внутри трясло, я окинул лихорадочно блестящим взглядом испуганные, застывшие лица и желчно сплюнул.

— Ну, а вы-то, родственнички, вы-то, что постные физиономии корчите? Неужто и впрямь скорбите? Неужто покойного так жаль? Бог с вами! Ведь плевать вам на него, а? Или в любовь к ближнему сегодня играем? — Я хрипло рассмеялся. — Только не любовь у вас получается, а изнасилование! Покажите мне, кто ближнего любить умеет? Ведь не вспомните больше о Петьке вашем, когда разойдётесь! Про ужин сытный не забудете, а про него за столом и не вспомните. Только для повода к стопке. Покойники они же к аппетиту!

Я коротко хохотнул, а затем резко смолк и чуть ли не заорал:

— Чего уставились?! Я что-то не то говорю? Ведь и вы, «соблезнующие и скорбящие», тоже бы не вышли из квартирок своих тёпленьких, чтоб чужому помочь! Или это не принято говорить? Наверно, нужно глазки закатывать, когда помирает кто. И вздыхать: ах, все мы бренны. Да, бренны! Только закатывать глазки и вздыхать я не буду! Слышите? И по жизни я пойду легко и играючи, и счастлив буду назло всем, слышите, я обещаю! И на похоронах моих будет весело, я сам буду петь и плясать перед катафалком, приходите, не пожалеете!

Я хрипло закашлялся, пытаюсь рассмеяться, и, тяжело дыша, замолк, исподлобья обводя всех мутным взглядом. Угрожающе качнувшись, ко мне шагнул крепкий, коротко стриженный парень в потёртой дублёнке.

— Ну, ты, — лениво, с трудом выжёвывая слова, процедил он, — знаешь, братишка...

— Серёж, не надо! — Женщина схватила того за руку и умоляюще заглянула в глаза. — Оставь! Он больной или пьяный. Не надо, Пете этим не поможешь...

Немного постояв, словно раздумывая, парень разочарованно вздохнул, а затем, смерив меня презрительным взглядом, пренебрежительно сплюнул.

— Ладно, живи! — И лениво, с неохотой развернулся. — Дядь Пете этим, конечно, не поможешь, а то бы я ему...

И он крепко матюгнулся. Люди очнулись. Неловко потоптавшись, украдкой бросая на меня то ли осуждающие, то ли недоумевающие взгляды, они двинулись дальше. Но я на них уже не смотрел.

Меня трясло, меня била мелкая нервная дрожь, — я не знал, что творится со мной, но в этот миг страшно захотелось умереть. Умереть тут же, чтоб больше никого не видеть, не слышать, до того стало тошно.

Стало тошно до слез, но меня вновь, как несколько дней назад, охватил странный смех — надрывный, кашляющий, сухой.

Он рвался помимо воли — судорожными, нервными глотками-всхлипами, и ничего поделать с собой я не мог.

Пошатываясь от рвущегося наружу смеха, я, еле передвигая ноги, доплёлся до столба и измученно привалился к нему спиной. Во рту пересохло, проступил холодный пот. Мутило.

— Молодой человек, вам плохо?

И меня легонько тряхнули. Я дёрнулся и поднял голову.

Смех оборвался. Передо мной стояла худенькая русоволосая девушка в берете и, слегка наклонив голову, робко глядела тихими серьёзными глазами.

— Вам плохо, да?

Я скривился.

— Нет, мне очень хорошо. Но это мои проблемы.

— Может, вам... — начала было девушка, но я перебил:

— Чего вы все ко мне лезете? — Меня вновь затрясло. — Что у вас за манера такая — в душу лезть?! Не надо меня трогать, слышите, не надо!

Я зло смотрел на неё, и она, смутившись, сделала шаг назад.

— Извините, — пролепетала она, — я думала, вам плохо.

В глазах её мелькнула обида.

— Извините. — Она развернулась и тихо пошла прочь.

Я опустил голову. Ну она-то здесь причём? Стало стыдно.

— Пойдите, — хрипло окликнул я, — не уходите.

Девушка удивлённо обернулась.

— Извините. — И шагнул к ней. — Я... я некрасиво повёл себя.

Её глаза смягчились и просветлели.

— Ничего, я не обиделась.

Я потёр лоб.

— Просто... я сорвался... — Я помолчал и отвернулся. — Надоело уже всё. До смерти.

— Почему? — Она внимательно и серьёзно глядела на меня. — Что-то случилось?

Я только махнул рукой. Не знаю, что у меня было на лице, но тут она сделала, чего я вооб-

ще не ожидал: она с непонятной грустью улыбнулась и ласково провела ладошкой по моей щеке. Я вздрогнул.

Это была странная девушка — руки у неё оставались тёплыми даже на холоде.

— Ничего, — она покачала головой, — я же всё видела.

Я уставился на неё — о чём она?

— Ну-у, — она замялась, — я про похороны.

И торопливо завершила:

— Это просто нервы, да-да. Это бывает.

— Наверно... — Я вздохнул. — Но всё равно спасибо. Это я серьёзно. Другая и не подошла бы.

— Да не за что.

Она застенчиво поправила волосы, выбившиеся из-под берета, и смущённо улыбнулась. Улыбнулся и я.

— Как хоть вас зовут-то?

Но она ответила не сразу.

— Знаете, что... — Девушка закусила губу и быстро взглянула на меня: — Вам в какую сторону?

Я ухмыльнулся и пожал плечами.

— Без разницы. Я не тороплюсь.

— Тогда, может... — она чуть запнулась, — может, проводите до работы? — Тут она покраснела и, словно оправдываясь, пролепетала. — Если, конечно, не против. Сами же сказали, всё равно. Это недалеко.

...Девушку звали Настя. Я проводил её до городской библиотеки, где она и работала. Не знаю, «доза» ли так действовала, но все боли, пока шёл с Настей, исчезли полностью, и я чувствовал себя на удивление бодро.

У входа, когда прощались, она оставила номер телефона и адрес.

— Заходи в гости. — Мы уже перешли на «ты». — Звякни только сначала. Можешь даже сегодня. Только после шести, а то я работаю.

— Зайду. — Я кивнул. — Может, даже сегодня.

Она с прежней застенчивостью поправила волосы и улыбнулась — открыто и доверчиво, как улыбаются дети, а глаза вновь смягчились и просветлели, став ясными-ясными.

— Тогда до встречи!

...Скользя отрешённым взглядом, но ничего не замечая, я возвращался домой.

Я шёл по присыпанному песком тротуару, а перед глазами — только одна картина: поправляя берет, стоит и робко улыбается Настя, а глаза ласково светятся.

Я вспоминал улыбку, глаза, её опрятную фигурку и ладонь, коснувшуюся щеки, и чувствовал, как охватывает меня тихая радость.

И я рассмеялся, я сорвал шапку и запрокинул голову, — снова шёл снег, и снежинки таяли на лице, но я только улыбался — сам не зная, чему. Да и какая разница, чему, ведь жизнь — это радость.

Это только радость, тихая радость, кроме которой ничего и нет, — как я не понимал этого раньше? Это же так просто... Я смотрел на низкое, затянутое облаками небо, на падающий хлопьями снег и ощущал, как распаивается душа этому зимнему небу, этому снегу, всё падающему и падающему без остановки, смотрел и не мог ничего вымолвить.

С глаз словно пала пелена, и я лишь удивлённо, будто в первый раз смотрел на этот огромный мир, распахнувшийся в своей неведомой радости и красоте, радости, пришедшей неведомо как, неведомо откуда.

Я не знал, как родилось это чувство, как и почему возникло, просто в какой-то момент (в какой?) я понял, что это так и есть, что иначе и быть не может. Не спрашивайте меня об этом — я просто знаю... Я брёл по улице, откинув капюшон, без шапки, а вокруг хлопьями падал снег, падал на волосы, за шею, но я только улыбался, тихо и счастливо, неизвестно чему и кому.

Я смотрел на незнакомые, но казавшиеся почему-то такими родными и близкими лица прохожих, кидающих быстрые удивлённые взгляды, — лица хмурые и неприветливые, — и мне хотелось кричать: Люди, улыбайтесь — ведь вы живёте! Улыбайтесь этой радости! Ведь она не далеко, не в небесах каких-нибудь, она всегда «вот», всегда рядом, вокруг и внутри, — не гоните её от себя!

Это же так просто — быть счастливым! Для этого надо только быть, только жить и дышать. И любить. Да, любить — это сумрачное небо, эту промёрзшую землю, и даже нас, людей, порой таких грязных и убогих. Но главное, любить эту жизнь — всякую, временами безысходную и нестерпимую, любить, даже если не за что, вопреки и назло всему. Даже если осталось совсем немного, — всё равно она радость.

Я знал это, и не задавал глупых вопросов «зачем» и «почему», боясь обидеть пришедшее недоверием, — ведь у него, счастья, такая ранимая душа, а это меня коснулось оно, я знал это. Я, может, впервые в жизни не пытался себя понять, «проанализировать», «познать», — ведь для счастья этого не надо и не надо ничего вообще. Оно — не награда. За что меня награждать? Оно — не паек по норме, потому что его берут целиком и полностью. Счастье — это просто так,

и приходит тоже за так, ничего не требуя и не отдавая взамен, кроме себя самого. Его нельзя зарабатывать, заслужить, получить по справедливости — какое дело счастью до справедливости?

И я знал: мне не придётся платить за него, потому что платить мне нечем, потому что счастье, наверно, единственная вещь, которая не стоит абсолютно ничего, ни ломаного гроша, но которой стоит всё остальное. Что толку тебе, человек, если приобретёшь ты все царства земные, а счастье своё утратишь?

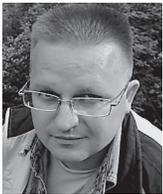
И я был благодарен тому, что пришло так неожиданно-негаданно, просто так и за так, ибо что брать с нас, людей, «нищих духом»? Я не заработал счастья, я его не заслужил, — оно пришло само, с этим пасмурным днём, этим снегом, с русоволосой девушкой, так хорошо, совсем по-детски улыбающейся. Ведь оно, счастье, дышит там, где ему дышится, и ходит там, где хочется...

Я не знал, что творилось со мной, — я брёл по городу словно пьяный, и моё небо брело надо мной. Я смотрел на засыпаемые белым дороги, дворы, тополя, и на глазах наворачивались слёзы — ведь всё равно есть только радость! Я плакал и улыбался сквозь слёзы и стиснув зубы, — всё равно она будет всегда, слышите! Даже если нас уже не будет никогда... Я запрокинул голову, подставляя лицо снегу и ветру, и слезы непонятного счастья катились по щекам.

Я знал, что скоро умру, но знал и то, что есть такие мгновения, ради которых стоит жить, — мгновения, когда знаешь, зачем пришёл в этот мир. И я знал в этот миг: я пришёл, чтобы жить, чтобы увидеть мир — и умереть. Ведь она, жизнь, — радость, даже если завтра — с м е р т ь ... **У**

(Продолжение следует)

До Никанора путь не близкий (антиутопия)

Евгений Мидаков

Родился 12 августа 1975 года в городе Мышкине Ярославской области. Учился на учителя начальных классов, но ушёл с последнего курса в редакцию местной газеты «Волжские зори», где несколько лет трудился фотографом и корреспондентом. Ушёл из газеты, открыв фотоателье, где до сих пор и работает.

От автора:

все персонажи являются вымышленными, любые совпадения следует считать случайными.

Писатель отложил в сторону свою новую книгу и обратился в зал:

— Теперь можно перейти к вопросам.

С первого ряда поднялась рука:

— Скажите, а Никонор — это город?

— Наверное, город...

— А может, человек? — спросил кто-то с усмешкой.

— Может, и человек, — смиренно ответил Писатель.

— А может, его и нет вовсе? — крикнули с задних рядов.

Тут писатель поднялся и взволнованно прошёл по сцене сначала в одну сторону, затем в другую. Остановился, будто налетев на невидимую стену.

— Я всегда жду этого вопроса... И всегда оказываюсь к нему не готов. Но знаете, что я вам скажу... Я был там. Я видел. И я этого никогда не забуду...

На выходе из Дома культуры к Писателю подошли двое. Они были аккуратно одеты, гладко выбриты и пахли дорогим одеколоном.

— Мы из службы Доставки, — представился тот, что был постарше. — Это вы Писатель?

— Я.

«Ну, вот и всё», — мелькнула мысль.

Молодой достал из-за отворота пальто знаковую книгу.

— Ваша?

— Не буду отрицать.

— В таком случае... — Молодой взял Писателя под локоток. — Если вы не возражаете, пройдемте с нами. Машина ждёт.

Писатель не стал возражать. Он знал, чем это может обернуться. Полгода назад его хороший знакомый попробовал возразить. За что его задержали, никто так и не узнал, включая самого знакомого. Да это было и не важно: что он мог сделать — простой работяга? Теперь у него группа инвалидности. Хорошо, что остался жив.

Они спустились по широкой лестнице и прошли на небольшую стоянку. Там их поджидал белый «воронка», переделанный из «Гелендвагена» — Повелитель ничего не жалел для своего народа, а может, это была гуманитарная помощь от европейских союзников. На боках всех этих «воронков» неумелой детской рукой были нарисованы цветы и бабочки. А ещё облака. Больше всего Писателю нравились именно облака. Может быть потому, что не были привязаны ни к земле, ни к цветам. Они были свободны. И этой их свободе Писатель всегда завидовал. Больше всего на свете...

Когда они свернули на проспект генерала Власова, молодой конвоир кивнул на виднеющийся вдали памятник власовцам-освободителям:

— Скажите, Писатель, вот вы образованный человек, умеете читать и писать... А вы знаете, почему убрали памятник Космонавту?

— Не Космонавту, а Покорителям космоса, — равнодушно поправил Писатель.

— Да какая разница!

— Теперь уже, наверное, никакой.

— Так знаете или нет?

— Вы мне скажите, — устало ответил Писатель.

— Да потому и убрали, что не были мы в космосе первыми! Первыми были американцы, а кро-

вавый сталинский режим всех обманул, послав в кругосветку новейший стратосферный бомбардировщик, чтобы все думали будто это спутник им сигналы посылает. Ага! Ну, вы же должны знать эту историю? Они тогда ещё хотели бомбу сбросить на Вашингтон, только... в бомбовозе люк заклинило!

Конвоир, довольный, рассмеялся. А Писатель отвернулся к окну и закрыл глаза. Иногда ему казалось, что мир, каким он стал, возник из какого-то недоразумения, будто чья-то нетвёрдая рука, выбирая наше будущее, ткнула пальцем в первую попавшуюся фантазию, а её фантазёром оказался то ли Александр Исаевич, то ли Григорий Шалвович — автор современного учебника истории...

В отделе нравов было тесно. Задержанные люди — мужчины, женщины и даже дети — смиренно сидели на стульях вдоль коридора, раскрашенного так же, как и «воронка», весёлыми детскими рисунками. Рядом стояли вещмешки и всевозможные коробки и коробочки самых разных форм и размеров. Если постараться забыть, где ты и почему, то можно подумать, будто эти люди — туристы в очереди за билетами в дальние страны. Во всём этом Писателя смущала только одна деталь — алая дверь в конце коридора.

Как будто одного цвета было недостаточно, чтобы внушить страх, так на ней ещё висела табличка на латыни «Exsecutor». Впрочем, кроме Писателя здесь вряд ли кто мог её прочесть. Именно за этой дверью исчез старший из его конвоя. Ненадолго. Вот дверь приоткрылась и в коридоре сразу стало тихо. Даже девочка лет семи, что сидела рядом с Писателем, одетая в какой-то мешковатый комбинезон, перестала всхлипывать. Он подмигнул ей и ободряюще улыбнулся. Что ещё он мог сделать?

Из-за двери тем временем показался сухопарый старичок с банданой на голове.

— Писатель может войти, — проскрипел он.

Молодой конвоир вежливо поклонился и указал рукой на дверь:

— После вас.

Писатель так и не понял, что было больше в этом поклоне: вежливости или шутовства.

Кабинет был просторный и светлый. Из-за дальнего большого стола поднялся пожилой мужчина самой приятной наружности.

Видимо, это и был Экзекутор. Он очень умело изобразил радушие:

— О, какие люди! Неужели сам Писатель? Чем обязаны?

Старший конвоир шагнул за стол и что-то шепнул тому на ухо.

— Серьёзно? — казалось Экзекутор искренне расстроился. — Ну, что ж...

Он молча указал Писателю на свободный стул. Помолчал. Пожевал губами. Посмотрел в окно.

— Не буду ходить вокруг да около, — вздохнул он, наконец. — Вы у нас второй раз, а это значит, вам грозит деатомизация.

— Сожжение, — поправил Писатель.

— Термин некорректный, но я не буду с вами спорить. Вы должны понимать, что в нашей стране добро победило. Добро, свобода и демократия. Поэтому у нас и нет тюрем. «Долой ГУ-ЛАГ!» — вы ведь помните эти лозунги, когда всё началось? За любое нарушение теперь делают устное предупреждение. И только за второе — деатомизацию.

— А та девочка, — вспомнил Писатель. — В коридоре. У неё какое предупреждение?

Экзекутор поморщился.

— Девочка — некорректный термин. Но если вы о ребёнке в комбинезоне... Я, вообще-то не обязан перед вами отчитываться...

Писатель промолчал.

— ...Но скажу: у неё первый привод.

— И что натворил ребёнок?!

Экзекутор поморщился:

— Поменьше патетики.

Он взял какой-то листок с края стола и быстро пробежал его глазами.

— Ничего серьёзного. Убегала от гей-патруля и пересекла дорогу в неподобающем месте.

Писатель вскочил:

— Ничего серьёзного?! А в следующий раз её поведут на костёр за такую-то мелочь!

Конвой среагировал молниеносно, заломив Писателю руки и усадив обратно на стул. В глазах Экзекутора появилось сожаление.

— Мы же не звери, — проворчал он обиженно. — Лимит правонарушений для детей до шестнадцати лет с прошлого года увеличен с одного до двух. А её родителю № 1 мы уже выписали предписание. С ребёнком мы проведём профилактическую беседу и отпустим. У нас же всё-таки добро победило...

Он дал знак охране, и те отошли в сторонку.

— Да и к вам, как видите, я отношусь подчёркнуто вежливо. И не только по должности. В конце концов, просто из уважения. Я помню ваши книги. Прекрасные книги!

Писатель пристально посмотрел на Экзекутора:

— Жаль, что их сожгли.

Экзекутор выдержал взгляд, но ничего не ответил. Только обратился к старшему конвоиру:

— Один экземпляр книги у меня, а где второй?

— Извините, недоработка.

Конвоир шагнул к Писателю и требовательно протянул руку:

— Попрошу ваш экземпляр книги.

Тот не стал возражать.

Экзекутор положил второй томик на первый.

— Итак, весь тираж у нас. Это ведь весь тираж?

— Так точно! — ответил конвойный. — Стандартный тираж в два экземпляра: один для зачитывания автором в Домах культуры, другой для комиссии Минкульта, помещающих книгу либо в «Чистую сотню», разрешённую для прочтения и пропаганды, либо в «Индекс» запрещённых книг, для дальнейшей, так сказать, деатомизации...

Экзекутор постучал карандашиком по столу.

— Почему же вы, господин Писатель, не стали дожидаться решения комиссии, а сразу ринулись по Домам культуры нести, так сказать, «светлое, доброе, вечное»?

— Для меня мнение Млечина, Радзинского, Амнуэля, Злобина и...

— Стоп! — быстро прервал его Экзекутор. — Вы мне сейчас тут такую аббревиатуру наговорите, что меня вместе с вами... деатомизируют. Если уж хотите их перечислять, перечисляйте по алфавиту.

— Не хочу.

— И не надо. Ну а теперь, если вы, конечно, не возражаете, перейдём непосредственно к вашему творчеству?

— Не возражаю.

— Так вот... Книга у вас получилась довольно объёмная. Крепкая такая производственная повесть о любви транссексуала и дерева. Кхм... Первичная цензура... Прошу прощения, перлюстрация (у нас же демократия победила) вашу книгу одобрила. И целую неделю вы колесили по всем

районам города и вообще, по всей Московии, по всем, так сказать, Домам культуры. И только сегодня мы вдруг узнаём, что содержание книги не соответствует тому коротенькому рассказу, что вы зачитывали на своих собраниях. Рассказывают, что это прямо какой-то план, какие-то призывы к действию... Как же так, господин Писатель?

Писатель поднял голову.

— А что такое Никанор? — сверкнул на него глазами Экзекутор. — Это что, город? И что вообще значит эта ваша дурацкая фраза?

— Вы и это знаете...

— Рассказ был короткий. Наш добропорядочный гражданин всё запомнил.

Писатель улыбнулся:

— Я на это и рассчитывал.

— На что?! Что вас заложит какой-то... порядочный гей?

— На то, что короткий рассказ легко запомнить.

— То есть, призывы были? — уточнил Экзекутор.

— Я не стану перед вами отчитываться.

— Ну, что ж... Я примерно этого и ожидал.

Экзекутор посмотрел на часы и откинулся на спинку кресла.

— Мы кого-то ждём? — удивился Писатель.

— Дмитрий Львович должен подъехать. У него для вас есть одно, весьма заманчивое, предложение...

Писатель проигнорировал последнюю фразу:

— Что, собственной персоной?

— А вы не ёрничайте! Не только вы умеете жечь глаголом сердца людей.

Писатель усмехнулся:

— Я только глаголом, на большее не претендую. Кстати, а что будет делать Дмитрий Львович, когда берёза в нашей крошечной стране закончится?

Может, стоит проводить массовые казни, а то много чести на одного столько дров переводить?

Экзекутор задумался.

— Хорошее предложение... Вы не против, если я оформлю его на себя? В конце концов, вам-то теперь зачем?

Писатель схватился за голову.

— Бред... Ну, какой же бред!..

Казнь была обставлена очень пышно. Борцы за демократию заполнили все ложи. Минкульт собрался в полном составе. От Минобра с трогательной речью о том, как всё было плохо и как всё стало хорошо, выступил Акунин. Пообещав ещё яростней бороться с наследием всех прежних кровавых режимов, он выразил уверенность, что средоточие всяческого зла и вражеской пропаганды — так называемые «Дома культуры» следует не просто закрыть, а и уничтожить, «взорвав к чёртовой матери!» с тем, чтобы построить на их месте бассейны. Телевиденье, вещал он, есть наше будущее, ибо его гораздо проще контролировать, а вещание всяких там «писателей» можно прервать в любой момент, просто нажав кнопку.

В общем, церемония проходила по высшему разряду. Единственное, о чём сожалели все собравшиеся — Повелитель так и не решился выступить с речью, хотя и помахал собравшимся из своего пуленепробиваемого стеклянного куба, а его секретарь торжественно зачитал слова поддержки и одобрения от западных лидеров «молодому и глядящему с уверенностью в будущее, демократическому государству».

Далее перед собравшимися торжественным строем прошёл хор мальчиков, а следом за ним пышной феерией прокатился гей-парад: сначала в одну сторону, потом в другую. Не было только зрителей.

Этот факт поначалу заставил присутствующих нервно переглядываться, но вскоре телевизионщики их успокоили: на экране зрители будут.

Наконец забили барабаны и к пленнице из берёзовых дров, где на кресте был привязан Писатель, подошёл старший Запальщик — Дмитрий Львович. Все камеры устремились на него, давая зрителям крупные планы.

— Хотите что-то сказать напоследок?

— Нет, Дмитрий Львович. Вам я уже всё сказал.

Дмитрий Львович повеселел.

— Ну, как говорили римляне: *O quam cito transit gloria mundi.*

«О, как быстро проходит мирская слава!» — пошли на экране титры. Все фразы были заранее согласованы.

Старший Запальщик тем временем продолжал юродствовать:

— Мы победили, значит, мы правы. Не так ли, господин Писатель?

— Нет, Дмитрий Львович. Сжечь — не значит опровергнуть.

Запальщик весело улыбнулся:

— Вот сейчас и посмотрим...

Дмитрий Львович открутил крышку от обычной десятилитровой канистры и принялся обрызгивать бензином пленницу, стараясь при этом не попасть на ноги осуждённого.

— Я вам, господин Писатель, плесну всего одну канистру. Сначала будет жарко и больно, но бензин скоро прогорит и у вас будет мучительная передышка до тех пор, пока не схватятся как следует дрова. Так что ваше путешествие... как там вы говорите? В Никанор? Лёгким точно не будет. Это я вам обещаю.

— Вы садист, Дмитрий Львович.

— А вы дурак, господин Писатель...

В один из майских светлых дней, когда весь прогрессивный мир скорбел о дне 9 мая, по улице Москвы шла девочка. Она шла и улыбалась. Ей решительно нравилось всё вокруг: и голубое небо, и цветущая сирень, и та маленькая тайна, что пряталась в её невеликой душе, ей тоже очень нравилась. Девочка была одета в обычное летнее платье: белое с голубыми незабудками. Столь вызывающий для современной Москвы наряд очень скоро привлёк к себе внимание.

Взвизгнув шинами, девочку остановил гей-патруль.

— Стой, девочка! Не двигаться! Мы вызываем службу Доставки.

Девочка нашла в себе силы безмятежно улыбнуться в ответ:

— А я не девочка. Я мальчик. Мне можно.

После чего, не спрашивая разрешения, она зашагала дальше, с каждым шагом улыбаясь всё шире. Гей-патруль так и не нашёл что ей возразить.

В другом районе Москвы примерно в это же время другой патруль обнаружил ещё одну возмутительную картину: мужчина в строгом мужском костюме целовался с молодой девушкой в короткой юбке. Это было настолько немыслимо, что патруль сперва проехал мимо, сворачивая на целующихся шеи. И только когда шеям стало невмоготу, опомнился и вернул.

— Стоять на месте! Не оказывать сопротивления! Мы вызываем службу Доставки.

— А с какой, простите, стати, — удивился мужчина. — Я эльф-трансгендер.

— А я вообще ощущаю себя зайцем, — нахмурилась девушка. — Какие к нам претензии?

— Извините, — ответило им существо неопределённого пола.

Ближе к вечеру на Патриарших пересеклись два таких патруля. Разговорились. Оказалось, что в городе стало как-то много всяких извращенцев, и куда только подевались старые добрые геи и лесбиянки. Да, да, кивали они друг другу, куда катится этот мир...

Вдруг их внимание привлекло что-то совсем уж немислимое...

— Мама! Папа! Смотрите, как я умею!

Удивлённо посмотрев на крик ребёнка лет пяти, патрульные переглянулись и, достав шокеры, направились к родителям.

— Стойте на месте! Мы вызываем службу Доставки.

— Нет, нет! Послушайте, всё законно. Это просто наши имена. Ребёнок зовёт нас по имени.

— Что за чёрт? — переглянулись патрульные.

— Вы не знаете? Сейчас это самые популярные имена в Московии. Смотрите...

Мужчина с женщиной достали паспорта и показали патрулю. У мужчины в графе «имя» было написано «Папа», а у женщины — «Мама». Патрульные посоветовались между собой, но возражать на решение паспортного стола они не решились, так как для них тоже действовал счётчик нарушений и ошибок, как и для обычных граждан, пусть даже им давали на единичку больше шансов, чем остальным.

Когда патрули разъехались, женщина прижалась к мужчине и с тревогой спросила:

— Милый, когда-нибудь они догадаются. И что тогда?

Он погладил её по голове.

— Тогда мы что-нибудь ещё придумаем. Главное, не сдаваться. До Никанора путь не близкий... **✎**